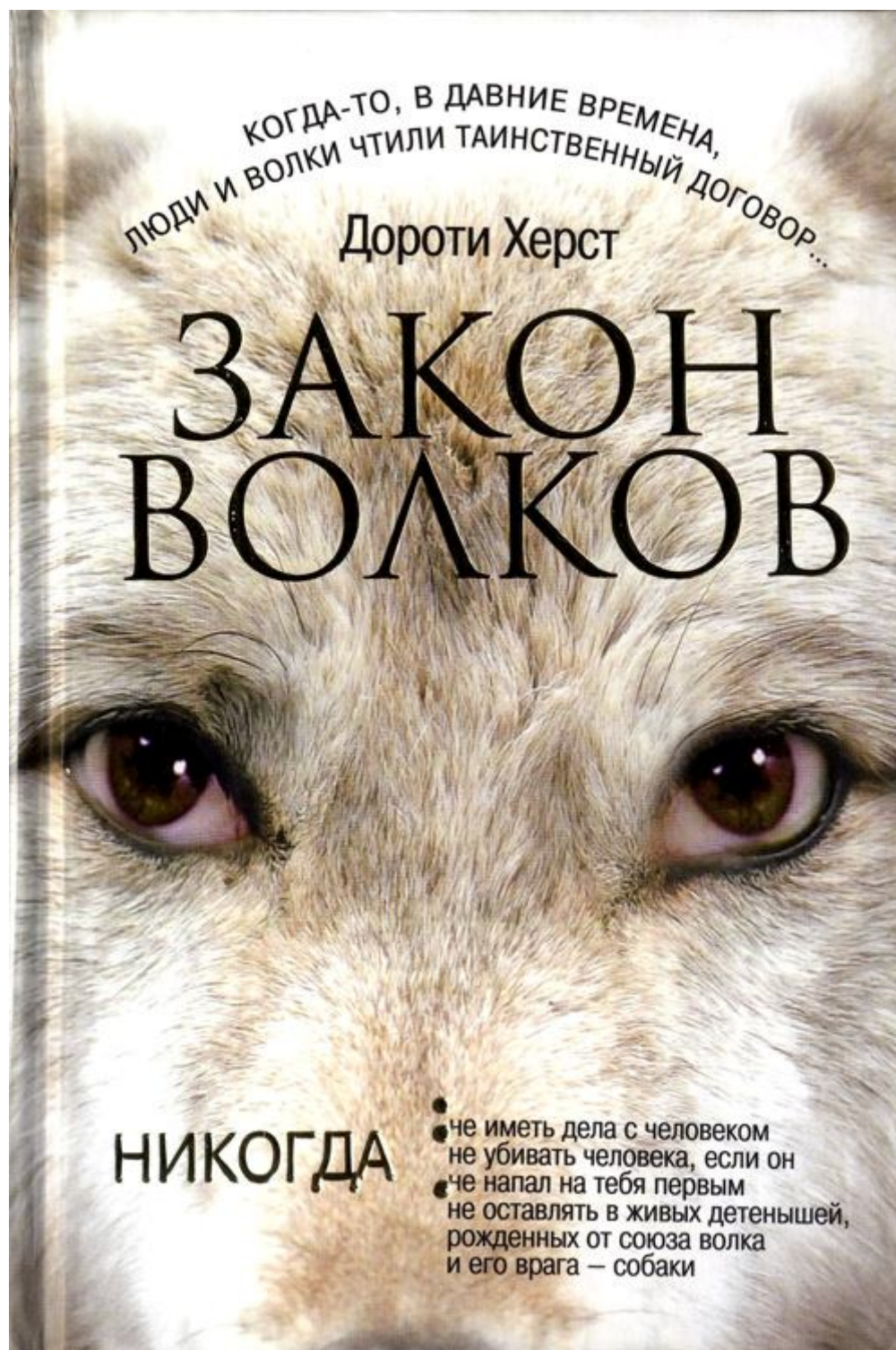

Дороти Херст
Закон волков

—р
«Херст, Д. Закон волков: роман»: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель», ООО «Полиграфиздат»; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-060590-3, 978-5-271-29516-4, 978-5-4215-1152-6

Аннотация

НИКОГДА не иметь дела с человеком.

НИКОГДА не убивать человека, если он не напал на тебя первым.

НИКОГДА не оставлять в живых детенышей, рожденных от союза волка и его врага — собаки.

Этот закон волки Широкой Долины чтут, как святой завет предков. Так было — но однажды что-то начало меняться... Молодая волчица Каала — дочь изгнанной из стаи матери — спасла жизнь человека. И тогда война извечных недругов — людей и волков — стала постепенно превращаться в союз, а потом и в дружбу...

Закон волков нарушен.

Предателей ждет смерть.

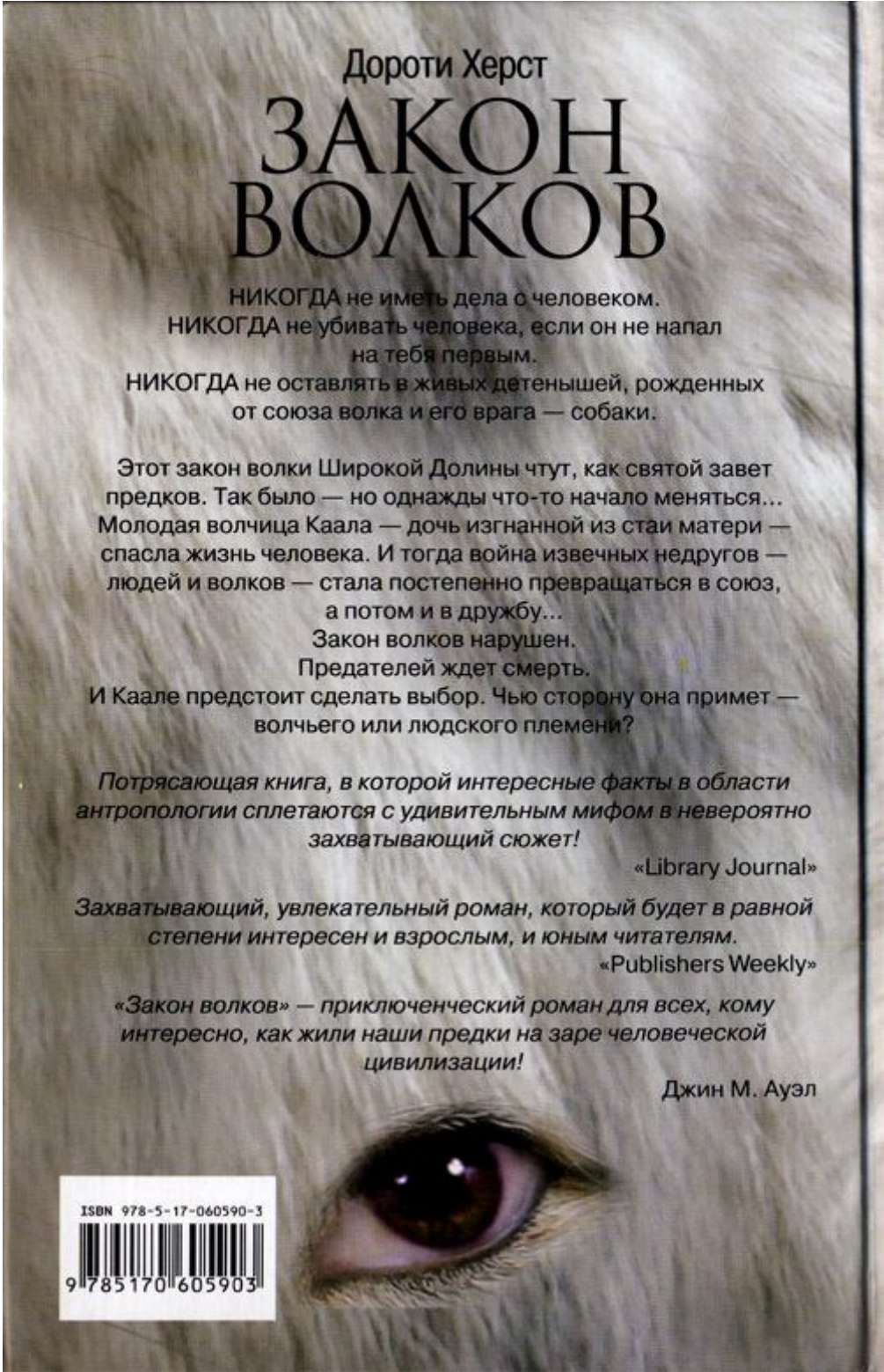
И Каале предстоит сделать выбор. Чью сторону она примет — волчьего или людского племени?

Перевод с английского И. Майгуровой

Оформление дизайн-студии «Три кота»

Dorothy Hearst PROMISE OF THE WOLVES

Печатается с разрешения издательства Simon & Schuster, Inc. и литературного агентства Andrew Numberg.

Дороти Херст

ЗАКОН ВОЛКОВ

НИКОГДА не иметь дела с человеком.
НИКОГДА не убивать человека, если он не напал
на тебя первым.
НИКОГДА не оставлять в живых детенышей, рожденных
от союза волка и его врага — собаки.

Этот закон волки Широкой Долины чтут, как святой завет
предков. Так было — но однажды что-то начало меняться...
Молодая волчица Каала — дочь изгнанной из стаи матери —
спасла жизнь человека. И тогда война извечных недругов —
людей и волков — стала постепенно превращаться в союз,
а потом и в дружбу...

Закон волков нарушен.

Предателей ждет смерть.

И Каале предстоит сделать выбор. Чью сторону она примет —
волчьего или людского племени?

*Потрясающая книга, в которой интересные факты в области
антропологии сплетаются с удивительным мифом в невероятно
захватывающий сюжет!*

«Library Journal»

*Захватывающий, увлекательный роман, который будет в равной
степени интересен и взрослым, и юным читателям.*

«Publishers Weekly»

*«Закон волков» — приключенческий роман для всех, кому
интересно, как жили наши предки на заре человеческой
цивилизации!*

Джин М. Ауэл

ISBN 978-5-17-060590-3

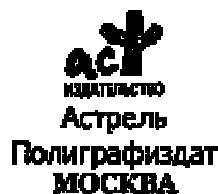

9 785170 605903

Дороти Херст
Закон волков

Дороти Херст

ЗАКОН ВОЛКОВ

Волчьи хроники

Посвящается моей семье, друзьям, а также Хэнпи, лучшей собаке из прежде живших, и Эмми, лучшей собаке из ныне живущих

Часть I СТАЯ

Пролог

40 000 лет назад

И тогда настал холод. Из-за жестокой стужи, как говорят легенды, кролики не вылезали из нор многие месяцы, лоси укрывались в пещерах, у птиц на лету леденели крылья. Воздух переливался кристаллами перед носом волков Широкой Долины, когда те выходили на охоту. Каждый вдох обжигал легкие, от мороза не спасал даже густой подшерсток. Волки сотворены для зимы, но та зима была выше волчьих сил. Солнце, казалось, навечно ушло к дальнему краю земли, а луна, прежде струившая живой свет, смерзлась в темное пятно.

Царь воронов сказал, что зима будет длиться три года и принесет гибель миру. Что она послана в наказание тем, кто не чтит волю Древних. Лидда чувствовала только голод и знала

лишь то, что ее стая неспособна охотиться.

Лидда бродила вдалеке от семьи, даже не пытаясь по пути вынюхивать мышей и зайцев. Тахиим как вожак уже объявил стае о прекращении охоты: волки слишком ослабли и не в силах добывать даже тех немногих лосей, что еще уцелели в Широкой Долине. Оставалось ждать, когда морозная стужа обратится в стылый холод смерти. Ожидание тяготило Лидду, и она двинулась прочь, подальше от голодного взгляда щенков, чьи тонкие кости выступали сквозь шерсть. Все волки в стае — даже подростки — должны заботиться о детенышах, и если Лидда не в состоянии добыть им пищу, то она недостойна называться волчицей.

Она пробиралась через глубокие снежные завалы; каждая шерстинка на спине казалась тяжким грузом. Над головой кружили несколько воронов — ей бы такие крылья, долететь до равнины, где обычно охотилась стая... Там еще остались лоси, можно напасть на самого сильного и биться до смерти — до собственной смерти, ослабевшая Лидда в этом не сомневалась.

За гребнем заснеженного холма уже виднелась равнина. Лидда, тяжело дыша, легла брюхом на землю, но тут же вскочила; светло-бурая шерсть поднялась дыбом. Запах человека! Скорее прочь отсюда — волкам нельзя встречаться с людьми, древний запрет неумолим... Опомнившись, Лидда засмеялась над собой. Чего бояться? Она ведь ищет смерти, а человек ей поможет...

Ее ждало разочарование: найденный ею человек — подросток, как сама Лидда, — выглядел не более угрожающе, чем новорожденный лисенок. Тощий и голодный, как все сейчас на равнине, он плакал, привалившись спиной к скале; его смертоносная палка валялась рядом. Страх в человеческих глазах, вскинутых навстречу Лидде, через миг сменился покорностью.

— Ты за мной, волчица? — произнес он. — Тогда не теряй времени. Мне не добыть еды для братьев и сестер: я слишком слаб, чтоб настичь легконогого лося. А возвращаться к голодной семье с пустыми руками — выше моих сил. Возьми мою жизнь...

В глазах юноши Лидда увидела такое же отчаяние, какое испытывала сама. Ему тоже нужно кормить щенков своей стаей... Привлеченная теплом его тела, она незаметно для себя сделала несколько шагов. Юноша отбросил прочь заостренную палку и опустил руки, открывая волчице шею и живот: теперь, вздумай она покончить с ним, лишних хлопот не потребуется. Однако Лидда замерла на месте, впервые разглядывая человека пристально — наперекор былому запрету.

«Волк, вступивший в общение с человеком, будет изгнан из стаи, — говорил Тахиим волчатам Лиддиного помета, тогда еще совсем щенкам. — Люди — охотники, как и мы, они считают нас добычей. Влечение к ним подобно зову охоты. Держитесь от них подальше — или вы перестанете быть волками».

Теперь, глядя на юношу, Лидда почувствовала, о чем говорил Тахиим: ее тянуло к человеку так, словно он был щенком ее стаи или волком, который станет ей парой. От смятения ее бросило в дрожь, словно пойманного кролика. Разум приказывал уходить прочь; рвущееся из груди сердце влеклось к юноше. Лечь бы рядом с ним, выгнать холод из промерзших костей... Лидда встряхнулась и отступила на шаг, но человеческий взгляд не давал ей уйти. Ледяной порыв ветра толкнул ее в спину, она качнулась вперед. Юноша неуверенно протянул руки.

Лидда шагнула в раскрытые объятия и легла, укрыв собой ноги юноши и положив голову ему на грудь; тепло человеческого тела она ощущала даже сквозь шкуры, которыми люди — почти бесшерстые — пытаются защититься от холода. Юноша, на миг замерший от удивления, обхватил волчицу руками; Лидда не отводила от него глаз.

Так они лежали вместе, пока сердца отбивали тысячу ударов: волчье сердце замедлило бег, приноровляясь к человеческому, человеческое в ответ забилося быстрее. Лидда почувствовала, как прибывают силы; юноша, должно быть, ощутил то же. Разом поднявшись, словно единое существо, они направились к полям охоты.

Человек и волчица перешли на дальний край равнины, где водилась добыча, и не сговариваясь выбрали жертву; лось-самец, обнаруживая свою слабость, нервно задергал головой при их приближении. Стремительная, как солнечный луч, Лидда понеслась за ним, забыв о недавней усталости. Она гнала лося все дальше, запутывая и изматывая, пока окончательным броском не выгнала его на юношу, стоящего наготове. Заостренная палка со свистом рассекла воздух, глубоко вошла в грудь лося — и Лидда, настигнув споткнувшуюся жертву, вонзила зубы в лосиное брюхо.

Она вгрызалась в теплую плоть, голову дурманил запах и вкус добытой наконец еды. Что-то тяжелое ударило ей в бок — толкнул человек, подоспев за своей долей добычи. Зарывав, Лидда вернулась на прежнее место, и вдвоем они припали к туше. Прежде чем насытиться до полной неподвижности, Лидда вспомнила о голодающей стае и принялась отгрызать от туши задний окорок, чтобы отнести его своим. Юноша, орудуя острым камнем, уже отрезал второй окорок и теперь разделявал оставшуюся часть лося. Ухватив пастью тяжелую ношу, Лидда порадовалась, что дом недалеко. Сытость придала ей сил, она двинулась к своей стае.

Полный желудок, вкус свежего, еще теплого мяса во рту — она на время забыла о человеке и обернулась только на границе леса. Юноша, на тощих плечах которого громоздился окорок, тоже остановился, опустив руку с волочащимся по земле лосиным ребром. Второй рукой он помахал Лидде. Она положила добычу на землю и пригнула голову в знак приветствия.

Взрослые волки ее стаи, почуявшие мясо издалека, едва поверили собственным глазам, когда Лидда добралась до заветной поляны и тихо опустила окорок на землю.

Всю стаю таким куском, конечно, не насытить, но все же появление полноценной еды — первой за пол-луны — означало надежду. Как только волки поняли, что мясо — не предсмертное видение, а реальность, они сгрудились вокруг Лидды в радостных приветствиях, на миг забыв об изнуряющей слабости. Лидда, склонив голову, положила мясо перед Тахиимом и отступила на шаг. Он легко прикоснулся к волчице носом и дал знак стае, что можно приступать к дележу. После, взяв с собой тех из волков, кто еще годился для дальнего бега, Тахиим пустился по Лиддиному следу, чтобы принести остатки туши.

Лидда обернулась к щенкам — те скулили, почуяв запах свежего мяса. Она опустила голову и, когда один из них ткнулся в угол ее рта, отгрыгнула часть пищи. Хотя изголодавшееся тело отдавало еду неохотно, радость щенков того стоила. Волчатам из стаи Широкой Долины голод больше не грозил.

Лидда устремилась вслед за Тахиимом и теми, кто отправился за остатками добычи. Она была слишком взбудоражена успешной охотой и слишком счастлива оттого, что добыла пропитание для стаи, первое знакомство с человеком кружило ей голову — и она даже не заметила, что в воздухе стало неуловимо разливаться тонкое веяние тепла, настолько легкого, что его можно было принять за иллюзию.

...Лидда и человеческий юноша лежали у скалы, где впервые встретились; теперь здесь появился клочок теплой земли, с которой сошел талый снег. На протяжении целой луны волки Лиддиной стаи охотились вместе с людьми, и делили с ними добычу, и играли с их детенышами, и пускались с ними в бег на рассвете и в закатных сумерках. Лидда не расставалась со своим человеком: ей чудилось, будто она обрела в нем нечто давно утраченное — былую потерю, о которой даже не подозревала.

Они сидели под скалой; юноша перебирал пальцами густой мех Лидды, свернувшейся у его ног. Их освещало Солнце, Земля приветственно тянулась к ним стеблями травы. Луна ревниво ожидала часа, когда вновь их увидит. А Небо — Небо простиралось вокруг, не отводя от них взгляда.

Потому что Древние были исполнены ожидания и надежды. Они вовсе не желали гибели живых существ.

Глава 1

Легенды гласят, что от смешения крови волков Широкой Долины и волков, живущих за ее пределами, появится волчица, которой судьба вечно стоять на рубеже между двумя мирами. Из-за нее может прийти конец не только стае, но и всему волчьему роду. Именно потому Рууко, представший перед нами в сумраке занимающегося рассвета, пришел убить моего брата, сестер и меня через четыре недели после нашего рождения.

Убийство щенка — деяние противоестественное: волк предпочтет скорее отгрызть себе лапы, чем тронуть детеныша. Мою мать могли бы простить, когда она — обычная волчица, которой не положено давать потомство, — все же принесла щенков. Но она еще нарушила закон Широкой Долины, охраняющий чистоту нашей крови, а это было много хуже. Рууко всего лишь выполнял свой долг.

Он недавно наделил Риссу целым выводком детенышей: продолжать род позволено только вожаку, прочие волки могут спариваться не иначе как с его разрешения, поскольку лишних щенков в скудные годы трудно прокормить. В Широкой Долине, вмещавшей четыре волчьих стаи и несколько людских племен, в то время царила вражда, добычи становилось все меньше. Волки, как правило, обходили наши владения стороной, зато люди то и дело норовили оттеснить нас с привычных мест охоты. Год моего рождения был не самым изобильным для стаи Быстрой Реки. Мать, видимо, до конца надеялась, что Рууко не почует в щенках кровь чужака и не станет нас убивать.

Двумя днями раньше, на рассвете, мы с братом попробовали вскарабкаться по мягкому прохладному склону, ведущему из полутемной норы в тот незнакомый мир, звуки которого отражались эхом от стен нашего жилища. Голоса взрослых волков, неведомые запахи — все казалось заманчивым, и мы норовили пробраться к выходу всякий раз, как улучали время между едой и сном.

— Погодите, — остановила нас мать, преграждая дорогу. — Сначала я вам кое-что скажу.

— Мы только взглянем, что там снаружи. — Хотя Триелл старался говорить вкрадчиво, глаза его озорно блеснули. Мы двинулись было дальше, но мать огромной лапой прижала нас к полу.

— Щенков перед вступлением в стаю подвергают проверке. Кто не выдержит, того не оставляют в живых. Поэтому слушайте. — Ее голос, обычно мягкий и успокаивающий, теперь звучал озабоченно. — При встрече с вожаками, Рууко и Риссой, вы должны показать им, что сильны и здоровы, что вы достойны стать членами стаи Быстрой Реки. И отнеситесь к ним с почетом и уважением.

Окинув нас тревожным взглядом, мать убрала лапу и наклонилась вылизать моих сестер, тоже потянувшихся к выходу. Мы с Триеллом вернулись в угол теплой норы и принялись мечтать о подвигах, которыми мы завоюем место в стае. То, что мы можем не преуспеть, даже не приходило нам в голову.

Через пару дней, наконец выбравшись из норы, мы увидели пятерых щенков Риссы, неуверенно толпящихся на прогалине между деревьями. Двумя неделями старше нас, они уже были готовы предстать перед стайей и получить имена. Рисса стояла чуть поодаль, наблюдая, как Рууко осматривает детенышей. Нас, еще нетвердо держащихся на лапах, мать подтолкнула ближе к нему и оглядела тесную поляну.

— Рууко выбирает, кого принять в стаю. — Ее морда от волнения напряглась, голос сделался хриплым. — Поклонитесь, выкажите почтение, расположите его к себе.

Он оставит тех, кто ему понравится. Слышите? Угодить ему — значит выжить!

Мир за пределами логова наполнился незнакомыми запахами. Мощный и дразнящий запах стаи — по меньшей мере шестерых волков, собравшихся поглядеть на обряд принятия детенышей, — смешивался с ароматом листьев, травы и земли, от него хотелось чихать.

Чистый, нагретый солнцем воздух манил прочь от норы и привычного материнского тепла. Мать следовала за нами, едва слышно поскуливая.

Рууко окинул ее взглядом и отвернулся. Его собственные волчата, крупнее и упитаннее нас, тявкали и жались к отцу, то и дело норовя лизнуть опущенную к ним морду или упасть на спину, открыв мягкий живот. Он обнюхал их одного за другим, поворачивая с боку на бок, чтоб не пропустить знака слабости или болезни. Те, чьей мордочки в итоге Рууко касался еще раз, осторожно беря ее зубами, считались принятыми в стаю — такими оказались все, кроме одного.

— Теперь вы часть стаи, — сказал им Рууко, — и любой из наших волков обязан вас кормить и защищать. Приветствуем тебя, Борлла. И тебя, Уннан. Добро пожаловать, Реел и Марра. Теперь вы — волки Быстрой Реки, наше будущее.

Мелкого взъерошенного волчонка Рууко оставил безымянным: нареченный щенок пользуется покровительством стаи, и потому вожак не дает имени тем детенышам, которые слишком слабы, чтобы выжить. Один волчонок даже не дожил до испытания: Рисса, метнувшись в нору, вытащила оттуда мягкий комок и зарыла его на краю прогалины.

Стая уже разразилась приветственным воем в честь детенышей; волки, радостно помахивая хвостом и топорща уши, подбегали к щенкам поздравить их со вступлением в стаю. Приветствия перешли в игру, и взрослые волки гоняли наперегонки и валялись по устланной листьями земле, твякая от удовольствия при виде новых щенков — таких же, как мы. Я ткнулась носом в щеку Триелла.

— Бояться нечего: надо просто показать, что мы сильные и почтительно относимся к взрослым.

Триелл чуть помахивал хвостом, наблюдая за играми. Живые глаза, короткая сильная шея — он ничем не уступает щенкам Рууко и Риссы. Мать боялась напрасно: мы тоже крепки и здоровы, Рууко не замедлит дать нам имена и объявить нас членами стаи Быстрой Реки.

Рууко, оставив своих волчат, подошел ближе и теперь сверху вниз глядел на нас. Он был самым крупным волком в стае — на целое ухо выше остальных, с широкой грудной клеткой и внушительными мускулами под серой меховой шкурой. Помедлив мгновение, Рууко наклонился и раскрыл над нами огромную пасть. Мать, шагнув вперед, заступила ему дорогу.

— Брат, — попросила она (мать с Риссой родились в одном помете и вступили в стаю Быстрой Реки одновременно), — оставь их жить.

— В них кровь чужаков, Нееса, они будут отбирать мясо у законных детенышей. Лишних щенков стая не вместит.

От злобного голоса меня бросило в дрожь, Триелл начал поскуливать.

— Ты лжешь. — Мать бесстрашно глядела на Рууко снизу вверх, не отводя янтарных глаз. — И прежде бывали тяжкие времена, но стая выживала. Ты просто боишься всего непривычного, для вожака Быстрой Реки ты слишком пуглив. Лишь трус решится убивать щенков.

Рууко зарычал и с размаху обрушился на нее всем телом, прижав мать к земле.

— Думаешь, мне нравится убивать детенышей? — пророкотал он. — Когда мои стоят здесь же? Твои щенки — не просто непривычные, я чую в них кровь чужаков! Не мной они рождены, Нееса, не я нарушил заповедь. Отвечать за все — тебе! — Он вонзил зубы в ее шею и сжимал челюсти до тех пор, пока мать не заскулила. Лишь тогда он ее отпустил.

Мать с трудом встала на ноги и отшатнулась, теперь страшная пасть Рууко нависала прямо над нами. Мы в ужасе отбежали, сгрудившись вокруг матери.

— У них есть имена! — попробовала она вступить еще раз.

Да, в обход обычая мать нарекла нас при рождении. «Получая имя, вы становитесь частью стаи, — сказала она тогда. — И Рууко вас уже не убьет». Моих сестер она назвала в честь цветов и трав, растущих вокруг норы, Триелла — черного волчонка со сверкающими, как звезды, глазами — в честь безлунного ночного неба. Из-за белого полумесяца, четко

прорисованного посреди серой шерсти у меня на груди, я получила имя Каала — Дочь Луны.

Мы с Триеллом и сестрами, трепеща, льнули к матери. Прежде я смеялась над ее опасениями и считала, будто в стаю принимают всех, кто умеет себя вести как настоящий волк. Однако теперь стало ясно, что не только место в стае, но и сама жизнь оказывается под угрозой.

— У моих детей есть имена, брат, — повторила мать.

— Не я их нарекал. Твои щенки рождены вне закона, они не принадлежат стае. Прочь с дороги!

— Я не уйду!

Огромная, почти в рост Рууко волчица, морду которой густо покрывали шрамы, прыгнула на мать вслед за вожакom; вдвоем им удалось оттеснить ее в сторону.

— Убийца щенков! Ты мне не брат! — огрызнулась мать. — Ты недостойн зваться волком!

Даже я понимала, что такие слова только озлобят Рууко. Рыча, он отогнал мать к самой норе, под присмотр волчицы со шрамами, и вернулся к нам. Рисса, оставив скулящих и жмущихся к ней щенков, вышла вперед и встала рядом с Рууко.

— Спутник, — произнесла она низким звучным голосом, — моя ответственность не меньше твоей, ведь это я не уследила за сестрой. Я сделаю что положено.

От нее пахло силой и уверенностью, белая шерсть блестела под лучами раннего солнца. Рууко лизнул волчицу в морду, на мгновение ткнулся носом в белоснежную шею, словно набираясь решимости, а затем мягким движением оттеснил Риссу назад. Остальные волки стояли по краям прогалины — одни поскуливали, другие смотрели молча; никто не пытался подойти, над нами возвышался один Рууко. Даже сейчас, много времени спустя, при взгляде на него я порой вспоминаю тот миг, когда вожак навис надо мной, готовый вцепиться зубами в глотку и вытрясти из меня дух. В живых оставалась лишь я: мои сестры и любимый брат уже лежали бездыханными.

Аззуен говорит, что я не могу помнить случившегося, ведь мне было всего четыре недели от роду. Однако я ничего не забыла. Сначала погибли сестры, затем вожак добрался до Триелла: еще мгновение назад тот лежал, прижавшись ко мне теплым боком, — и вдруг его тело взмыло вверх, поднятое с земли мощной хваткой Рууко. Триелл взвизгнул, я поймала его взгляд и, забыв о страхе, подскочила на задних лапах, чтобы удержать его, но тут же вновь свалилась на землю — неокрепшие пока лапы держали меня плохо. Острые зубы Рууко грозно сомкнулись, тело Триелла обмякло и замерло. Неужели он мертв? Неужели не поднимет голову, не взглянет на меня лучистыми глазами?..

Рууко, бросив Триелла рядом с сестрами, повернулся ко мне.

Мать потихоньку отползла от норы и теперь подобралась ближе, стелась брюхом по земле. Опустив уши и поджав хвост, она умоляла Рууко остановиться. Он на нее даже не взглянул.

— Вожак вершит что положено, Нееса, — спокойно произнес старый волк. — В щенках течет кровь чужака, Рууко лишь ограждает стаю от опасности. Не осложняй ему выбор.

Я глядела на Рууко, не опуская головы. Ни унижение, ни мольбы не спасли моих сестер и брата. Когда тело Триелла ударилось о землю рядом со мной, вместо трепета меня обуяла ярость: мы с Триеллом спали и ели вдвоем, и вдвоем мечтали, как завоюем место в стае! А теперь он погиб! Оскалившись, я зарычала на тех же нотах, что и Рууко, и тот от неожиданности отступил. От гнева куда-то делся страх — я прыгнула, норовя вцепиться в волчье горло, но достала лишь до груди: высоко прыгать я еще не умела. Рууко легко отбросил меня в сторону и на мгновение замер, не отводя взгляда, словно вместо меня увидел самого Волка Смерти.

— Жаль, кроха, — тихо проговорил он. — Я обязан думать о благе стаи. У меня нет выбора.

Раскрытая пасть Рууко приблизилась ко мне вплотную. Послышался чей-то горестный

вскрик, волки сбились к краю прогалины. Яркий луч утреннего солнца ударил мне в глаза, когда я подняла голову, чтобы встретить смерть.

— Она должна остаться в живых, Рууко.

Вожак замер на месте, бледно-желтые глаза расширились. Эхо от голоса разнеслось по поляне, и Рууко, к моему изумлению, захлопнул грозную пасть, прижал уши и отступил, приветствуя пришедшего.

Проследив взгляд вожака, я увидела огромного, небывало крупного волка: грудь его приходилась на уровне морды Рууко, а мощная шея проступала где-то там, откуда струились на поляну лучи взошедшего солнца. В странных зеленых глазах — не янтарных, как у взрослых волков, и не голубых, как у детенышей, — проглядывало удовольствие. Через мгновение на прогалину ступила такая же крупная зеленоглазая волчица с более густым и темным мехом.

Волки материнской стаи, прижав уши и опустив хвост, один за другим подползали на брюхе к середине поляны, чтобы почтительно приветствовать невиданных и грозных гостей.

— Это верховные волки, — шепнула мать, подобравшись ближе ко мне, — Яндру и Франдра. Двое из тех, что еще остались в Широкой Долине. Они говорят с Древними, мы им подчиняемся.

Верховные волки милостиво принимали приветствия.

— Добро пожаловать, владыки, — уважительно опустив голову, проговорил Рууко. — Я лишь исполняю свой долг и забочусь о стае. Этот помет появился без моего дозволения.

— Второй помет тоже часто оставляют жить. — Яндру, опустив голову, обнюхал недвижимое тело Триелла. — И ты, Рууко, прекрасно это знаешь: четыре года назад тебе с братьями сохранили жизнь. Ты, вероятно, за давностью забыл, но для меня срок невелик.

— То было время изобилия, владыка.

— Один щенок много не съест. Я хочу, чтобы она осталась в живых.

Рууко помедлил с ответом, остерегаясь гнева Яндру.

— Не все так просто, владыка, — произнесла, выходя вперед, Рисса. — В ней течет кровь чужака. Мы не вольны нарушать закон Долины.

— Чужака? — Яндру резко взглянул на Рууко, в голосе его больше не слышалось ни мягкости, ни усмешки. — Почему ты не сказал?

Рууко склонил голову еще ниже.

— Мне не хотелось показаться неумелым вожаком. Яндру молча задержал на нем взгляд, затем обернулся к моей матери, не сдерживая гнева:

— Как ты посмела? Ведь от этого зависит жизнь стаи!

Франдра сверкнула глазами; сильный и уверенный голос прозвучал неожиданно громко — я даже отскочила назад, не устояв на лапах.

— Легко говорить, Яндру, когда тебе не запрещено плодить потомство где и когда пожелаешь. Не в одиночку же она зачала. — Взглянув на Яндру, смущенно приопустившего уши, Франдра повернула огромную голову к матери. — Но как ты позволила щенкам дожить до возраста, когда придет пора зваться волками? Ты ведь знала, что таким не место в стае, их надо было убить при рождении!

— Я хотела, чтобы стая их приняла, волчата могли оказаться полезны, — робко проговорила мать. — Мне снилось, будто они спасут волчий род. Остановят добычу, уходящую из Долины, или оттеснят людское племя. В моих снах щенки всегда спасают нам жизнь. Взгляни, ведь она не знает страха!

Я поднялась с земли и попыталась унять дрожь в лапах — чтобы больше походить на приличного волка, достойного принятия в стаю.

— Владыки, сестра всегда мечтала о большем влиянии, — снова вступила Рисса. — Бывало, ее сны приносили нам удачу на охоте, но ей хотелось щенков.

— Не важно, — отрезал Яндру. — Щенки, рожденные от чужака, не должны оставаться в живых. Делай что положено, Рууко.

Поворачиваясь уходить, Яндру чуть не наступил на меня, я снова зарычала.

— Мне очень жаль, Мелкозубка, — отозвался он. — Я бы сохранил тебе жизнь, но не могу идти против заповеди. Да будет скорым твое возвращение в Широкую Долину.

Происходящее отзывалось обидой и несправедливостью — так тянуло иногда сырým холодным ветром в материнской норе. Неужели величественный волк не властен поступать как пожелает?.. Я оглянулась, высматривая место, куда можно спрятаться, и уже хотела бежать, когда Франдра шагнула вперед, отгородив меня от острых зубов Рууко.

— Я не позволю ее убить! — прорычала она. — Пусть обычный порядок вещей диктует иное, — жизнь меняется, спутник, нельзя вечно стоять на месте. Люди захватывают все больше добычи, и с каждым днем их все труднее сдерживать. Равновесие поколебалось, нам нельзя оставаться в бездействии, нужно что-то менять. И чем скорее, тем лучше. — Волчица посмотрела на меня. — Если в ней кровь чужака — так тому и быть. Эта храбрая кроха, останься она в живых, может добавить нам забот, зато с ней может прийти и надежда. Воля к жизни в ней слишком сильна — нельзя отмахиваться от знаков, даруемых нам Древними.

— Франдра...

— Ты потерял не только чутье, но и слух, Яндру? — огрызнулась она в ответ. — Ты ведь знаешь, что время на исходе, а мы почти бессильны.

— Я не приму такую ответственность. Закон нарушен в обход нашего позволения, нам незачем идти против Совета верховных волков.

— Ответственность тут не только твоя. — Франдра твердо взглянула ему в глаза. — Хочешь решить спор битвой — будем биться.

Яндру на миг застыл, и Франдра проговорила торопливым шепотом так, что слышали лишь Яндру и мы с матерью:

— Взгляни, спутник! У нее на груди знак луны, знак Равновесия. Совет волков слишком закоснел и часто не видит дальше своего носа. А вдруг мы ждем именно ее? Вдруг она избрана Древними?

— Я назвала ее Каалой, Дочерью Луны, — вставила мать.

Яндру помедлил, затем огромной лапой перевернул меня на спину, разглядывая полумесяц на груди. Я лихорадочно пыталась придумать хоть что-нибудь, что сохранит мне жизнь, но взгляд зеленых глаз не давал соображать. Наконец Яндру, приняв решение, отступил на шаг и склонил голову перед Франдрой.

— Оставь ее жить, — проговорил он, поворачиваясь к Рууко. — Если решение окажется неверным, верховные волки примут ответственность на себя.

— Владыки...

— Тебе не позволено ее убивать, малый волк, — жестко бросила Франдра, перебивая Рууко. — Законы Долины устанавливаются верховными волками, мы вольны делать исключения. У нас есть причины оставить этого щенка в живых.

Рууко попытался было возразить, но Франдра, зарывав, прижала его к земле передними лапами. Когда она отступила, он с трудом встал на ноги и склонил голову в знак подчинения, хотя в глазах его затаился злобный огонь. Франдра обратилась ко мне:

— Доброй удачи, Каала Мелкие Зубки. — Она улыбнулась и подтолкнула Яндру к краю прогалины. — Наверняка мы еще встретимся.

Когда Франдра и вслед за ней Яндру скрылись в лесу, мать настойчиво зашептала мне в ухо:

— Каала, послушай и запомни. Теперь Рууко не даст мне здесь жить, это точно. Но ты обязана остаться. Делай все, чтобы войти в стаю. Вырастешь — отыщи меня: я должна рассказать тебе об отце. Обещаешь?

Она не отводила от меня взгляда, и я не могла ей отказать.

— Обещаю, — прошептала я. — А можно мне уйти с тобой?

— Нет. — Она приблизила ко мне морду, прижавшись мягкой шерстью к моему лицу, чтобы я запомнила ее запах. — Ты должна остаться и войти в стаю. И только потом ищи меня. Ты обещала.

Мне хотелось спросить почему. Хотелось спросить, как ее отыскать, — однако было

поздно: как только верховные волки скрылись из виду, Рууко подскочил к моей матери и, повалив на землю, вонзил зубы ей в шею. Брызнула кровь, мать взвыла от боли, хотя успела оттолкнуть меня прочь — я, не устояв, шлепнулась на землю, но тут же снова встала на ноги.

— Ты принесла раздор в стаю, отняв покой у меня и детей! — прорычал Рууко. — Из-за тебя стая Быстрой Реки нарушила Равновесие!

Обычно волки не ранят друг друга: каждый знает свое место в стае и избегает стычек, — однако сейчас Рууко не мог выместить гнев ни на мне, ни на верховных волках, и потому налетел на мать. Она пыталась защититься, однако, когда на нее налетели Минн, волк-однолетка, и Веррна — огромная волчица с покрытой шрамами мордой, — мать заскулила и отползла к краю поляны; едва она попробовала приблизиться к остальным, на нее снова напали и оттеснили в сторону. Меня тянуло бежать за ней, чем-то помочь... увы, силы мне изменили, оставалось лишь в ужасе смотреть на происходящее.

Рисса подхватила ближайшего щенка, Реела, и в зубах отнесла его в нору.

— Дай мне хотя бы выкормить щенка, брат, — в отчаянии молила мать. — Не прогоняй меня до тех пор.

— Уходи сейчас, ты больше не в стае. — Рууко теснил ее к краю прогалины; несколько раз она пыталась обернуться, и все-таки вожак с двумя волками отогнал ее, окровавленную и поскуливающую, далеко в лес.

Вернувшись, Рууко издал повелительный рык, и все взрослые волки, кроме Риссы, устремились прочь с поляны: вожаку нужно заботиться о добыче, а солнце уже делалось жарким, для охоты оставались немногие часы.

Я хотела было двинуться в лес, по следам матери, но измученные душа и тело отказывались служить, я бессильно опустилась на жесткую землю, прохладную даже под теплым утренним солнцем.

Самые крупные и самодовольные из щенков Риссы, Уннан и Борлла, подобрались ко мне и оглядели с головы до ног, не скрывая презрения. Борлла, на вид покрепче Уннана, больно ткнула мордой мне в ребра и обернулась к брату:

— Да уж, долго она не протянет.

— Точно! Только и годна, что в пищу медведям.

— Эй, медвежья еда! — подхватила Борлла. — Не вздумай подступиться к нашему молоку!

— А то мы довершим начатое отцом! — Подлые глазки Уннана смерили меня от носа до хвоста.

Щенки припустили рысью к норе, где прежде скрылась Рисса. Борлла по пути не упустила случая отвесить шлепок самому мелкому из братьев — взъерошенному волчонку, которому не дали имени; Уннан, глядя на нее, зарычал на Марру — вторую из своих сестер — и повалил ее в пыль. После этого Уннан и Борлла, довольные собой, победно задрали хвосты и важно двинулись дальше. Марра отряхнулась и поспешила за ними; меньший волчонок остался лежать, припав к земле.

Весь день я провела на поляне, несмотря на жарко палящее солнце. Мне казалось, что если ждать долго, то мать вернется и заберет меня с собой.

Прошел день, настала ночь; взрослые волки вернулись с утренней охоты, выпались и ушли на вечерний промысел, темный лес ожил незнакомыми пугающими звуками. Мать все не возвращалась. Меня оставили в живых, но я была обречена на одиночество, страх и презрение со стороны родной стаи.

Глава 2

Я не стала возвращаться в материнскую нору — там пахло погибшими сестрами и братом, там ждало лишь одиночество. Внезапно донесся запах молока и теплых тел, послышалось чмоканье, — и голод сорвал с меня оцепенение, не отпускавшее весь день. Часть меня еще недоумевала: как я смею думать о еде, когда мою мать навсегда изгнали?

Однако неужели я выстояла против Рууко лишь для того, чтобы умереть от голода в нескольких шагах от теплого молока Риссы? Я не знала, захочет ли она меня накормить, но ведь я дочь ее сестры, во мне течет та же кровь — я должна попытаться! Я не забыла угрозы Уннана и Борллы, и тем не менее страх пересиливался голодом. Я отползла от тел брата и сестер и двинулась было к норе, откуда доносились манящие запахи и звуки, как вдруг заметила взъерошенного волчонка, неловко свернувшегося на краю поляны. После удара Борллы у него поперек правого глаза осталась царапина, а тело из-за спутанной шерсти казалось еще более мелким и жалким.

— Ты умрешь от голода, если здесь останешься!

В ответ он лишь молча на меня взглянул. Яркие, лучащиеся серебристым светом глаза напомнили мне Триелла, и я уже не могла пройти мимо, как ни манила еда.

— Кроха, — я назвала его тем же ласковым словом, каким обращалась к нам мать, — если ты не научишься давать отпор, то так и проживешь всю жизнь с поджатым хвостом, и тебя станут звать низкохвостом.

В каждой стае есть слабый волк: его презирают, с ним не считаются, ему перепадает меньше еды. Таких и зовут низкохвостами. Впрочем, если взъерошенный волчонок сейчас не поест, то ему и не придется дожить до возраста, когда его вздумают наградить такой кличкой.

Он прикрыл лапы облезлым хвостом и оглянулся на такую же облезлую траву рядом.

— Тебе-то легко, за тебя верховные волки... — Он нахмурился, прикрыв лучистые глаза. — Все хотят, чтобы я умер. Мне даже не дали имени.

Я нетерпеливо отвернулась: незачем терять время на щенка, который не собирается выжить. Триелл, останься он в живых, отдал бы за такой шанс что угодно и не подумал бы скулить и дрожать от страха. А слабым не место в стае.

Я просунула морду в нору, раздался голос Риссы:

— Входите, щенки, пора пить молоко и отдыхать!

Обрадовавшись, я полезла было внутрь, но на полпути вспомнила, какой одинокой и брошенной я себя чувствовала совсем недавно, — и оглянулась на безымянного волчонка. Не оставлять же бедолагу на голодную смерть... Я вылезла обратно и без лишних слов пропихнула его в нору. С удивленным визгом он кувыркнулся вниз, а я вошла следом.

Нора Риссы оказалась больше материнской, прочные земляные стены поддерживались корнями огромного дуба, росшего прямо над ней. Здесь я почувствовала себя в безопасности. При нашем появлении Уннан, с тремя остальными щенками жадно припавший к животу Риссы, скосил на нас глаза и зарычал; безымянный волчонок вздрогнул и попятился.

Я была слишком подавлена потерей брата с сестрами и изгнанием матери, слишком обозлена отношением стаи ко мне, все тело горело, мускулы свело, шерсть на загривке встала дыбом — и при виде Уннана и Борллы, сосредоточенно сосущих молоко и не намеренных им делиться, я просто оттолкнула Уннана в сторону, освобождая нам место. Я даже не задумалась о том, что наживаю врага в лице Уннана, мной владело безумие. Безымянный волчонок все медлил, я сгребла его зубами за мягкий загривок, подтащила к Риссе и велела:

— Ешь!

Уннан попытался меня отпихнуть, Борлла зарычала, но мне было не до них: я уже припала к вкусному, животворному молоку Риссы. Безымянный волчонок угнездился между мной и Маррой — самой мирной из всего помета. Затем, сытые и согретые, мы уснули, прижавшись к сильному телу волчицы.

На следующее утро Уннан и Борлла попробовали избавиться от меня насовсем. Рисса, уставшая от долгого заточения, ушла с Рууко на предрассветную охоту, оставив нас, как принято в стае, под присмотром двоих годовалых волков. Минну, драчуну и забияке, помогавшему Рууко прогнать мою мать, было лень с нами возиться, но он опасался старшей сестры — Иллин, а уж она-то отнеслась к поручению всерьез. Поэтому играли с нами так, будто мы боремся взаправду, и когда мы налетали на старших и кусали их за хвост, Минн с

Иллин рычали на нас совсем как в настоящей драке. Постепенно утомившись, они прилегли в тени и оттуда следили за нашей возней, то и дело задремывая. Я продолжала играть с Маррой и безымянным щенком. Он был не крупнее меня, хоть и старше на целых две недели, и в нем не чувствовалось крепости и силы, без которых невозможно выжить. Однако блестящие глаза уже глядели живее, из них исчезли усталость и обреченность, и даже несмотря на притеснения Уннана и Борлла, то и дело отгонявших его от еды, он выглядел более жизнерадостным, чем прежде. Удивленная такой переменной, я радостно прыгнула на него, перевернулась — и мы покатались по земле, довольно повизгивая.

Такой же черный, как Триелл, и такой же невысокий... Мне вдруг показалось, что я знаю безымянного щенка гораздо дольше, чем один день, и я легко коснулась носом его щеки. Обрадованный, он с налету ткнулся в меня мордой так стремительно, что я не устояла на ногах и неподобающе шлепнулась на землю, подняв облако пыли, — он даже смутился, однако тут же прыгнул на меня, чтобы снова завязать шуточный бой; Марра, радостно взвизгнув, прыгнула сверху. Трое остальных щенков поначалу не обращали на нас внимания. Упитанная Борлла — светло шерстная в мать, но грязно-тусклого оттенка — возилась в пыли с серо-буроватым Уннаном, чья острая морда и узкие глаза делали его похожим скорее на ласку, чем на волка. Реел — уступавший им в росте, хотя и более крупный, чем Марра и безымянный волчонок, — присоединился к Уннану и Борлле и старался держаться с ними на равных. Вскоре Марра пустилась вслед за безымянным щенком, который вздумал укрыться в тени большого дуба, а я, устав от драк, прилегла под колючим ягодным кустом. Меня убаюкивало утреннее солнце, по утомленному игрой телу разлилась приятная тяжесть, я закрыла глаза...

Звук шагов я услышала за миг до нападения и успела вскочить на ноги. Реел, Борлла и Уннан бросились в атаку одновременно, опрокинув меня на спину и стараясь ухватить зубами побольнее. Для Иллин и Минна, сонно следивших за нами из-под дерева, все наверняка выглядело как продолжение игры, однако напавшие и не думали шутить: их острые зубы то и дело впивались в меня, каждый миг грозя смертью.

— Рууко не посмел тебя убить, но мы уж постараемся, — прорычал Уннан.

— Тебе не место в стае, — прошипела Борлла, пытаясь прокусить мою шею.

Реел просто молча вгрызался мне в живот.

Я рычала, кусалась, хрипела, отбивалась от них как могла — но понимала, что втроем меня одну если и не убьют, то уж точно покалечат так, что мне не выжить.

Силы уже были на исходе, когда Уннан и Борлла вдруг разом отпустили меня; я цапнула Реела за плечо и с трудом встала на ноги. Оказалось, что безымянный щенок, к удивлению собственных сестер и брата, пришел мне на помощь и скинул их на землю. Уннан, тут же вскочив, прижал волчонок к траве, и Борлла уже готова была вгрызться ему в горло, когда я, перепрыгнув через нее, вцепилась зубами в пыльную шерсть Уннана, пытаясь столкнуть его с волчонка. Борлла оставила безымянного щенка и кинулась выручать Уннана, вдвоем они прижали меня к земле.

— Твой отец был гиеной, — фыркнула Борлла, глядя на меня сверху вниз, — а твоя мать — предательница и трусиха.

— Потому она тебя и бросила, — поддакнул Уннан, рыча и оскаливаясь.

Они явно рассчитывали, что я струшу — ведь они крупнее и сильнее. Но я была разозлена уже тем, что они накинулись на безымянного щенка, и нападки на мать меня только ожесточили.

«Как они смеют?! — Громкий голос, зазвучавший где-то внутри меня, перекрыл все внешние звуки. Острый запах крови заполнил ноздри и заглушил собой волчий запах, смешанный с ароматом хвои и дубовых листьев. — Убей их, они недостойны быть волками!» Ярость подбросила меня на ноги, как буря взметает в воздух легкий лист, я сбросила с себя обоих щенков и уже готова была их растерзать, когда увидела безымянного волчонка в лапах Реела и кинулась ему на выручку, еще успев заметить, что Марра со всех ног полетела за помощью к Минну и Иллин. Я вырвала безымянного щенка из-под лап Реела,

и теперь мы вдвоем стояли, рыча, лицом к лицу с тремя противниками. От Борллы и Уннана пахло ненавистью, от Реела — страхом. Во взгляде, который бросил на меня спасенный щенок, читалось что-то вроде благоговения. Ему явно повредили правую переднюю лапу, он держал ее перед собой. Моя левая задняя лапа кровоточила от глубокой раны, не замеченной в драке, я едва держалась на ногах.

Поверх головы врагов я увидела, что через поляну уже мчится Иллин вместе с разгневанным Рууко — охота, наверное, оказалась неудачной, и стая вернулась раньше обычного. Борлла, Уннан и Реел, проследив за моим взглядом, обернулись и тут же отскочили от нас, припав на брюхо перед вожакom. Иллин что-то договаривала ему на бегу.

— Прости, Рууко, — услышала я, когда они приблизились, — щенки просто играли, потом сильные напали на маленьких, и тем пришлось защищаться. Они смелые, — решила добавить Иллин, несмотря на грозящий гнев Рууко: ей ведь вполне могло достаться за то, что не уследила за дракой.

Однако вожак лишь поднял уши и не стал ее отчитывать. Иллин ему, кажется, нравилась — по крайней мере ей он спускал то, что не сошло бы с лап любому другому однолетке. Он взглянул на нас:

— Волк не калечит и не станет беспричинно убивать члена своей стаи! Если вы этому не научитесь, в стае вам не место. Любой волк Быстрой Реки знает разницу между статусным поединком и смертельной схваткой. В чем она состоит? — обратился он к съезжившемуся Реелу.

Тот обернулся было к Борлле и Уннану за помощью, но тут же получил оплеуху от Рууко.

— Я спрашиваю не их, а тебя. Ну?

Реелу ничего не оставалось, как вместо ответа виновато опрокинуться на спину, жалобно поскуливая.

— Иллин, — велел вожак, — объясни им. Иллин вздернула уши и хвост.

— Статусный поединок происходит, когда волк отстаивает свое место в стае или вожак умиряет непокорных, чтобы сохранить порядок. В таких боях ранить противника можно только символически, чтобы показать свою силу. А в смертельной схватке стараешься убить или серьезно ранить, и драться насмерть можно лишь тогда, когда нет иного выбора.

Рууко одобрительно фыркнул.

— Всякий волк, претендующий на место в стае, должен знать законы битвы, — продолжил он. — Только вожак имеет право убить члена стаи или велеть кому-то это сделать. Что до чужих — мы, волки Быстрой Реки, убиваем лишь если на нас напали или кому-то из стаи грозит опасность.

Борлла попыталась было встать, но шлепок Рууко вновь заставил ее упасть на брюхо. Уннану и Реелу достало ума не шевелиться. Затем вожак обернулся ко мне и безымянному щенку — мы припали к земле, ожидая удара. Рууко, не удостоив меня взглядом, обнюхал безымянного волчонка и произнес громко, словно бы для всех, но на деле обращаясь к трим провинившимся щенкам:

— Чтобы быть волком, мало уметь выиграть схватку или настигнуть добычу. Рост, сила и выносливость — еще не все: благородство и бесстрашие важны не меньше. Кроме того, каждый волк должен служить не своим прихотям, а интересам стаи. Если кто-то этого не усвоит, — вожак обвел взглядом Борллу, Уннана и Реела, — им не место в стае Быстрой Реки.

Стыдно признаться — я не могла скрыть удовольствия, глядя на дрожащих и повизгивающих Борллу с Реелом, и особенно на Уннана, который вжался в землю чуть не до ушей. Однако дальнейшего от Рууко я не ожидала. Обычно щенка, оставленного без имени, принимают в стаю самое раннее через три месяца и относятся к нему с пренебрежением. Рууко же, не сходя с места, обернулся к безымянному волчонку.

— Сегодня ты выказал благородство, храбрость и присутствие духа — все качества настоящего волка. Я принимаю тебя в стаю Быстрой Реки, — произнес вожак и коснулся

мордочки щенка, осторожно взяв ее в зубы.

Рисса, чей белоснежный мех сиял на солнце, вздернула хвост и выступила вперед прежде, чем Рууко успел продолжить.

— Нарекать тебя Аззуен — воинским именем, которое носил мой отец, — проговорила она. — Будь его достоин, пусть оно послужит к чести стаи.

Так волчонка приняли в стаю Быстрой Реки. Все произошло стремительно, я даже не успела разобраться в чувствах: боюсь, я не столько радовалась, сколько завидовала. Ведь у меня есть имя, данное матерью, — и меня никто им не зовет! Ведь я сражалась отчаяннее Аззуена — и Рууко ни словом не упомянул о моей храбрости, он на меня даже не глянул! На какой-то миг, к своему стыду, я готова была схватить Аззуена за загривок и тряхнуть его посильнее, но он так гордо шагал к жилищу Риссы, помахивая коротким хвостиком, что вся моя обида куда-то испарилась и я не устояла: подкравшись сзади, я прыгнула и весело куснула его за хвост. Аззуен обернулся — и я, довольная проделкой, улыбнулась ему и припустила к норе. С тьяканьем намного более громким, чем можно было ожидать от такого мелкого щенка, Аззуен кинулся за мной к пахнущему молоком жилищу. И пусть я хорошо знала, что Триелла мне не вернуть, все же в Аззуене я вновь обрела брата.

Несмотря на то что Рууко не посмел ослушаться верховных волков и открыто меня убить, он не признал моего имени и теперь всячески осложнял мне жизнь. В первый же раз, когда Рисса кормила нас у норы, Рууко с грозным видом заступил путь и пропускал щенков по одному, отгоняя меня рыком: мне пришлось собрать все свое мужество, чтобы пробраться мимо него к еде. С тех пор он рычал всякий раз, едва меня заведет. Уннан и Борлла, беря пример с вожака, не упускали случая меня задеть, хотя убивать больше не пытались.

На третью ночь после того, как верховные волки явились меня спасти, Рууко воем собрал стаю и велел готовиться в путь к следующему утру.

— Рууко! — Рисса, отдышавшая у входа в нору, возмущенно подняла голову. — Щенки еще слишком малы для такого перехода!

— Что за переход? — спросил Реел у Борллы.

— Переход к летним угодьям, — ответила за нее Иллин, стоящая рядом, в тени большого дуба. — К лучшему из наших владений, где вам ничто не будет грозить, пока мы охотимся и добываем еду. Здесь, на поляне, летом бывает слишком тесно и душно.

— Это далеко? — спросила я.

— Для щенка — да. У других стай путь к летним владениям близок, а у нас прежние норы затопило паводком в прошлую зиму, теперь нам придется идти дальше. — Иллин нахмурилась. — Год назад Рууко ждал, пока нам сравняется восемь недель. Не знаю, почему сейчас он решил по-другому.

Рисса посмотрела на вожака, вышагивающего по прогалине, и сощурила глаза.

— Ты просто хочешь поквитаться с верховными волками! Ты хочешь, чтобы она погибла! — обличающе произнесла волчица, и никому не пришлось спрашивать, о ком речь. Рисса подошла к Рууко и коснулась носом его щеки. — Тебе известно решение, спутник. Ты не можешь нарушить волю Яндру и Франдры.

— Верно. Но тогда я рискую прогневить Древних. Ты ведь знаешь, что волки Широкой Долины обязаны сохранять чистоту крови, иначе грозит беда. Если оставить полукровку в живых, то Древние, чтобы погубить всю дичь, могут наслать засуху или мороз, а то и чуму. Легенды говорят, такое случалось. — Вожак невесело покачал головой: — И чем нам помогут Франдра и Яндру, если о щенке, рожденном от чужака, узнают прочие верховные волки? Или прочие стаи в Долине? У верховных волков своя жизнь: не всякое их повеление идет нам на пользу. Я не хочу, чтобы моей стае пришлось худо.

Веррна, волчица со шрамами, самая сильная в стае после Рууко и Риссы, ступила вперед.

— Когда волки Гнилого Леса оставили в живых целый помет полукровок, стая Скалистой Вершины вырезала их всех, от вожака до щенков! И верховные волки лишь стояли и смотрели! — Она резко обернулась ко мне. — А эту не спрячешь — на ней

проклятая метка, дурной знак!

Рисса даже не повела головой в сторону Веррны.

— Самых маленьких волчат можно нести, если они устанут по дороге.

— Никаких «нести»! — отрезал Рууко. — Щенку, которому не под силу переход, нечего делать в стае. Если Лунная Волчица назначила полукровке выжить — пусть выживает.

— Рисковать жизнью моих щенков ради твоей гордыни? — огрызнулась Рисса. — Не позволю!

— Не ради гордыни, Рисса, ради сохранения стаи. Выходим завтра с рассветом.

Рууко нечасто осмеливался приказывать или угрожать своей волчице, хотя и не скрывал, что считает себя главнее. Рисса, ослабленная выкармливанием детенышей, сейчас уступала вожаку в силе: вздумай она затеять поединок — победить ей не удастся.

Голос Рууко смягчился.

— Еще смолоду мы знали, Рисса, что обязаны чтить заповедь — каких бы жертв это ни стоило. — Я никогда прежде не слышала печали в его голосе. Интересно, о чем он...

Рисса надолго задержала взгляд на вожаке, затем обернулась и пошла прочь. Уши и хвост Рууко, глядящего ей вслед, постепенно опустились.

Ранним утром следующего дня стая выступала в путь. Пока остальные волки исполняли положенный перед дорогой ритуал, Рисса стояла в стороне и лишь наблюдала, как они с приветственным подзыванием теснятся вокруг Рууко и тянутся носом к его морде и шее, а вожак в ответ касается головой их шей и плеч, стараясь лизнуть под ставленные морды.

— Так и останешься в стороне, Рисса? — обернулся он к ней. — Добрая дорога начинается с доброго напутствия!

— Добрая дорога начинается с доброго намерения, — огрызнулась Рисса. — Мне нечего ей радоваться.

Оставив Риссу без ответа, Рууко издал громкий вой, к которому присоединились остальные волки, и путешествие началось.

Обойдя старый дуб, мы взошли на пригорок, ограждающий поляну; стало ясно, что наша прогалина лежит у самого края чащи. За перелеском расстилалась просторная равнина, переходящая в пологий холм, дальше ничего не было видно.

Начало путешествия я почти не помню. Когда ты младше Риссиных щенков на две недели и при этом тебе всего месяц от роду — разница огромна: ноги не такие длинные, дыхание не такое надежное и зрение не такое четкое, как хотелось бы. Раненая задняя лапа еще не зажила, я не могла толком на нее опереться; Аззуен тоже с трудом наступал на больную ногу. Страх не поспеть за стаей затмевал все мысли: мы с Аззуеном и Маррой, стараясь угнаться за более крупными щенками, не обращали внимания на новые запахи и звуки. Время тянулось бесконечно. Наконец стая, намного опередившая нас, остановилась в тени большого валуна, и мы из последних сил поспешили к привалу. Когда мы в изнеможении рухнули рядом с остальными, я поняла, что для Уннана и Борллы путь тоже оказался непростым — они еле дышали от усталости и даже не пытались меня тронуть. Отдохнуть почти не пришлось: взрослые подняли нас почти сразу, чтобы вновь двинуться в путь. Добравшись к привалу позже всех, я не успела толком перевести дух и теперь едва держалась на слабеющих лапах.

Когда мы взошли на гребень холма, откуда виднелись заросли деревьев на другом конце равнины, Рисса испустила радостный вой:

— На той стороне, малыши, ваш новый дом! Дойти до леса и к нашему месту у лежащего дерева — и испытание закончится! Там вам ничего не грозит.

Ее вой подхватили остальные:

— Не отставать! Собирайтесь с силами!

После уютного леса огромное открытое небо давило как гнет, непривычный простор и неведомые звуки широкой равнины обрушивались на нас, захлестывая чувства. Путь казался

нескончаемым, хотя солнце еще только перевалило за середину неба. Я не верила, что мы успеем дойти засветло. Рууко и Рисса шли впереди, остальные взрослые держались ближе к щенкам; Рисса, однолетки и старый волк по имени Тревегг то и дело нас подбадривали, не оставляя надолго. Марра, двумя неделями старше меня и более крупная, чем Аззуен, еще могла двигаться вместе с прочими, мы же с Аззуеном вскоре безнадежно отстали.

Рууко, обернувшись, велел взрослым подтянуться вперед. Шагавший рядом с нами Тревегг мягко подхватил меня, чтобы нести в зубах, но Рууко его резко осадил:

— Щенки должны идти сами! Либо они проделают путь собственными лапами, либо звание волков не для них!

Тревегг помедлил, затем все же опустил меня на землю:

— Не останавливайся, кроха! Не отступай, тогда ты нас найдешь. Держись. Ты — часть Равновесия.

Стая двинулась дальше, я лишь глядела ей вслед, не в силах встать на ноги. Аззуен, сидя рядом со мной, тихо поскуливал.

Иллин, резко оторвавшись от стаи, настигла нас в несколько прыжков — мне, разбитой и измученной, даже не верилось, что мои лапы когда-нибудь сделаются такими же крепкими и проворными. Я не сомневалась, что Иллин, острая на язык и ни в ком не терпящая слабости, осыплет меня насмешками, но когда она поравнялась с нами, не обращая внимания на гневные окрики Рууко, в ее глазах светилось лишь озорство.

— Не отставай, сестренка! Когда я возглавлю стаю Быстрой Реки — а я намерена этого добиться, — мне нужна будет надежная подруга. Не разочаровывай меня! — Наклонившись, чтобы слышала только я, она заговорила тише — Нынешний путь — первое испытание, которое должен пройти волк. Тем, кто выдержит все три — переход, первую охоту и первую зиму, — вожаком дается «ромма», метка принадлежности к стае: тогда любой встречный волк будет знать, что ты из стаи Быстрой Реки. Случается, что при испытаниях вожак помогает слабым щенкам — ведь все волки любят малышей и стараются, чтобы они выжили. Однако порой он ужесточает испытания: если щенок выкажет силу и упорство — стая его примет, если нет — на долю каждого придется больше добычи, вот и все.

И прежде чем Рууко успел бы вновь оглянуться и выбрать ее за неповиновение, Иллин унеслась вперед — я увидела, как она, нагнав остальных, поджала хвост и извинилась перед вожаком.

Стая уходила все дальше, я уже едва различала темные фигуры, пересекающие равнину. Доброта Тревегга и ободряющее вмешательство Иллин добавили мне сил, я встала и потихоньку, преодолевая боль, двинулась вперед, Аззуен за мной. Вскоре дыхание начало сбиваться, снова открылась рана в задней лапе, каждый шаг отзывался болью; я шла все медленнее, то и дело поджидая Аззуена, из последних сил тянувшегося следом.

Мы брели и брели, я не чуяла под собой лап и проклинала необходимость дышать — каждый вдох стоил непомерных усилий. Стая исчезла из виду, ее запах стал совсем слабым; я даже не знала, по верному ли следу я иду.

Небо темнело.

Взрослые волки часто выходят в путь по ночам, когда отступает дневной зной, но щенков в ночные переходы не берут — волчата неспособны себя защитить и потому могут стать легкой добычей.

— Медвежья еда! — сегодня утром, еще до выхода, прошипел мне в ухо Уннан, пока Рисса с Рууко спорили о предстоящей дороге. Поглощенная их разговором, я не слышала, как он подкрался. — Не пройдет и дня, как тебя съедят медведи! Или длиннозуб утащит на обед детенышам!

Я тогда отошла от него с самым гордым видом, какой могла изобразить, но теперь, стоя с Аззуеном посреди открытой равнины, вспомнила слова Уннана с содроганием.

И все же мы шли дальше. Сколько бы меня ни злило безразличие стаи, которой все равно, жива я или нет, — другой семьи у меня не было. Хватило нас ненадолго: скоро лапы отказали вовсе, а нос перестал различать запах стаи в насыщенном воздухе Долины. Я

бессильно опустилась на землю, ожидая лишь смерти; Аззуен упал рядом. Облака сгущались, вечернее небо стремительно темнело.

На меня навалилась дрема, во сне перед глазами замелькали медведи и чьи-то острые зубы. Погружаясь все дальше в сон, я внезапно увидела лицо — доброе лицо молодой волчицы. Совершенно незнакомой, явно не из нашей стаи. От нее пахло можжевельником и еще чем-то теплым и едким, на груди виднелся ни у кого больше не виданный белый полумесяц — такой же, как у меня. Может, мне привиделась мать, какой она была в юные, более счастливые дни?

Волчица из сна засмеялась, ее тепло окутало меня, облегчая боль измученного тела.

— Нет, Мелкозубка! Я из давних твоих праматерей, живших в далекие времена, каких ты и не представишь!.. Тебе не судьба умереть сегодня, сестра: ты ведь обещала матери, что выживешь и войдешь в стаю. Ты должна уцелеть и продолжить начатое мной. Дел хватит с избытком, тебе придется нелегко. — Приветливое лицо на мгновение стало печальным и гневным, однако тут же разгладилось. — Но ты встретишь и великие радости. Теперь же поднимайся, сестра. Пора в путь, дочь моя. Дороги будут трудны, надо выучиться упорству. Ступай, Каала Мелкие Зубки! Разбуди своего спутника — и вперед: туда, где вас ждет новый дом.

Ошеломленная, я поднялась на ноги, не обращая внимания на больную лапу. Заставила встать Аззуена; тот в ответ зарычал и вновь повалился на землю. Мне пришлось его укусить.

— Вставай! — Горло у меня пересохло, вместо голоса раздавался лишь хрип. — Я иду дальше, ты со мной, иначе погибнешь.

— Имя-то мне дали, а вот жив я или умер — им все равно, — пролепетал он жалобно. — Меня просто бросили...

Разозленная сетованиями, я укусила его снова — на этот раз намного сильнее.

— Хватит ныть о своих несчастьях! Когда на меня напали, ты спас мне жизнь и теперь пойдешь со мной. Докажи им, что достоин быть волком! Или пусть Уннан с Борллой считают, что тебе и вправду не место в стае?

Аззуен помедлил.

— Плевать, что скажут Борлла и Уннан. Ты одна заботилась о том, чтобы мне доставалось молоко. Я пойду за тобой, Каала. — Он взглянул просто и доверчиво, словно я была взрослой волчицей, и его вера придала мне сил. Если Аззуен на меня полагается — значит, я должна привести его к остальным.

Боль в ноге и в груди притупилась; вместо запаха семьи, давно затерявшегося, меня вел запах волчицы из сна — я не знала, приведет ли он к стае, но выбора не было. Свет полной и яркой луны хоть и не грел, как солнечный, зато освещал дорогу и придавал бодрости, я шла уверенно. Краем глаза я то и дело замечала впереди мелькающий силуэт молодой волчицы и старалась не отставать, хотя она, словно в шутку, пропадала из виду всякий раз, чуть только я пыталась взглянуть на нее пристальнее. Аззуен усердно вышагивал рядом, и я, видя его безраздельное доверие, продолжала путь, даже когда усталость делалась невыносимой.

И в тот миг, когда лапы уже совсем отказывались идти, ночь вдруг сделалась чернее, земля под ногами — прохладнее, луну скрыли подступившие вплотную деревья. Страшная равнина осталась позади. Волчица растаяла вместе с лунным светом, к телу снова прилила боль. И тут я уловила знакомый запах.

— Я тебя ждала! — У кромки леса стояла Иллин. — Я знала, что ты найдешь дорогу, сестренка! Рада видеть и тебя, малыш, — улыбнулась она Аззуену. Моих сил хватило лишь на то, чтобы благодарно ткнуться носом в ее опущенную морду.

Когда мы, идя по следу, через час добрались до стаи и бессильно повалились на землю, Рууко не удостоил нас ни словом.

— Она может остаться, — бросил он Риссе, глядевшей на него с вызовом. — Когда обрастет зимней шерстью — тогда посмотрим. Я ничего не обещаю.

Я не поняла его слов: Иллин вроде бы упоминала что-то похожее, но я была слишком измучена, чтоб выяснять. А вскоре стало и вовсе не до того — Рисса и за ней вся стая

потянулись ко мне, чтобы лизнуть в знак приветствия и назвать меня по имени.

Глава 3

Тенистая прогалина, где нам предстояло набираться сил и учиться законам стаи, лежала всего в часе ходьбы от края леса, если ступать слабыми щенячьими лапами. Поляну окружали можжевельниковые кусты и ели, в точности как на старом месте, здесь пахло защитой и надежностью. С небольшого холма на северном краю поляны открывался вид в глубь леса; для большей безопасности Рууко всегда выбирал места рядом с буграми, скалами или завалами деревьев — чтобы было откуда взглянуть вокруг. Два крепких дуба стояли стражами на западной стороне прогалины; поперек нее, чуть ли не из конца в конец, лежала поваленная ель. Упругий мох, к которому так и тянет припасть, мягкая земля для щенячьих игр, высокие тенистые деревья, под которыми не страшен зной подступающего лета, близкое журчание чистого ручья — этим вполне окупался и тяжкий путь, и ноющее тело.

Мы с Аззуеном и Маррой стояли у корней лежащей ели, с удовольствием оглядывая новое место. Борлла и Уннан косились на нас из-под большого валуна и о чем-то перешептывались, Реел то и дело норовил протиснуть между ними морду, чтобы подслушать. Они наверняка замыслили против нас новую каверзу, но Тревегг, перебежав поляну, притащил всех троих поближе к нам. Борлла не упустила случая наступить Аззуену на больную лапу так, что тот взвизгнул, и я готова была хорошенько ей поддать, чтобы лишь хвост над ушами мелькнул, — однако прежде заговорил Тревегг:

— Послушайте меня, щенки! Вы добрались до места у лежащего дерева — одного из тех пяти мест на нашей территории, где может собираться стая. Запомните его! — Тревегг, старейший волк стаи, приходился вожаку дядей, даже глаза у них были с одинаковым темным ободком, хотя открытый и добрый взгляд Тревегга не имел ничего общего с беспокойными глазками Рууко. Более светлая, чем на теле, шерсть вокруг морды придавала ему вид мягкий и располагающий. Он оглядел поляну и вдохнул запаха нашего нового дома. — В местах сбора мы договариваемся об охоте или решаем, как лучше защитить свою территорию. Сюда возвращаются волки, уходившие на промысел, здесь остаются щенки во время охоты. Дело взрослых волков — добывать еду, а удобное и надежное место сбора дает защиту всей стае. Такие места надо помнить: никогда не знаешь, в какой нужде оно может понадобиться.

Я подняла морду навстречу ветру и вдохнула пахнущий желудями воздух поляны, постаралась запомнить слабый шелест можжевельниковых кустов и запах земли, смешанный с запахом стаи.

— Глядите, малыши! — Иллин, стоявшая в центре прогалины, припала плечом к земле, опрокинувшись на спину и теперь каталась в пыли, урча от удовольствия. И она, и ее брат Минн, рожденные Риссой и Рууко в прошлом году, уже выросли величиной со взрослого волка и считались почти полноправными членами стаи, и все же в них оставалось много щенячьего; на радостную возню Иллин мы смотрели с любопытством. Тревегг — неуловимо молодеющий, словно сбрасывающий с себя годы жестоких схваток каждый раз, когда брался нас учить, — объяснил:

— Когда вы оставляете часть себя на кусте или дереве, или на земле, или на теле животного, чей дух вернулся к Луне, — тогда вы обращаетесь к Равновесию, которое не дает миру распасться. Те, кого мы зовем Древними — Солнце, Луна, Земля и праматерь Небо, властвующие жизнями всех существ, — создали Равновесие для того, чтобы никто не мог стать сильнее, чем нужно, и причинить зло другим. О Древних вы узнаете больше, — строго обернулся Тревегг к Аззуену, уже было открывшему рот для вопроса, — если переживете свою первую зиму. Пока же знайте, что могущественнее их нет никого: вы должны подчиняться их законам и не нарушать Равновесие. Все существа и растения, любое дуновение воздуха — часть Равновесия, и что бы мы ни делали, мы должны уважать мир, в котором живем. И даже когда что-то берем — воду из реки, мясо на удачной охоте, — мы

должны в ответ отдать, оставить что-то свое, как благодарность Древним за их дары.

Один за другим мы валились через плечо на спину и начинали перекатываться по земле, где еще остался запах умершего кролика — резко пахнувшая лисица давно утащила его с прогалины, но запах того, что когда-то было жизнью, сохранился до сих пор. Мы купались в нем, добавляя свой мускус к ароматам земли и деревьев, и поляна лежащего дерева по праву становилась нашим домом. Тогда я впервые поняла, что Рууко распоряжается лишь моим принятием в стаю; никто не запретит мне быть волчицей и частью Равновесия. «Я здесь, — подумала я, глядя на ласочью морду Уннана, косящегося на меня с хитрой ухмылкой, — и тебе с этим ничего не сделать».

Знакомство с новым местом и ритуал оставления запаха отняли много сил, навалилась усталость. Пошатываясь на ногах и едва не засыпая на ходу, я направилась было к мягкой подстилке мха под большим валуном, когда Борлла и Уннан, налетев как пыльный ураган, заступили мне путь.

— Что, к нашему валуну захотела? — прошипела Борлла, уставясь на меня сощуренными глазками.

Чувствуя каждый вздыбленный волосок на своем теле, я уже представила себе, как вгрызаюсь ей в глотку. Борлла, приоткрыв пасть и учащенно дыша, явно ожидала нападения, но голос Аззуена охладил мою злобу:

— Клала, иди к нам! — Они с Маррой нашли тенистое местечко под лежащей елью, и, поскольку отдохнуть мне хотелось больше, чем проучить Борллу, я стряхнула с себя остатки ярости, задрала нос перед Борллой и Уннаном и, вздернув хвост, показала им зад, направляясь к своим друзьям. Почва под деревом была мягкой и приятно влажной, солнце проникало сюда ровно настолько, чтобы не дать воздуху слишком остыть, и я с удовольствием опустила на ласковую землю, благодарно ткнувшись носом в шею Аззуена. Марра, пристроив голову ему на спину, немедленно провалилась в сон, сам же Аззуен еще долго смотрел на меня в задумчивости.

— Спасибо тебе, — произнес он наконец, — я не добрался бы сюда без твоей помощи.

— Мы оба помогали друг другу, — ответила я растерянно.

— Нет, — помотал он темно-серой головой, заставив Марру вздрогнуть во сне. — Ты сильная.

Мне хотелось рассказать ему, что не так уж я вынослива, что всей моей силой я обязана бесплотной волчице, — теперь, после драк с щенками и перехода через равнину, Аззуен стал мне намного ближе, а я так устала от одиночества в стае... И все же я промолчала: незачем давать новые поводы считать меня странной, я и без того слишком отличаюсь от других. Я просто легонько коснулась носом морды Аззуена — и позволила себе уснуть.

Меня разбудил резкий рывок за ухо. Я вскочила — боль только усилилась, ухо явно хотели оторвать. Мотая головой и недоумевая, кому, во имя Луны, понадобилось меня трогать, я отскочила, но это не помогло. Аззуен безмятежно посапывал здесь же, не подозревая о новой напасти; Марры я не видела, однако, судя по запаху, она была где-то рядом. Я обернулась поглядеть, что за враг притаился за спиной, — и никого не увидела, зато боль стала еще резче.

Я изогнулась так, что голова чуть не оторвалась от шеи, и наткнулась на взгляд круглых карих глаз. Гладкая голова, длинные глянцевые перья, запах листвы и ветра — большая черная птица защемила мое ухо острым клювом и теперь, kloкоча горлом, смотрела на меня с явным удовольствием. Встретив мой взгляд, птица вцепилась в меня сильнее, пока я не заскулила; тогда она разжала клюв, оглядела меня блестящими глазами и оглушительно гаркнула:

Вкусный волчонок
Проснулся не вовремя.
Эх, голодать мне...

Странная манера изъясняться не могла не удивить, и я в замешательстве уставилась на птицу, которая разглядывала меня, откровенно ожидая ответа. Такие же птицы кружили над Минном и Иллином, и те носились по поляне, то уворачиваясь от клювов и когтей, то подпрыгивая, чтобы схватить птиц на лету. Что это — еще одно испытание? Мне захотелось свернуться в комок и заплакать, но острый клюв маячил слишком близко, приходилось быть начеку.

Птица пока не нападала, лишь искоса следила за мной, склонив голову. Устало поднявшись на ноги, я попробовала зарычать — и сама поняла, что рык вышел неубедительным; зато он разбудил Марру, которая, вскочив, замерла рядом и теперь тоже разглядывала птицу. Аззуен по-прежнему спал, пришлось его толкнуть. Он нехотя разлепил веки и тут же, вытаращив глаза и раскрыв рот от удивления, взвизгнул и юркнул мне за спину. Птица захохотала и захлопала крыльями, от поднятой пыли мы раскашлялись.

Прячься, волчонок,
Чтоб ворон тебя не съел!
Пусть съест в другой раз!

Я вновь обернулась к стае, надеясь на помощь. На поляне царила кутерьма: старшие волки наконец вступили в драку, хотя явно не принимали ее всерьез; птицы то и дело пикировали сверху, щипля волчьих хвосты, уши, зады — что подвернется под клюв. Волки в ответ клацали зубами, стараясь ухватить воронов пастью, и при этом повизгивали от возбуждения и помахивали хвостами: ни злобного рычания, ни окровавленных птиц...

— Они забавляются, — проговорила Марра в задумчивости. — Это просто игра с воронами.

Я чуть было не решила, что она спятила, но в этот миг Рууко в погоне за птицей кувыркнулся через поляну так, что только лапы сверкнули, — и я поняла, что Марра права. Вороны носились взад-вперед, не уследить и не сосчитать — кажется, не меньше дюжины. Большая птица, крупнее головы Иллина, уселась ей на шею, тут же взлетела, едва Иллин обернулась схватить ее зубами, и теперь зависла над волчицей, хлопая крыльями и хохоча.

Моя обидчица, заглядевшаяся было на суматоху, вдруг больно вцепилась мне клювом в другое ухо.

— Пусти, гнусная птица! — завизжала я.

Пусти, о пусти!
Как напуган волчонок!
Плакса-щенок!

Птица отпустила мое ухо и, пока я с облегчением мотала головой, вцепилась мне в нос. Я завопила и свалилась на Аззуена.

— Дурацкий ворон, — пробормотала я про себя. — Разгрызть тебя пополам!

Птица расхохоталась и тут же, вспарывая воздух крыльями, взлетела над Иллином и Минном, прыгнувшими на нее сзади. Иллин усмехнулась:

— Да ладно тебе, Песнь Дождя, оставь щенков в покое. Или ты пристаешь только к маленьким? — Иллин лукаво обернулась к Минну: — Взрослых волков она, должно быть, опасается!

Я поразились смелости Иллина. С другой стороны, она ведь настолько крупнее глупых птиц...

— Это вы, что ли, взрослые волки? — парировала Песнь Дождя, оставив странную манеру выражаться. — Давно ли вы хныкали по-щенячьи и питались отгрызнутым мясом?

Она вспорхнула над головой Иллина, и волчица взвилась за ней в немыслимом прыжке — я была уверена, что в тот же миг полетят перья. Однако Песнь Дождя оказалась проворнее: взмыв вверх и вбок, она теперь с хохотом летала над нашими головами. Смелая

Марра тщетно пыталась до нее допрыгнуть.

— Иллин, почему они нападают? — Голос Аззуена, следившего за птицами, дрожал от усталости и страха. — Я думал, нам тут ничего не грозит...

Не спуская глаз с Песни Дождя, Иллин фыркнула:

— Они не нападают, глупый! Неужто ты не отличаешь битву от игры? Не научишься играть — не сможешь и охотиться!

— Полегче, Иллин, ты ведь тоже когда-то была щенком! — послышался голос Риссы. Оставив поляну, она уже подходила к нам, стряхивая с шеи ворона, черное оперение которого ярко выделялось на фоне ее белоснежного меха; птица в ответ попыталась ухватить волчицу за стремительно движущийся хвост, и Рисса, сверкнув глазами, весело на нее зарычала. Все еще исхудалая после родов и выкармливания детенышей, она оставалась необычайно энергичной; я даже не заметила, как стала помахивать хвостом от удовольствия.

Иллин, не поведя ухом, пренебрежительно фыркнула.

— Мне не случалось быть такой робкой, — бросила она, устремляясь в погоню за двумя воронами.

— Случалось, случалось, — ласково проговорила Рисса вслед дочери.

При виде Риссы, подошедшей к нам с разговорами, Борлла, Уннан и Реел выскочили из-за валуна и подскочили к матери, прячась от двух птиц, которые тут же прекратили погоню и с издевательскими криками улетели. Рисса обернулась к нам и, легонько куснув каждого, чтобы привлечь внимание, заговорила:

— Послушайте, малыши! Среди тех, кто не принадлежит к волчьему роду, бывают существа, которые не добыча и не враги. — Мы, наверное, выглядели растерянно; Рисса поразмыслила и начала снова: — В мире бывают волки и не-волки. Для волков главное — стая: ее благо важнее судьбы любого волка, важнее охоты и самой жизни. Помимо стаи, есть еще чужие волки — враги или друзья. А среди не-волков есть те, кто считается добычей, их мы убиваем — любую добычу можно убивать, если не нарушаешь законов охоты.

— А как распознать, добыча оно или нет? — Аззуен, по обыкновению, подоспел с вопросом раньше других.

— Научишься, — проговорила Иллин, запыхавшаяся после погони за воронами. — Если оно убегает, настигай!

— Не все так просто, — приоткрыв пасть в улыбке, ответила Рисса. — Узнаете больше, когда вас начнут брать на охоту. Не отвлекайся! — Она отвесила шлепок Уннану, который уже примерялся схватить Марру за хвост, и продолжила: — Помимо добычи, есть еще враги. Лисы, красные волки и большинство хищных птиц норовят утащить у нас добычу, с ними приходится часто сталкиваться; взрослому волку они не соперники — даже красные волки, которые охотятся стаями, как и мы. На нас они нападают редко. Зато медведи, длиннозубы, скалистые львы и иногда гиены могут нас одолеть, их нужно остерегаться. Прочие же существа, которые не добыча и не враги, — тоже часть Равновесия, хотя жизнь волков с ними почти не связана.

Я попыталась вспомнить, какие существа мне знакомы. А скольких еще я не встречала! Насекомые, мелкое лесное зверье, пугающие меня совы... Для первого раза сведений было многовато, я изо всех сил старалась все понять и запомнить.

Рисса поглядела на двух воронов, подкрадывающихся к Рууко, и продолжила:

— А еще бывают почти-волки — существа, ближайшие к нам по Равновесию: им позволено многое из того, что доступно волкам. Вороны — из таких. Они помогают нам находить пищу и не терять навыков охоты. — Рисса вновь стряхнула с себя Песнь Дождя, которая, сидя у нее на спине, покачивалась в такт словам волчицы.

Да, тут было над чем поразмыслить. Уннан и Борлла уже ерзали от нетерпения, зато Аззуен застыл на месте, явно пытаясь уложить в голове все услышанное.

— Нет ничего проще, малыши! — Иллин мягко ткнула Аззуена носом под ребра. — Мы с ними играем, а вороны указывают нам места хорошей охоты.

— Игра с воронами учит охотиться, — улыбнулась Рисса, — можете мне поверить. А

учиться охоте никогда не рано!

Она перебежала рысцой к середине поляны, где Минн, Рууко и Тревегг воевали сразу с несколькими воронами. Уннан, Борлла, Марра и Реел устремились ей вслед, Аззуен посмотрел на них скептически.

— Игра, говорите? — пробормотал он тихо, словно для одной меня. — Ну тогда пойдем играть, Каала.

Из уст щенка это прозвучало так по-стариковски, что я не выдержала и засмеялась, глядя, как он побрел вслед за остальными.

Я ради пробы решила подкрасться к совсем маленькому ворону, стоящему в стороне от других. Во мне проснулся охотничий азарт, я ничего не видела вокруг, взгляд сошелся на черной спине. Птица обо мне явно не подозревает, я останусь незамеченной... Не обращая внимания на больную лапу, я подобралась — и прыгнула. Вороненок резко обернулся и, взлетев надо мной, захлопал крыльями перед моим носом.

Щенок неуклюж.
Куда ему до Тлитоо!
Ворон не дремлет!

Разозленная, я уселась на землю и гневно смерила взглядом вороненка, который не отрывал от меня глаз. Он пару раз моргнул и раскрыл было клюв что-то сказать, но, к моему и его удивлению, налетевший сзади Минн чуть его не схватил, — и взъерошенный Тлитоо предпочел отлететь подальше, под защиту взрослых воронов, хотя и оттуда продолжал наблюдать за мной, не отводя пристального взгляда.

Внезапно, по какому-то незаметному знаку, волки с воронами прекратили игру. Самый крупный ворон с блестящими перьями уселся рядом с Рууко на валуне, который Борлла с Уннаном утром пытались объявить своим.

— Итак, Гладкое Крыло, что за добычу видел ты в Долине? — обратился Рууко к ворону как к равному. — Лосей на Великой Равнине нет.

— Добыча по-прежнему уходит, Долина пустеет. И все же есть где поохотиться, лосей осталось много. — Воронам, очевидно, ничто не мешало разговаривать нормальным языком, когда они того хотели. Гладкое Крыло, высокий и величественный, гордо возвышался над притихшими птицами — теперь, когда они сидели спокойно, я наконец их сосчитала: всего семь, а не дюжина, и многие едва ли крупнее Тлитоо. Гладкое Крыло продолжал: — Волки Скалистой Вершины и люди захватывают что могут, но для знающих волков добыча есть. И коней много, и лоси никого не боятся.

— То, что нам надо, — встрял Минн. — Бесстрашные лоси!

— А-а, прошлогодний щенок! — Гладкое Крыло, хоть и более сдержанный, чем Песнь Дождя, все же не прочь был подразнить Минна. — Бесстрашная добыча — лучшее средство от ожирения и неповоротливости. Вот туры, например, вкусные: на прошлой неделе длиннозуб завалил для нас такого — перышки оближешь. Может, и ты поймает тур, Минн-волчишка?

О турах нам рассказывал Тревегг — мол, одного зверя хватит, чтобы целая стая не голодала многие недели: они огромные и опасные, каждый самец весит, как два десятка волков...

Слова Гладкого Крыла явно задели Минна.

— И против тура не побоюсь выйти! — заявил он, с вызовом глядя на Рууко. — Почему мы на них не охотимся? Самое время показать Скалистой Вершине, кто тут хозяин!

— Пока есть другая добыча, туров мы не трогаем, — терпеливо объяснил вожак. — И туры, и сломанные ребра пусть достаются верховным волкам, нам достаточно лосей. Отстань от него, Гладкое Крыло.

— А над кем тогда потешаться? — обиженно, как отшлепанный щенок, вскинулся ворон. — С каких пор волки так посерьезнели? «Ах, не смейтесь над волчонком, а то он не

сможет охотиться, бедняжка!»

Минн прыгнул, чтобы его ухватить, и Гладкое Крыло прокаркал:

Минну-лентяю
Вовек не добыть тура,
Мяса не видеть!

— Гладкое Крыло! — предостерегающе бросил Рууко.

Трусишка взамен
Мечтает съесть ворона?
Не выйдет, глупый!

Рууко зарычал уже не шутя и прыгнул на вожака птиц; тот успел перелететь на лежащее дерево, Песнь Дождя устроилась рядом.

— У тебя совсем нет чувства юмора, Рууко! — заявил Гладкое Крыло, приглаживая встрепанные перья.

— Потому ты и выглядишь стариком до времени, не в обиду Тревеггу будь сказано, — поддакнула Песнь Дождя. Старый волк, поймав ее взгляд, лишь ухмыльнулся в ответ.

— Наверняка красавица Рисса легко найдет другого спутника... — задумчиво произнес ворон, привставая, словно для нападения на Рууко.

— Я сказал — довольно! — огрызнулся волк. — А теперь, Гладкое Крыло, если не собираешься все лето питаться мошками и ягодками, давай подробнее о добыче.

Вожак воронов, обиженно вздохнув, тряхнул перьями, устроился поудобнее и заговорил неожиданно серьезным тоном — так что Аззуен, чуть не оттолкнув меня, даже протиснулся вперед, чтобы лучше слышать.

— И волки Скалистой Вершины, и люди оттесняют добычу с привычных мест и не думают брать нас в долю... Вокруг все меняется. — Рууко сунулся было перебить, и Гладкое Крыло смерил его взглядом. — Меняется больше обычного, причем в худшую сторону. Я не понимаю, что происходит. Что-то творится со зверьем, что-то беспокойное зреет в воздухе. Это настораживает. — Помолчав, ворон встряхнулся, в глазах мелькнуло прежнее озорство. — И все же равнины Высокой Травы богаты дичью, вокруг полно коней и антилоп, возвращаются лоси. Вас ждет хорошая охота.

— А что такое люди? — звонко твякнула рядом со мной Марра. — И кто такие волки Скалистой Вершины?

— Тихо! — прошептал Аззуен. — Не мешай.

— Равнина Высокой Травы примыкает к Скалистой Вершине, — произнес Рууко, не обращая на нас внимания, — стая Скалистых давно на нее претендует. Да и люди там слишком близко.

— Если там добыча, туда нам и идти, — решительно вмешалась Рисса. — Скалистые по клочку отбирают наши земли, хватит уже терпеть!

— Я буду иметь в виду, — блеснул глазами Гладкое Крыло. — Тогда давайте обсудим охоту, а то я устал жить на одних кротах и мышах, слишком уж костисты.

Он оценивающе оглядел нас, щенков, будто раздумывая, не наброситься ли на нас вновь, потом с тоскливым вздохом отвернулся и полетел к скале, где сидела Рисса. К ним присоединились Рууко, Тревегг и еще два ворона.

Говорили они слишком тихо, прислушиваться мне вскоре наскучило; я наблюдала, как волки устраиваются на отдых перед ночной охотой, как вороны скачут по поляне без дела...

Кто-то дернул меня за хвост. Я вовремя спохватилась, чтобы не взвизгнуть: пусть только попробуют назвать меня плаксой-щеночком! Обернувшись, я увидела Глиттоо.

— Пойдем со мной, щеночек! — Голос вороненка звучал легче и звонче, чем у взрослых птиц. Перелетев к краю прогалины, он в ожидании остановился под большими

дубами.

Зализывая ущипнутый хвост, я смерила его взглядом.

— Мне нельзя уходить с поляны, — ответила я осторожно. Вдруг за деревьями меня поджидают его братья и сестры, которые не прочь задать трепку волчонку...

Тлитоо в ответ разразился карканьем:

Плакса-щенок
Боится своей тени!
Что за скука с ним!

Подлетев, он приблизил клюв к моему уху — будто вновь собираясь в меня вцепиться.

— Верховные волки сказали, чтоб ты пришла, Каала Мелкие Зубки! — проговорил вороненок и, пока я собиралась с мыслями, взлетел на ветку дуба.

Удивляясь собственному безрассудству, я пошла за ним, временами оглядываясь — не хватало еще, чтобы кто-нибудь увидел, как я ухожу с поляны. Сразу за дубами, на поросшем редкой травой каменистом пятачке, я остановилась.

— Большие волки мне все про тебя рассказали, — проговорил слетевший ко мне Тлитоо. — Ты не настоящая волчица.

— Неправда! Я перешла через Великую Равнину, и еще у меня есть имя! Я волчица из стаи Быстрой Реки! — Уязвленная, я всячески отгоняла мысль о том, что пока Рууко не примет меня в стаю, я так и буду считаться изгоем.

Тлитоо повертел головой.

— Главные волки говорят, что ты не похожа на других: ты и больше, и меньше, чем просто волчица. Мне велели за тобой приглядывать. Я тоже не такой, как все вороны. Меня назвали в честь нашего предка, который говорил с Древними от имени всех существ, я отмечен его знаком. — Он гордо поднял крыло, на внутренней стороне которого виднелся белый полумесяц. — Я рожден на гибель или спасение своему народу. Как и ты.

— Заодно не расскажешь ли, зачем ты меня сюда вытащил? Меня ведь могут наказать!

Тлитоо издал тихий клопочущий звук.

— Если думать о наказаниях, нам ничего не удастся.

— А мы должны что-то делать? Коли ты так сведущ — расскажи!

Вороненок бросил на меня нетерпеливый взгляд.

— Щенок, главные волки велели передать, чтоб ты их нашла. И чтоб вела себя поосторожнее и не ссорилась со стаей. И еще — чтобы ты приглядывала за мной, а я за тобой. Вот так.

Он выглядел задетым — кажется, верховные волки сказали ему меньше, чем он рассчитывал. Выспросить бы у него подробнее, что говорили и зачем, — но раздался гневный голос Риссы, и вороненок тут же исчез в зарослях. Я кинулась обратно к поляне.

— Не отходи от лежки! Или хочешь стать добычей медведей? Ты еще не знаешь законов леса! — Позади рассерженной Риссы я заметила Уннана и Борллу: вот кто наябедничал о моем исчезновении! Рисса тем временем продолжала: — Хотя тебя, Каала, оставили пока со стаей, не забывай: тебе многому надо учиться!

Когда Рисса, лизнув меня, поспешила обратно к Рууко и воронам, я обернулась в сторону леса. Среди деревьев мелькнуло черное крыло, послышался шелест листвы. Значит, где-то здесь и Тлитоо, не спускающий с меня внимательных глаз.

Глава 4

Дни становились все жарче и длиннее. Мы, щенки, набирались сил, уже не падали так часто от усталости и понемногу привыкали к укладу волков: днем спать, а еде, играм и учебе отводить прохладные сумерки и лунные ночи. Мы узнавали, что луна с каждой ночью меняется, подчиняясь многодневному ритму, и по ней можно отсчитывать время. Тревег

сказал, что мы будем годны для охоты, когда луна еще пять раз станет круглой и яркой. Пока же мы для тренировки охотились на мышей, что неосторожно вылезали на поляну, и играли с Тлитоо и другими воронятами из семьи Гладкого Крыла. Луна делалась ярким диском уже дважды, и каждый раз я вспоминала наш переход через равнину и вновь содрогалась от ужаса.

На поляне я впервые попробовала мясо, когда Рисса прекратила кормить нас молоком и волки стали носить нам пищу в желудке. В первый раз, когда Тревегг склонился к нам, мы не поняли, откуда идет запах; затем Аззуен, сощутив внимательные глаза, ткнулся носом в его морду, и старый волк, натужившись, отрыгнул немного мяса на землю перед нами. С тех пор мы уже знали, что стоит лишь попросить — и любой из волков накормит нас мясом, свежим и мягким.

Вместе с силами у нас прибывало любопытства, мы жаждали исследовать тот мир, что простирался вокруг поляны с лежащим деревом. Сколько мы ни докучали взрослым просьбами взять нас поохотиться или обойти территорию, нам перепали в лучшем случае получасовые прогулки. Наконец, через три луны после перехода к лежащему дереву наша мечта сбылась.

Однажды с рассветом на прогалину прилетели Гладкое Крыло и Песнь Дождя. Вороны — существа дневные, и хотя мы обычно охотимся ночью, нам бывает интересно к ним присоединиться. Рууко в тот миг сосредоточенно оглядывал поляну и потому раздраженно стряхнул с себя Гладкое Крыло, когда тот уселся ему на голову.

— Неблагодарный! — высокомерно заявил ворон. — Если тебе не нужны мои новости, улечу к стае Мышеедов, они только обрадуются.

Рууко зевнул.

— Мышееды в состоянии загнать самое большее оленя-подростка, с ними тебе грозит тощий год.

— Ну почему, я могу питаться и волчатами, — парировал Гладкое Крыло и внезапно спикировал на нас с Аззуеном. Мы были готовы: Аззуен метнулся влево, я — вправо; ворон от неожиданности чуть не врезался в землю.

— Для волчат Быстрой Реки ты слишком неуклюж, — заметила Рисса. — Что за новости ты принес, Гладкое Крыло?

Ворон пригладил перья.

— Только из уважения к тебе, Рисса, — проговорил он, недовольно поглядывая на Рууко. — На равнине Высокой Травы лежит кобыла: только что убита и совсем свежа, на нее претендует лишь мелкая медведица.

Рисса приоткрыла пасть, показав зубы.

— Не облегчить ли медведице труд, не помочь ли с поеданием мяса? А как ей, неповоротливой, удалось добыть лошадь?

— Лошадь к тому времени охромела и была загнана до полусмерти, — ответила Песнь Дождя. — Однако медведица делает вид, что она одна на всей равнине способна убивать коней. Медведица слаба и медлительна, смелым волкам будет под силу отобрать у нее тушу.

— Я думал, мы не питаемся добычей, отобранной у других! — удивился Аззуен.

— Мясо есть мясо, волчонок, — обернулся к нему Минн. — Если глупая медведица убивает для нас лошадь, почему мы должны отказываться? Медведи таскают нашу добычу не задумываясь, только дай волю.

— Медведица — жадина: забрала всю тушу и рычит, чуть подлетишь, — прокаркал Гладкое Крыло. — Но добрые волки ведь поделятся с друзьями?

— Если приведете нас к кобыле, пока медведица ее не съест, поделимся, — снова сверкнула острыми зубами Рисса. — Укажешь ли нам путь, Гладкое Крыло?

— Для щенков далековато... — Ворон задумчиво посмотрел на нас. — Волчата растут медленно, под силу ли им добраться до Высокой Травы?

Я насторожила уши. Неужели нам позволят посмотреть на настоящую добычу? Я услышала, как быстро застучало сердце Аззуена и как прерывисто задышала Марра.

— Мои щенки сильны, — спокойно проговорила Рисса, будто не замечая насмешки. — Они из стаи Быстрой Реки.

Я невольно подобралась, чтобы выглядеть повыше: мысль о долгом путешествии навевала беспокойство, но не показывать же всем, что я напугана! Мы уже не маленькие, почти по бедро взрослому волку... При виде Аззуена, взвизгнувшего от радости, Уннан закатил глаза и подмигнул Борлле, хотя не заметил, что сам неудержимо виляет хвостом в предвкушении нового похода.

Минну и Иллин весть об охоте тоже пришла по душе. Иллин в шутку куснула брата за морду, а когда тот повалил ее на землю, прыгнула через мшистый валун и приземлилась в лужу, обдав Минна грязной водой. Потом она с ухмылкой откинулась на спину, ожидая его нападения, и когда Минн прыгнул, Иллин гибким движением перевернулась, сбила его с ног и тут же взобралась на верхушку валуна, стряхивая грязные капли прямо ему в морду.

Пока однолетки играли, Рисса подготавливала стаю к охоте, переходя от одного волка к другому и напоминая всем о единстве. Тревег уже говорил нам, что охота успешна, когда стая действует как единый организм и каждый волк чувствует намерение другого: если на тебя гонят добычу, то загоняющий должен быть уверен, что ты готов ее принять. Поэтому вожак напоминает каждому, что главная цель — успех охоты и благополучие стаи. Такой ритуал происходит перед путешествиями и принятием значимых для стаи решений, но важнее всего он становится перед охотой.

Рисса положила голову на плечо Тревегу, потом обнюхала темную морду Веррны — суровой, хладнокровной волчицы, считавшейся второй по главенству после вожак. Лишь Веррне, сильной и бесстрашной, доверяли планировать все битвы стаи; ее темно-серая морда в боевых шрамах и чернеющие к кончикам уши всегда казались неподвижными, она реже других играла с щенками. Я не знала, как к ней относиться. Веррна поспешно ответила на приветствие Риссы и присела в стороне, наблюдая за остальными. Рисса усмехнулась и, перебежав к Рууко, положила передние лапы ему на хребет. Я думала, вожак рассердится, но он улыбнулся во всю пасть и перекатился на спину, затеяв шутливую борьбу с Риссой, словно оба еще не вышли из щенячьего возраста. Минн и Иллин подобрались к остальным, низко припадая брюхом к земле, чтобы взрослые приняли их в игру. К ним присоединились Борлла с Уннаном и даже Аззуен с Маррой. Мне оставалось только сидеть в стороне и наблюдать издали за общей возней.

Рууко вдруг чихнул, взметнув облачко пыли, и встал; волки тут же прекратили игру. Рисса, присев на задние лапы и вскинув голову, испустила протяжный вой, к нему присоединился вожак. Один за другим волки подавали голос, и вскоре слитный вой заполнил всю поляну: разные по тону голоса сплетались в один мощный звук — охотничий клич стаи Быстрой Реки.

— Вступайте, малыши, — обернулась к нам Рисса. — Вы ведь тоже идете охотиться!

Наши слабые щенячьи голоса влились в ту же песнь. Кровь быстрее заструилась по жилам, сердца застучали как одно, дыхание вошло в общий для всех ритм. Я видела, как взгляд волков становился острее и неистовее, мои собственные глаза словно застыли, зрение сделалось резче, голову заполнил звенящий вой — и мир изменился: запахи поляны превратились в единый запах стаи, звуки стали Риссиным кличем, меня потянуло вслед за волками. Тревег подтолкнул нас, и мы двинулись за остальными в гущу леса.

Окрепнув за эти несколько недель, я стала ростом с Марру, крупнее Аззуена и Реела; игры с воронами прибавили мне силы и выносливости. Вместо того чтобы тянуться в хвосте, я летела вперед наравне с Уннаном и Борллой. Лес расступался; сосны и ели, тесно росшие рядом с прогалиной, сменились редкими березами. Утренняя прохлада освежала, путь был легким и приятным, манящие ароматы зрелого лета кружили голову — так и тянуло остановиться у каждого нового куста или цветка. И все же отвлекаться было нельзя: стая шла вперед, отставших отправили бы с позором обратно на поляну.

Внезапно в ноздри ударил густой пронзительный запах, перекрывший все остальное, — я резко остановилась, чуть не шлепнувшись носом на землю. Другие щенки тоже застыли на

месте; в следующий миг Борлла и Уннан полезли в кусты, откуда исходил дурманищий аромат, за ними потянулись остальные, Аззуен позади всех. Услышав шум, я оглянулась: Аззуена, крайне изумленного, кто-то за хвост оттащил назад, и тут же Веррна, недовольно морща покрытую шрамами морду, нырнула обратно в кусты и вытащила за загривок Марру. Раздался грозный окрик Рууко, мы кинулись прочь из зарослей.

— Щенки! — рокотал вожак. — Не отставать от стаи! Не замедлять охоту! Выходите сейчас же, или будем считать вас травоедами!

— Нечего подпускать щенков к полыни, — с отвращением прорычала Веррна.

— Кто последний — того съедим! — крикнула Иллин. Реел, вылезавший из кустов, ринулся меня обгонять.

Мне бы нипочем не остаться последней, не оттесни меня Борлла с Уннаном глубже в полынь, где я сначала выпутывалась из толстых стеблей и пахучих листьев, а потом, сбита с толку дурманищим ароматом, дважды совалась не в ту сторону, пока наконец не поймала запах стаи и не вылезла из зарослей, чихая и отряхиваясь, прямо перед мордами волков, дожидавшихся одну меня. Борлла с Уннаном нагло ухмылялись.

— Кто отбивается от стаи — тому еда не нужна, — гневно бросил Рууко. — Не отставай.

Меня ожгло обидой: я ведь такого не заслужила! Других щенков Рууко никогда так не отчитывал!

Не удостоив меня лишним взглядом, он повел стаю дальше.

«Не отставать... — подумала я. — Еще как не отстану!»

Лапы налились силой и уверенностью, я перепрыгнула через удивленного Аззуена и устремилась вперед — казалось, ноги без усталости донесут меня, куда захочу. Обгоняя остальных, я слышала ободряющее фырканье Иллин. Из всех щенков лишь Марра шла со мной наравне: длинные сильные ноги и легкий костяк делали ее стремительной, хотя она была не крупнее Борллы и Уннана. Ей ничего не стоило бы меня обогнать: я уже слегка запыхалась, а Марра дышала свободно и ровно.

— Покажем этим низкохвостам, да? — улыбнулась я и, припустив еще резвее, обогнала Борллу и поравнялась с Веррной. Взрослым, конечно, под силу и не такие скорости, но мы, щенки, никогда прежде не бегали так быстро. Лесные запахи лезли в ноздри, тонкая летняя пыль вздымалась под лапами. Я вдруг споткнулась и перелетела через голову; Марра обежала вокруг меня, пока я поднималась. Я и не видела, что Аззуен из всех сил пытался держаться с нами рядом, хотя уже похрипывал на бегу. Подождать бы его — но путь доставлял столько радости, так манил вперед!

Непривычная земля за пределами поляны, неизвестные запахи и звуки, стремительный бег — новые ощущения переполняли, я даже не заметила аромат мяса и едкий запах незнакомого существа у самой опушки. Рисса, пригнув голову, остановила нас, Марра с разбегу на меня налетела.

— Быстрые ноги — это хорошо, — сказала Рисса, тихонько посмеиваясь, — и все же не теряйте голову, вас могло вынести куда не надо.

Лес резко обрывался, крутой склон вел к полю. Посреди высокой травы, уже принимавшей золотистый оттенок, тут и там виднелись луговые цветы. Рисса указала мордой на равнину, где огромный коричневый зверь вгрызался в лошадиную тушу: оттуда-то и исходил едкий запах, смешанный с манящим ароматом мяса. На другой стороне поля паслись лошади, настороженно поглядывая по сторонам.

— Как они могут спокойно стоять, когда пожирают их сестру? — спросила Марра. Она даже не запыхалась после бега, зато Аззуен, подошедший к нам с запозданием, тяжело дышал и поглядывал на меня с укором.

— Лошади не волки, — пренебрежительно ответил Минн. — Просто добыча. Они не умеют горевать, как мы. Большой табун — не то что волчья семья, кони не так близки между собой. Смерть сородичей для них не потеря.

— Все не так просто, Минн, — задумчиво возразил старый Тревегг. — Откуда нам

знать их чувства? Мне приходилось видеть, как мать два дня стояла над погибшим жеребенком, не давая нам подойти к мясу. Или как лосенок отказывался от еды после гибели матери и умер рядом с ее телом. Чтобы выжить, мы убиваем, но не надо презирать своих жертв. Будь благодарен Луне за всех, кого она дает нам в пищу, а для этого научись их уважать. Любое существо — часть Равновесия.

Минн понимающе склонил голову, но тут же его глаза вновь обратились к равнине, и он нетерпеливо зарычал.

— Тихо! — разом прошипели Рууко с Риссой.

— Научись себя сдерживать, Минн, иначе тебе никогда не возглавить охоту, — ворчливо добавила Рисса, и Минн виновато сжался.

— Щенки, — приказал Рууко, — оставайтесь здесь. Не выходите, пока я не скажу, не то я каждому отгрызу уши, засуну ему под хвост и залеплю сосновой смолой. Минн, Иллин — не высовывайтесь без нужды. Хотя вы и считаете себя взрослыми волками, не отходите от Веррны и делайте, как она скажет.

— Не так уж велика та медведица, — заикнулся было Минн, но Рууко смерил его взглядом, и Минн снова опустил голову, покорно пробормотав: — Следую за тобой, вожак.

Иллин сузила глаза, разглядывая медведицу. Та казалась мне огромной: когда она, на миг оторвавшись от туши, распрямилась оглядеть равнину, то стало видно, что она ростом не ниже четырех волков. Мне не верилось, что Рууко с Риссой всерьез намерены на нее напасть.

Рисса шла первой — припадая к земле, крадась вдоль кромки леса.

— Веррна, — прошептала она второй волчице, — бери Минна и Иллин, обходи эту косоплапую недотепу сзади и по моей команде нападай. Не забудь, в стае сейчас одним волком меньше.

«В стае недостает моей матери», — поняла я, и меня захлестнула волна горести. Остальные волчата принимали семью как должное, у них были мать и отец. И хотя Рисса ничем не отличала меня от своих щенков, для Рууко я всегда оставалась нежеланной, у меня не было никого по-настоящему родного. Интересно, когда можно отправиться на поиски матери? И как ее найти, если я даже не знаю, с чего начать? С трудом удержавшись от жалобного воя, я стала смотреть на медведицу и волков, уже почти ее окруживших. Первая в жизни охота, а матери рядом нет...

Я полагала, моего огорчения никто не заметит, однако Аззуен лизнул меня в щеку, а когда я обернулась, глянул на меня участливо.

— Иллин сказала, что твоя мать бегала быстрее всех, — проговорил он смущенно. — Наверное, потому ты такая легконогая.

Веррна с молодыми волками прошла вдоль кромки леса и возникла в тридцати прыжках справа от медведицы, обежав ее так осторожно, что та, издали взглянув на силуэты, не почувствовала угрозы и вернулась к трапезе. Веррна, остановившись сзади и чуть справа от нее, что-то сказала Иллин, и та припала к земле за вересковым кустом. Веррна с Минном двинулись дальше и обогнули медведицу, Минн залег позади нее. Веррна, пробежав вперед по дуге, остановилась на пригорке слева от жертвы, — и медведица оказалась окружена с трех сторон. Рисса и остальные замкнули круг, теперь жертва была в ловушке.

— Думаешь, шестерых волков хватит? — озабоченно спросил Риссу Тревегг. — Я не так скор, как прежде...

— Ты, старый волк, сильнее и мудрее нас всех, — ответила Рисса, лизнув его в щеку. — Скольких медведей ты победил? Лучше тебя никто не знает, как с ними драться. Твои внучатые племянник и племянница выросли быстроногими и выносливыми, стая сейчас сильна. И кроме того, — она усмехнулась, обнажив зубы, — Минн прав: не так уж велика та медведица!

Над нами раздался нетерпеливый окрик, заставивший нас подпрыгнуть.

— Чего сидите? Ждете, пока солнце не прожжет равнину до дыр? — прокаркал Гладкое Крыло. Мы и не услышали, как он подлетел сзади и уселся в ветвях ближайшего дерева. —

Пока вы тут перетявживаетесь, от кобылы ничего не останется!

Волки тявкают.
Мясо все убывает.
Голоден ворон!

С громким кликом он вспорхнул с дерева, с ним Тлиттоо и добрая половина вороновой стаи.

— А ведь задумывали внезапное нападение, — вздохнул Рууко, когда медведица подняла морду к гомонящей толпе воронов.

— Ну, все равно незачем тянуть до восхода луны, — ответила Рисса и издала низкий горловой звук, похожий на стон. С другой стороны поля ей ответил резкий голос Веррны, и через мгновение Минн кинулся на медведицу сзади, Иллин налетела справа, Веррна сорвалась с пригорка и тоже рванулась к жертве.

Медведица встала во весь рост, и я разглядела огромные, с волчьей голову, лапы и страшные оскаленные зубы.

Завидев трех волков, несущихся к ней по высокой траве, она обернулась и заревела грозно и яростно — не нужно было знать язык, чтобы понять: она не намерена отдавать еду каким-то ничтожным хилым волкам. Иллин, Минн и Веррна носились вокруг, держась подальше от смертоносных лап, и вдруг прыгнули на нее все разом; медведица обернулась, чтобы отразить нападение, и в это время Рисса, Рууко и не менее стремительный, несмотря на опасения, Тревегг помчались с холма и налетели на медведицу сзади, рыча бешено и яростно.

Аззуен рядом со мной взвизгнул от страха. Медведица была злобной и свирепой — мне с трудом верилось, что нападение обойдется без потерь. Однако волки бесстрашно носились вокруг жертвы, то налетая, то отскакивая в стороны; вороны кружили над ними, карканьем ободряя стаю. Я вдруг поняла, что волчья игра с птицами, которую я раньше считала тратой сил, помогает не терять охотничьи навыки: грациозные увертывания Иллин и прыжки Минна — лишь продолжение игр с Гладким Крылом и его семьей. И еще я поняла, почему в стае не место слабым: если хоть один волк окажется негоден к битве, медведица легче разделается с остальными.

За дракой наблюдали не только мы: тушу не упускали из виду лисы и гиены, которые надеялись поживиться остатками медвежьего пира; одинокого орла, парящего над полем, то и дело прогоняли криками вороны. Медведица, упорно оттесняемая стаей, все норовила вернуться к туше, но шесть беспощадных волков — слишком сильные соперники для молодой самки, не более опытной, чем Минн с Иллин. Наконец, злобно рыча, она заковыляла прочь, к дальнему краю поля, и скрылась за небольшим бугром. Пока Веррна с молодыми волками отгоняли ее дальше, Рисса с Тревеггом и Рууко стерегли добычу.

Наконец Веррна с однолетками, победительно вздернув уши и хвосты, вернулись к остальным и, яростно рыча на жадных лис и гиен, подбежали к туше. Стая затанцевала вокруг Рууко и Риссы, празднуя успех охоты. Вожак, припав на брюхо, оторвал первый кус конины, и пир начался: волки принялись насыщаться долгожданным мясом, обступив тушу со всех сторон.

— Щенки, сюда! — крикнула Рисса, и мы скатились с холма на поле.

Веррна предостерегающе зарычала.

— Следите, что делается за спиной! — хрипло проговорила она, указывая мордой, уже окровавленной, в сторону падальщиков. — Кобылу трупоедам не получить, зато от щенка они не откажутся. Ждите пока, пусть взрослые поедят.

Бдительно поглядывая на лис, гиен и орла, волки вгрызались в кобылью тушу: медведица успела съесть не так много, стае перепало мяса вдоволь. Рот наполнился слюной, брюхо свело, ожидание казалось вечностью. Семья Гладкого Крыла клевала мясо, не боясь волчьих челюстей и острых зубов, тут же рвущих конину, но мы, щенки, опасались соваться

ближе к взрослым. Наконец Рисса снова позвала нас:

— Чего ждете, щенки? Подходите! Вы уже не младенцы, чтоб мы носили вам пищу в желудке!

Мы подобрались ближе к добыче, при каждом шаге замирая и на всякий случай поглядывая на Рууко и Риссу, вгрызающуюся в кобылье брюхо. Просительно поскуливая, мы всем видом показывали, что претендуем на мясо только с позволения старших. Иллин с Минном, рвущие куски от груди лошади, при нашем приближении зарычали, Рисса издала ответный рык.

— Пустите щенков к мясу! Вам уже хватит!

Минн и Иллин, самые младшие из взрослых, нехотя отступили, мы робко заняли их место. Мне сделалось обидно оттого, что Иллин на меня зарычала, но запах добычи вмиг прогнал все мысли: вгрызшись зубами в тушу, я уже не могла остановиться — вкус мяса затмевал все, доводил почти до безумия. В стремлении заполучить побольше еды я кусалась, рычала и отталкивала других щенков. Кровь гулко билась в жилах, сердце готово было разорваться. Я вдруг поняла, почему на нас рычала Иллин: Уннана, который попытаться меня оттолкнуть, я цапнула за морду, он откатился назад; случайно задевшая меня Марра отступила подальше, заслышав мой рык. Я огрызнулась даже на Гладкое Крыло, и он больно клюнул меня в темя — я взвизгнула, но не подняла морду от мяса.

Я все еще рвала от туши куски конины, когда Минн заворчал, словно предупреждая, и шлепком отбросил меня от туши, Иллин с Веррной оттеснили Борллу и Уннана. Мы скулили и пытались вернуться к мясу — тщетно: взрослые отогнали нас подальше, туда, где уже сидели Аззуен, Марра и Реел. Нам оставалось лишь смотреть, как стая пожирает добычу. Я смутно вспомнила, что щенки пытались пробиться к мясу и всем от меня перепало трепки. Мне стало неловко, и все же я подумала, что раз они не хотели драться за еду, то могли бы подождать, пока я наемся. Я легла на землю, продолжая глядеть на взрослых. Борлла и Реел сидели неподалеку, к ним привалился сонный Уннан. Я устало двинулась к Аззуену, чтобы уткнуться головой в его пушистую спину, — но он отполз подальше и лег рядом с Маррой.

Ко мне подошла Иллин, которую Веррна отогнала от туши.

— Быть сильной — это хорошо, сестренка, только нельзя обижать собратьев. — Она оглядела Борллу с Уннаном и пренебрежительно фыркнула. — Волчица, достойная вести стаю, должна уметь себя отстоять, но надо заботиться о других и применять силу осторожно. Не давай волю злобе и жадности.

Я отнеслась бы к ее словам с большей серьезностью, если б не помнила разъяренного рычания, которым она отгоняла меня от кобылы, и не видела сейчас, как она подбежала к добыче и отогнала от нее Минна, заняв его место. Однако я поняла, что она хотела сказать. Я уже заметила, как от меня отодвинулась Марра и как Аззуен, прежде такой добрый, отказался спать рядом со мной. Даже Тлиттоо просто реял надо мной в воздухе, не пытаясь заговорить, а когда я подняла голову, кинул в меня камешком.

— Жадный щенок! — каркнул он и улетел прочь. Меня охватил стыд. Как я могла!.. Ведь не так давно я была самой слабой в стае! Я не хочу, чтобы меня считали грубиянкой, как Уннана и Борллу! Впредь надо сдерживаться, иначе останусь одна... Мне захотелось тут же подойти к Аззуену и Марре, но от съеденного мяса я отяжелела, глаза слипались, мысли путались...

Меня пробудил легкий ветерок, я подняла голову. Стоял жаркий полдень, когда ни бегать, ни охотиться невозможно; взрослые волки, окружив нас кольцом, спали. В воздухе реял густой запах мяса, рот мгновенно наполнился слюной. Я огляделась: возле самой кобылы, охраняя ее от падальщиков, спали Веррна и Рисса; по остаткам туши скакали вороны. Наверняка они поднимут тревогу, если на тушу покусится кто-то чужой. Интересно, позволят ли мне подойти ближе... Я осторожно поползла к кобыле и, проскользнув между Риссой и Веррной, уже взялась было зубами за соблазнительное сухожилие, когда Рисса подняла голову и зарычала, едва проснувшись. Через миг, узнав меня, волчица оттолкнула меня прочь.

— Тебе хватит, — улыbnулась она. — Иначе лопнешь, и нам придется собирать клочки по всей равнине.

Рисса вновь положила голову на лапы и закрыла глаза, а я пошла к остальным щенкам. Наскучило ждать, пока стая проснется, и я хотела разбудить Аззуэна — но не знала, прошла ли его обида. Играть не тянуло: день стоял знойный, да еще полумесяц у меня на груди болел и ныл так, как никогда прежде.

Из-за боли я и оказалась первой, кто увидел тех странных существ. Их было двое, они смотрели на нас с другого края равнины, где кончалась трава и начинались деревья. Ветер дул в их сторону, никто из нас не почуял запаха. Они стояли на двух лапах, как выпрямившаяся медведица нынешним утром, только та была выше и намного массивнее. В передних лапах, свисающих по бокам, существа держали палки. Я не поняла, что на них за шерсть: то ли редкая, то ли короткая... Ветер переменялся и принес запах, — их влажная, как у коней, кожа пахла чем-то густым и едким, можжевельниковый аромат почему-то казался знакомым.

Вздвoгнув, я твкнула, чтобы разбудить стаю. Проснувшиеся волки взглядывали на меня раздраженно, однако, почуяв запах и увидев существ, они с рычанием окружили тушу; вороны тут же с карканьем взмыли в воздух. Странные существа подняли палки, направив их на нас, и я увидела, что концы палок острые и походят на гигантские шипы. Существа чуть приблизились; до них оставалось не меньше сорока прыжков, но я не знала, быстро ли они бегают. Длиннозуб покроеет такое расстояние за один вдох.

Рууко издал низкий рык и раскрыл пасть, показав все сорок два острых зуба; шерсть его угрожающе вздыбилась, он словно стал вдвое больше. Рядом с ним яростно скалились все волки Быстрой Реки. Когда два длиннolапых существа, помедлив, опустили палки и постепенно отступили в лес, стая еще несколько мгновений стояла, рыча и не отходя от своей добычи.

— Вeррна, они ушли? — спросил Рууко. Все знали, что у Вeррны в стае самый острый слух.

— Они идут к реке, вожак. — Вeррна насторожила уши с темными кончиками. — Пока нам ничто не грозит.

Боль в груди, где полумесяц, немного ослабла, и я вдруг поняла, что при приближении существ она усиливалась.

Рууко вздохнул чуть спокойнее, волки снова легли на землю, на этот раз не отходя от добычи. Рисса осталась стоять в нескольких прыжках от нас, глядя вслед ушедшим существам — напряженная, с вздыбленной шерстью и поднятым хвостом.

— Спутница... — произнес Рууко, когда заметил, что она не присоединилась к остальным.

Рисса отозвалась не сразу.

— Мне это не нравится, — наконец произнесла она. — Совсем не нравится. Когда взойдет луна, переправимся через реку. Щенкам пора узнать, что такое люди.

Глава 5

Стая замерла в молчании. Стаю слышно, как поодаль вороны ссорятся за кусок мяса, как шуршит в кустах мелкая дичь и даже как прыгают блохи по шкуре старого Тревегга.

— Люди? — переспросил Рууко, не сводя глаз с Риссы. — Когда волчатам едва четыре луны от роду? Прежде ты была осторожнее!..

Волчица угрожающе шагнула к вожаку.

— Осторожность и велит мне показать людей сейчас, пока не поздно, — огрызнулась она. — Когда ты вел щенков через Великую Равнину лишь для того, чтоб потешить свою гордость, тебе никто не мешал. Теперь мой черед принимать решения.

Рууко отступил, и его изумление показалось бы мне забавным, не будь я так ошеломлена: увидев гневную Риссу, я поняла, что считать Рууко единственным вожаком

стаи Быстрой Реки — непростительная глупость. Гладкое Крыло и Песнь Дождя на минуту отвлеклись от туши и, склонив головы набок, прислушались к перепалке.

— Люди, — тихо произнес Аззуен, словно пробуя слово на вкус, и задумчиво наморщил лоб. — Они не похожи на других существ. Кто они — добыча или враги?..

— С каких пор люди суются на равнину Высокой Травы среди лета? — продолжала Рисса. — Их место под горой или у саламандрового озера. А сейчас они уже не помнят, что такое границы, бродят где попало когда захотят. Ты и вправду хочешь, чтобы щенки нарвались на них неожиданно, ничего не зная?.. Еще одна луна — и волчата двинутся на вылазки. Им нельзя оставаться в неведении!

Рууко зарычат, словно хотел отыгаться за недавний испуг; Рисса в ответ сощурила глаза и оскалилась. За последнее время она набрала вес и уже не выглядела похудевшей, как во время выкармливания щенков, ее белоснежная шерсть стала густой и блестящей. Мощная в плечах и не уступающая спутнику в силе, Рисса стояла напротив Рууко, и было ясно, что она не отступится. Остальные волки, окружившие их, явно заволновались: размолвки вожаков могут ослабить стаю, к таким ссорам относятся настороженно. Тревегг подошел к Рууко и что-то сказал ему на ухо. Минн тревожно взвизгнул, у меня свело брюхо от страха: что будет, если вожаки и правда вступят в бой? Аззуена била дрожь, Марра прерывисто дышала, только Иллин и Веррна глядели спокойно и заинтересованно. Глаза Иллин то и дело перебегали с Риссы на Рууко и обратно, я чуть не въяве слышала ее мысли — она жадно впитывала все касающееся главенства в стае. Веррна тихо зарычала, глядя на битву спокойным оценивающим взглядом: любой промах Рууко или Риссы может открыть сильному волку дорогу в вожаки. Мне почему-то не хотелось, чтобы стаю возглавила Веррна.

— Я думаю о стае, Рисса. — Рууко не отступил, но и не пытался оттеснять волчицу туда, где ей останется лишь нападать. Голос его звучал серьезно. — Волки Скалистой Вершины сильны, а к людям нужно идти через земли Скалистых. Нам нельзя терять щенков: зимой нужны будут все, кто способен охотиться. Добыча сейчас не та, что прежде.

Я разозлилась. При переходе через равнину Рууко не волновало, выживем ли мы с Аззуеном: он тогда сказал Веррне, что в любой стае выживают не все щенки и что двое самых слабых — не потеря. А теперь делает вид, будто изо всех сил о нас заботится! Я, конечно, признавала Рууко вожаком, но любить его мне было не за что. Я с трудом подавила недовольный рык.

Рисса все же приняла слова Рууко всерьез.

— Да, спутник, добычи сейчас меньше: ее забирают люди. Нам грозит зимний переход, людей мы неминуемо встретим — и потому щенки должны о них узнать.

— Мне это не нравится, — повторил Рууко, уже не пытаясь вздыбить шерсть. — До зимы людей можно просто не замечать.

— Не замечать? Как когда-то Хиилн? — бросила Рисса. Вожак вздрогнул. В стае временами шептались о Хиилне — волке, оставившем стаю еще до нашего рождения.

— Проще не заметить длиннозуба, настигающего добычу, — продолжала волчица. — Ты не хуже меня знаешь, что встреч с человеком не избежать. Дождемся восхода луны: люди ночью слепы, как птенцы, нас никто не увидит.

Рууко ослабил плечи и кивнул.

— Мы с Тревеггом и Минном останемся стеречь мясо, с вами пойдут Иллин и Веррна.

Иллин и Веррна — сильные и отважные бойцы: может, вожак и впрямь о нас заботится? Хотя, наверное, скорее о Риссе...

Волчица мягко ткнулась мордой в шею Рууко; стоя вздохнула свободнее. Вороны, якобы увлеченные трапезой, одобрительно закивали головами, как вдруг Гладкое Крыло тревожно каркнул.

Я снова почувствовала странное покалывание в груди — и поняла, что люди возвращаются. Я не успела ничего сказать: Веррна вздернула уши торчком.

— Люди идут обратно. Их много. — В ее груди что-то заклокотало. — Идут отнять

нашу добычу!

Мы разом обернулись к Рууко.

— Сколько их? — спросил он Веррну.

— Семеро взрослых самцов, — подал голос Гладкое Крыло, со вздохом расправляя крылья. — Лучше давайте уносить мясо, пока тут еще что-то осталось, кроме окровавленной травы.

— Может, пойдете с нами к людям? — улыбнулась Рисса.

— Днем — не отказались бы, но днем вы их боитесь, — ответила Песнь Дождя. — Нам-то они не страшны, летаем когда захотим.

— Люди швыряют в нас чем попало, — доверительно доложил Тлиттоо, садясь на землю между мной и Аззуеном. — Зато на краю их поляны валяется хорошая еда: тащи что хочешь, лишь бы не заметили. Я вас туда отведу, даже если стая не пойдет. Я знаю дорогу.

— Может, нападём, Рууко? — Твердый энергичный взгляд Веррны впился в вожака.

Я надеялась, что Рууко решится на бой и не оставит волчат в стороне. К медведице нас не пустили — и правильно: любого щенка она убьет одним взмахом лапы. Но люди! Они слабые, мелкие, куда им до медведей...

— Сколько от них шума! — прошептала Марра. Треск и топот разносились по всей равнине Высокой Травы, хотя люди были еще далеко. — Люди такие дураки? Или им все равно? Нам не позволяют так шуметь...

— Они, наверное, уверены в себе — и не без причины, — сказал Аззуен, устремив вдаль блестящие глаза. — Ведь в прошлый раз они нас не боялись, просто осторожничали. Да, люди не такие, как мы.

— Они наши враги, идиот, — процедил Уннан. — Этого не понимают только тупицы вроде тебя.

Аззуен даже ухом не повел.

— Нет, в них есть что-то другое. Разве ты не чувствуешь?

Уннан закатил глаза и отвернулся, зато Марра задумчиво кивнула. Мне хотелось рассказать им, как напивается огнем полумесяц на груди при появлении людей, — умница Аззуен сумел бы меня понять, но я побоялась, что услышат другие. Жжение в груди все росло; мне грезилось, как я в прыжке настигаю кого-то из людей, сбиваю его с ног, к нашему с Аззуеном торжеству, однако сохраняю человеку жизнь и делаюсь его другом — и потом мы бежим бок о бок, оставляя позади луга и рощи... Странная мысль. Ни с добычей, ни с врагом не станешь дружить, на них можно только нападать.

Я помотала головой и вновь обернулась к Рууко.

— Уходим, — объявил он. — Забираем мясо, сколько можем унести, и уходим в лес.

Иллин, Веррна и Тревег тут же начали рвать тушу на куски. Мне все не верилось, что Рууко решил спастись бегством...

Минн, пробегая, вцепился в меня зубами, я взвизгнула.

— Луной тебя по лбу, чего ждешь? — рявкнул он. Почему я раньше не замечала, как похожа его узкая морда на ласочью физиономию Уннана? И характерами они схожи. — Делай, что велено!

Все еще сбита с толку, я двинулась к остаткам кобылы. Иллин успела оторвать от туши переднюю ногу, вместе с лопаткой и несколькими ребрами, и теперь волокла ее к лесу. Мы с Аззуеном кинулись ей помогать; Тревег уже подгонял остальных щенков, тащивших мелкие куски добычи, вверх по склону и к деревьям.

— Скорее, скорее! — то и дело раздавался его голос. — Люди нынче быстроноги!

— Почему мы не нападаем? — спросила я Иллин, вцепляясь в кобылью лопатку. Аззуен подхватил узкую часть ноги, и Тлиттоо, вспрыгнувший между нами на кусок туши, принялся склевывать мясо, стараясь не свалиться на ходу.

— Потому что Рууко боится людей, — ответила Иллин, останавливаясь перевести дух. Она оглянулась через плечо, не услышит ли кто, и понизила голос. — Его брата Хиилна изгнали из стаи за то, что слишком тесно водился с людьми. Хиилн должен был стать

вожаком, и Рисса предназначалась в спутницы ему, а не Рууко. И теперь Рууко сомневается в себе и подозревает, что он не самый главный и лучший в стае — ведь даже его имя значит «второй сын». Отец дал им имена, когда Рууко с Хиилном было всего четыре недели от роду.

Рисса пронеслась мимо с куском туши в зубах, одобрительно фыркнув при виде огромной ноги, которую мы тащили.

— Идем скорее, — велела Иллин, вцепляясь зубами в лопатку с ребрами так, что Тлиттоо потерял равновесие и чуть не свалился на землю. Снова усевшись на кобылье ребра, он с укором посмотрел на Иллин.

— Неуклюжая, хуже хромого тура! Ухмыльнувшись ему, я ухватила зубами кобылью ногу, и мы с Аззуеном и Иллин потащили ее к деревьям, за которыми уже спряталась остальная стая. Огромный кусок замедлял движение, мы снова остановились передохнуть. Тлиттоо досадливо смерил нас взглядом и улетел к остаткам кобылы. Иллин посмотрела ему вслед.

— Мы должны избегать людей, — продолжила она. — Таков волчий закон, только Рууко уж слишком усердствует. Людей нельзя ранить или убивать, пока они не напали первыми. С ними не позволено общаться. Воровать у них еду и отбивать их от нашей добычи — можно, если не причинять им вреда. И только если позволит вождь. Никто не обязан умирать голодной смертью лишь оттого, что волкам запрещено драться с людьми. Будь я вожаком — я бы дралась.

— Ты не вождь, Иллин. По крайней мере пока. — От слов Тревегга Иллин вздрогнула, однако старый волк улыбался. — Вождь обязан следить, чтобы волки не сближались с людьми, ты это знаешь. А теперь давай прятать мясо, пока его не учуяли даже никчемные людские носы.

— Хорошо, старый волк, — отозвалась Иллин смиренным голосом, даже не попытавшись опустить уши.

Тревегг, видя такое неубедительное послушание, усмехнулся.

— Подаешь дурной пример щенкам? Не спеши, однолетка, тебе еще есть чему поучиться у нас, стариков. — И Тревегг, подхватив всю лошадиную ногу вместе с лопаткой и ребрами, в одиночку потащил ее в лес — мы лишь восторженно глядели вслед. Иллин, будто не заметив упреков Тревегга, как ни в чем не бывало потрусил за ним.

Мы не смотрели, как люди утаскивают нашу добычу: мы засели в кустах, словно пугливые кролики. Люди гомонили как стая воронов, будто им нет дела до того, что их слышат все медведи и длиннозубы Широкой Долины. Мясо мы спрятали у кромки леса — по словам Риссы, на этом месте собирается стая, когда охотится на равнине Высокой Травы.

Потом Рисса собрала щенков. Тревегг сел рядом с ней, тяжело дыша от жары, остальные волки тоже устроились рядом, выбрав самые мягкие и прохладные клочки земли. Лишь Рууко стоял в стороне, глядя туда, где еще гомонили люди, уносящие нашу добычу. Рисса, дождавшись, пока все глаза обратятся на нее, заговорила:

— Широкая Долина отличается от прочих мест, и мы сами не похожи на прочих волков. Мы избраны для исполнения великой задачи, и потому от нас требуется соблюдение правил. Слушайте же внимательно.

Хотя Рисса, упомянув о правилах, не посмотрела в мою сторону, я почувствовала на себе взгляды остальных — все еще помнили слова вожака и верховных волков о том, что я родилась в нарушение законов Широкой Долины. Аззуен прижался ко мне, хотя мне не было страшно: может, наконец расскажут, чем я отличаюсь от других и почему Рууко так меня возненавидел... Я подалась вперед, намереваясь не пропустить ни слова.

— Сегодня вы увидите людей, которые живут на нашей равнине, — продолжала Рисса. — Они опаснее медведей или хищных птиц, вам нельзя иметь с ними дело. Когда рядом нет вожака, при появлении людей сразу уходите, даже если только что добыли лучшую на свете дичь. С позволения вожака можно воровать людскую еду или соперничать с человеком за добычу.

При этих словах Иллин заворчала, все еще недовольная тем, что Рууко решил не

драться с людьми за кобылью тушу.

— Волк, который вздумает подойти к людям не из-за добычи, — твердо произнес вожак, — будет изгнан не только из стаи, но и из Широкой Долины.

Я огляделась. С лесной поляны не было видно ни гор, ни холмов, ограждающих равнинный простор. Я не представляла, как можно кого-то прогнать за его пределы...

— Главное, — вступила Рисса, — людей нельзя убивать, кроме как защищая себя или семью. За беспричинное убийство человека верховные волки уничтожат и вас самих, и всю стаю — всех, в ком течет ваша кровь.

Новость нас поразила — щенки сразу прекратили ерзать и оглядывать поляну, взгляды устремились на Риссу.

— Вам пора узнать, что такое заповедь Широкой Долины, — сказала она и обернулась к Рууко, словно ожидая отпора. Он с вызовом встретил ее взгляд.

— Когда ведешь к людям бестолковых щенков, еще не доросших до ума, — огрызнулся он, — то отчего бы не рассказать им и легенды!

Он выбрал поодаль клочок влажной земли у гнилого бревна и лег, повернувшись к нам спиной.

— Прекрасно, — кивнула Рисса, словно не замечая его гнева. — Тогда слушайте. Было время, когда волки воевали с людьми, и волчьему роду едва не пришел конец. Помните, что вам рассказывали о Древних?

— Древние — это Солнце, Луна, Земля и праматерь Небо, — немедленно отозвался Аззуен, в точности повторив слова Тревегга, сказанные много лун назад. — Они создали всех существ и Равновесие. Больше Тревегг ничего не говорил...

— Верно. — Рисса улыбнулась, заслышав недовольные нотки в голосе Аззуена, который всегда стремился все знать. — Когда понадобится, вам расскажут больше. Сейчас знайте лишь, что волчьи предки обещали Древним сохранять мир и покой в Широкой Долине — такова была заповедь. И мы должны сдерживать обещание, ведь от нас зависит судьба всего волчьего рода.

Ее голос зазвучал на низких нотах, в мерном ритме легенд, передававшихся волками из рода в род.

— Обещание было дано в давние времена, когда волк только стал волком, а человек еще не был человеком. Однажды на северном краю великой пустоши встретились волк по имени Индру и человек — оба вели свои изголодавшиеся стаи на поиски еды.

— В то время люди не сильно отличались от других существ, — добавил Тревегг, с удовлетворенным вздохом ложась на землю. — Чуть умнее одних, чуть глупее других, чуть более умелые в искусстве выживать, но в общем не лучше прочих. Тогда они еще не расплодились так сильно и не ходили полулысыми, а были покрыты шерстью, как подобает приличным существам.

Борлла фыркнула, и Тревегг усмехнулся в ответ, прежде чем продолжить:

— Но даже тогда они стояли на задних лапах и у них уже были орудия, хоть и не такие многочисленные, как сейчас.

— Что такое орудия? — встрял Аззуен раньше меня.

— Видел, как вороны освобождают прутья от коры и достают ими личинок, которые живут внутри дерева? — обернулся к нему Тревегг. — Прутик — это орудие, и люди умеют с ними управляться лучше любых существ. Таков дар Древних человеческому роду, подобный нашему дару стремительности и охотничьей смекалки.

— Орудия, правда, отличались от нынешних, — вставила Иллин. — У людских предков, которых встретил Индру, были всего лишь палка для копания и камень с режущим краем. Человеку еще не пришлось в голову заострить палку или насадить на нее камень, чтобы убивать животных.

До Иллин вдруг дошло, что она перебила рассказ взрослых, однако Рисса ободряюще кивнула, и Иллин продолжила:

— Люди тогда были падалычиками и питались чужой добычей, лишь изредка охотясь

на мелкую дичь.

— Просто падальщики? — встрял Уннан. — А что тогда их бояться?

— Потихе, щенки! — раздался от бревна голос Рууко. Аззуен и Марра даже вздрогнули от неожиданности. Я-то думала, что Рууко спокойно спит, а он вслушивается в каждое слово! Вожак смерил взглядом Уннана, отчего тот поджал уши, и вновь отвернулся.

— Падальщиками они были тогда, не сейчас, — отрезал Тревегг, недовольно взглянув на Уннана. — С тех пор многое изменилось.

При виде растерянного Уннана я довольно заворчала и устроилась поудобнее.

— То были трудные времена, — продолжила Рисса, словно Иллин ее и не перебивала, — добычи едва хватало на всех. Человеческие предки уже не могли бороться за выживание, да и стая Индру выбивалась из сил, хоть ей приходилось легче, чем людям. Индру был не намерен упускать добычу — ведь для любого волка те слабые существа выглядели лишь добычей.

Я вспомнила, как впервые увидела людей на равнине Высокой Травы, как разрывалась между желанием их растерзать и стремлением подружиться... И чуть ли не вживую ощутила себя рядом с Индру в тот миг, когда он столкнулся с человеческой стаей.

— Он понял, что люди не добыча, — прошептала я неожиданно для себя и тут же виновато прижала уши, пока меня не отругали.

Рисса, чуть оскалив зубы, вздохнула.

— Он понял, что люди не добыча, — повторила она мягко. — Человеческий взгляд показался ему знакомым, слишком похожим на волчий.

Рууко, тихо зарывав, приподнял голову от бревна.

— Вопреки разуму и здравому смыслу, — продолжила Рисса, — Индру велел стае не трогать людей. И даже позвал прямостоящих существ поиграть в волчьи игры, а когда поднявшееся солнце затопило жаром всю Долину, волки и люди легли отдыхать вместе, бок о бок. Проснулись они уже другими. Индру понял, что человек не так уж отличается от волка и обрекать на гибель людей — слабых, отошавших до полусмерти существ — все равно что набивать себе брюхо мясом и оставлять голодными собственных щенков. Ему хотелось остаться с людьми и охотиться вместе; он решил научить их тому, что поможет им выжить. Говорят, если волк и человек ложатся спать рядом, во сне их души переплетаются так, что даже наяву, живя врозь, каждый сохраняет частицу души другого.

— В легенде этого нет! — заявил Рууко, появляясь из-за бревна; мы даже подпрыгнули от неожиданности. — Обычно рассказывают иначе.

— Я слышала так в детстве, — возразила Рисса. — Не все, во что ты не веришь, обязательно обман!

Рууко, тихо заворчав, прошел обратно к гнилому бревну, беспокойно покрутился на месте, а потом, вместо того чтобы лечь, снова вернулся к нам и сел рядом с Риссой — настороженный, словно готовый к прыжку. Волчица недовольно зарычала, но продолжила рассказ:

— Волки научили людей охотиться вместе, так что человеческая стая уже не зависела от чужой добычи. И показали, как устраивать места сбора, где можно отдыхать и обсуждать новые вылазки.

— Прежде эти знания принадлежали только волкам, — прервал Риссу вожак, — старому Индру стоило дважды подумать, прежде чем разглашать их людским предкам. Каждый род существ владеет своей тайной, дарованной Древними, и открывать ее другим нельзя: научившись слишком многому, можно превысить пределы сил и сбить Равновесие. Индру сделался слеп от любви к человеку и в нарушение закона Древних продолжал учить людей тому, что им не следовало знать. И вскоре люди изменились.

Вожак отвернулся и молча прошел к своему бревну. Увидев, что он не собирается продолжать, Рисса заговорила снова:

— Люди стали другими. Охотясь всей стаей, они добывали больше еды и делались сильнее. Сходясь в местах сбора, они поняли, что планировать охоту всем вместе — много

лучше, чем в одиночку. Они узнавали новые способы выслеживать дичь и учились лучше укрываться от непогоды. Однажды зябкой ночью, чтобы больше не дрожать от холода и не бояться нападения зверей, они подчинили себе огонь.

Мне уже приходилось видеть целые пространства, выжженные огнем посреди лесной чащи, — в голове не укладывалось, что огонь можно покорить, я даже не представляла, кому такое под силу. Голос Риссы прервал мои раздумья, я встряхнулась и подползла чуть ближе.

— Когда люди овладели огнем, им уже не нужна была густая шерсть — и она опала, как листва с деревьев. Человек изобрел новые орудия, какие и не снились его предкам, и придумал лучшие способы убивать и драться. Люди стали заносчивы и решили, что они выше других существ — ведь никто, кроме них, не умел зажигать огонь и делать орудия из камня и дерева.

Шумно забили по воздуху крылья. На землю перед Риссой и Тревеггом опустился Гладкое Крыло; при виде его окровавленного клюва я вспомнила о мясе, лежащем неподалеку, и в брюхе у меня заурчало.

Гордыню унять —
Волчью и человеческую —
Может лишь ворон!

Гладкое Крыло дернул Риссу за ухо и захлопал крыльями перед самой мордой Тревегга. Тот с ухмылкой цапнул зубами воздух, и ворон вспорхнул, чтобы усестись на ветку у нас над головой, где его ждала Песнь Дождя. Интересно, долго ли они подслушивают... И зачем воронам наши легенды...

Рисса, подозрительно на них покосившись, вновь заговорила:

— Человек решил, что прочие существа должны ему служить. Волки не подчинились — и тогда произошла битва людей и волков. Люди убивали всех непокорных и даже подожгли лес, в котором жили.

Меня передернуло. Тревегг рассказывал, что несколько лет назад огонь уничтожил две наших лучших поляны, — неужели такое можно делать намеренно?

— Лесной пожар заметили Древние, — кивнул Тревегг. — Узнав, что люди выучились у волков, и увидев их дела, Древние поняли, что человеческий род таит угрозу Равновесию — ведь люди не остановятся, пока не уничтожат все вокруг. Древние не могли такого допустить, и потому праматерь Небо объявила всем волкам и людям, что настал час их смерти.

— Индру, услышав эту весть, испустил горестный вой, — продолжила Рисса. — Взобравшись на высокую скалу, он воззвал к Древним, прося их сохранить жизнь волчьему и человеческому роду. Вначале его никто не слушал.

Рисса подняла голову на Гладкое Крыло и Песнь Дождя, сидевших на дереве. Птицы встрепенулись, Гладкое Крыло заговорил:

— И тогда Тлитоокилакин — царь воронов, следивший за жизнью волков и людей, — взлетел к самому Солнцу и стукнул его клювом. Солнце взглянуло вниз на Индру и позвало Луну, Землю и праматерь Небо выслушать его просьбу, а Тлитоокилакин спустился обратно к Индру — ведь из-за волчьего легкомыслия воронам мог грозить голод.

Тревегг мгновение помолчал, приняхиваясь к потоку ветра, затем продолжил рассказ:

— Покорно опустив уши и робко поджав хвост, стоял Индру перед Древними, обращаясь к ним со словами, для которых требовалась вся волчья смелость. «Не наказывайте людей и волков, о владыки! — молил Индру. — В происшедшем виновны лишь я и моя стая, но не убивайте нас. Нам еще есть чему научиться, мы столь многого не знаем!» Тогда праматерь Небо послала теплый ветер, огладивший спину Индру. «Всем существам есть срок жить и срок умирать, — тихо промолвила она. — Нынче тебе настало время для следующего шага. Так всегда было и всегда будет». Индру в отчаянии взглянул на Небо, не зная, что делать дальше. И тогда царь воронов клюнул его в хвост. «Наше время еще не настало, —

вновь заговорил Индру. — Мы только начали узнавать чудесный мир, в котором живем!» Земля при этих словах довольно заворочалась, пошатнув скалу, где стоял Индру. Тогда волк сел на задние лапы и вознес к Древним песнь — такую прекрасную и скорбную, что даже праматерь Небо затрепетала, а Луна и Земля замерли неподвижно, впервые за всю жизнь. Древние глядели на Индру с любопытством: никогда прежде земное существо не обращалось к ним так спокойно и смело, отстаивая себя и свой род. Живя издревле и деля вечность лишь друг с другом, Древние устали быть одни, подобно волку без стаи. Песнь Индру дала им надежду — может, земные существа скрасят их одиночество? И Древние говорили друг с другом, пока Индру и Тлитоокилакин ждали на высокой скале под стылым ветром. Индру показалось, что прошла вечность, когда наконец праматерь Небо ответила. «Мы выполним твою просьбу, — услышал Индру ее слова, и сердце его забилося вновь. — Однако дай нам обещание — и пусть его сохраняют твои дети и потомки твоих детей». «Я дам любое обещание», — произнес Индру. Праматерь Небо зарокотала от удовольствия: иного ответа она не ожидала. «Люди считают себя лучше других, — молвила она, — и дерзость сделает их безумными. Пожары станут обширнее, люди будут драться и убивать, истребляя все вокруг. Если оставить их без присмотра, они разрушат само Равновесие. Тогда у нас не будет выбора, кроме как уничтожить не только волков и людей, но и весь мир».

Тревег замолчал и окинул нас взглядом: — Помните, что я рассказывал о Равновесии, когда вы были малышами? Равновесие не дает миру распасться, каждое существо или растение, каждое дуновение ветра составляют его часть. Праматерь Небо боялась, что при нарушенном Равновесии погибнут и сами Древние. Откликаясь на просьбу Индру, она подвергала мир опасности. Но ей было одиноко, и она хотела, чтобы волки остались жить.

Старый волк снова вытянулся на земле, закрыл глаза, словно так он мог лучше разглядеть Индру на вершине скалы, и продолжил:

— «Мы нашьем на людей ливень и засуху, им будут грозить смертью все горы и скалы, — произнесла тогда праматерь Небо. — Люди лишатся сил и утратят самонадеянность. Занятые борьбой со стихиями, они не смогут нам досаждать. А ты, волк, должен обещать нам, что вы будете сторониться людей и что волчий род никогда не придет на помощь человечьему». Индру с готовностью отдал бы Древним собственный нос и все зубы в придачу, только бы не давать такого обещания. Отвернуться от людей — хуже этого не было ничего, разве что обречь на смерть родную стаю. Индру отвел глаза от Неба и Солнца и замолчал. «Иного пути нет», — гулко пророкотала Земля под его лапами. «Если не отречешься от людей, — тяжело ударил в голову луч Солнца, — они выучатся всему, что ты знаешь. Тогда даже Древним не побороть их силу, волки и люди будут биться насмерть». Луна крикнула от дальнего края Земли: «Такова цена, ты должен ее заплатить!» И лишь когда Тлитоокилакин клюнул Индру в голову так сильно, что волк взвыл от боли, услышали Древние его ответ. Индру склонил голову и произнес обещание — никогда не знаясь с людьми.

На неуловимый миг глаза Тревега встретились с моими.

— Многие годы, — проговорил он, отводя взгляд, — волки держат обещание, данное Древним. Но как бы мы ни старались, мы не можем вечно избегать людей.

— Тогда никто не знал, как это трудно, — тихо произнесла Рисса. — Ни волки, ни Древние не понимали, как сильна связь между людским и волчьим родом. То ли оттого, что души волков переплелись с человеческими, — она с вызовом посмотрела на Рууко, — то ли от долгого общения с людьми дети Индру не могли оторваться от человека. Вновь и вновь два рода сходились вместе, и каждый раз праматерь Небо гневалась все больше и пыталась их разлучить. В иные времена, через много лет после Индру, юная волчица — ненамного старше вас, щенки, — стала охотиться с людьми и научила этому всю стаю. С годами это привело к великой вражде, и тогда появилась заповедь Широкой Долины.

— Древние предупреждали: если нарушить обещание, волков и людей ждет смерть, — подхватил Тревег. — И когда Лидда, юная волчица, стала охотиться с людьми, праматерь Небо наслала трехлетнюю зиму, чтобы уничтожить оба рода. Надвигалась гибель, исчезала

надежда. И тогда появились огромные волки — они принесли весть, что посланы нас оберегать. То были первые из верховных волков; говорят, они той же природы, что и Древние, и спустились с неба по солнечному лучу.

— Верховные волки пришли, чтобы дать нам возможность выжить, — снова вступила Рисса. — Они следят, чтобы не нарушалось обещание Индру. Зная, что им не дано остаться на Земле вечно, они выбрали таких волков, которые вместо них станут охранителями волчьего рода и будут следить за тем, чтобы волки не сближались с людьми. По всему миру они искали тех, кому под силу такая задача; потом их собрали в Широкую Долину и определили, кому можно иметь детенышей, и оставили в Долине только тех волков, которые поклялись Древним соблюдать заповедь.

— Поклялись в том, что мы будем сторониться людей, — уточнил Тревегг.

— Поклялись, что никогда не убьем человека без причины, — добавила Иллин.

— И в том, что сохраним чистоту крови и не будем спариваться с волками, живущими за пределами Долины, — подытожила Рисса. — Эти три закона передаются в Долине от волка к волку, и любой, кто их нарушит, будет убит или изгнан, а его стая погибнет. Верховные волки говорят с нами от имени Древних, охраняя волков и следя за соблюдением законов. Но когда они вернутся на небо, мы займем их место — и мы должны оказаться достойны, иначе погибнет весь волчий род.

Глава 6

Первым заговорил Уннан.

— А почему нельзя спариваться с чужими волками? — нагло спросил он, глядя на меня в упор. — Полукровки опасны для стаи, да?

Тревегг недовольно нахмурился, однако ответил:

— Полукровок тянет либо дружить с людьми, либо их убивать — в обоих случаях нарушается заповедь и мы не исполняем обещания. А бывает, полукровки сходят с ума, тогда они и вовсе непредсказуемы.

— Значит, полукровка в стае грозит нам бедой? — невинным голосом осведомилась Борлла, и я еле удержалась, чтоб не отгрызть ей ухо. Марра, якобы углядев блоху, тут же вцепилась зубами Борлле в ногу, та зарычала и бросилась на Марру... Мы уже готовы были кинуться в драку, когда Тревегг схватил Борллу за загривок и оттащил в сторону.

— Хватит! — рыкнул он. — Спариваться с чужими — не всегда преступление: верховные волки порой впускают в Долину чужаков, иначе испортится кровь и наш род иссякнет.

— Начнут рождаться двуногие щенки с тремя ушами, — поддакнула Иллин, словно бы в шутку отвесив Уннану оплеуху, свалившую его на бок.

— С разрешения верховных волков полукровки могут оставаться в стае, — добавила Рисса. — Так было с Каалой.

— А верховные что, никогда не ошибаются? — не отступала Борлла. — Может, она все-таки опасна?

— Не тебе судить, щенок, — отрезал Тревегг. Рууко снова поднял голову и поглядел на меня, когда Рисса подошла и лизнула меня в макушку.

— Это не обсуждается, — произнесла она, — такова была воля верховных волков. Не забудьте то, что узнали о людях и заповеди. А теперь отдыхайте, нам скоро в путь.

И стая как ни в чем не бывало стала располагаться на дневной отдых, чтобы переждать жару и быть готовой к ночным походам. Аззуен и Марра улеглись ко мне поближе, я была им благодарна. И все же сердце билось сильнее обычного: оказывается, дело не только в ненависти Рууко! Я могу принести беду всем живущим в Долине! Я отчаянно хотела знать больше о людях и о том, почему они так важны, и уже собралась было поспрашивать Иллин или Тревегга, пока другие щенки спят, — однако незаметно для себя уснула, убаюканная полуденным зноем.

Через два часа после восхода луны нас разбудила Рисса. Я с наслаждением потянулась в прохладном вечернем воздухе, чувствуя себя более уверенно, чем прежде. Я — щенок из стаи Быстрой Реки, и никакие слова Борллы и Уннана этого не изменят. Прощание со стаей было скорым, выть и скулить старались потише: люди, судя по ослабшему запаху, уже прекратили охоту и ушли из леса, но осторожность не повредит. Рисса сказала, что наш вой их раздражает и слышен даже издали.

Мы ушли с поляны, не останавливаясь пересекли Высокую Траву и скрылись в лесу по другую сторону равнины, стараясь не отставать от взрослых, — мы помнили предупреждение Рууко.

— С тропы, которую укажет Рисса, не отходить. Кто ослушается старших, того в одиночку отошлют обратно: не умеете подчиняться — сидите на месте, — произнес он строго, и мы все обещали не нарушать приказаний.

Леса на той стороне Высокой Травы полнились ароматом незнакомых деревьев и кустов, поверх которого ясно слышатся человеческий запах — хотя люди прошли здесь много часов назад, едкий дурманящий аромат хорошо сохранился. Свет яркой, почти полной луны очерчивал контуры деревьев и бросал на землю гибкие четкие тени, мы без труда отслеживали сломанные ольховые ветки и растоптанные комья земли, которые люди беспечно оставляли за собой. Сейчас мы видели лучше, чем днем, хотя зрение нам почти не требовалось: человеческий запах был таким сильным, что вел бы нас даже безлунной ночью.

Река дала о себе знать издали: она звучала как шум могучего ветра, рвущегося сквозь тысячу многолистных деревьев. Здесь пахло не просто водой — пахло сырой почвой, и подгнившими корнями, и плотным влажным лесом, и мелкой упитанной дичью — мышами и ящерицами. Когда мы приблизились, у меня перехватило дух от волнения: что за край ждет нас на том берегу? Что нового таит он для нас?

Река оказалась шире и стремительнее, чем я ожидала. С нашей стороны к ней вел пологий склон; противоположный берег нависал крутым обрывом. Волчата робко столпились у самой кромки реки.

— Это всего лишь вода, малыши. — Рисса бдительно оглядела берег и опустила голову к воде.

Пока она лакала, я вспомнила, что тоже хочу пить; вода была приятной, от нее пахло листьями, рыбой и дальними краями.

— Интересно, где она кончается, — проговорила Марра, следя глазами за течением.

— Мне больше интересно, как перебраться на ту сторону, — задумчиво произнес Аззуен, глядя через реку. Уннан при этих словах хихикнул, и Аззуен чуть поджал хвост.

— Вперед, малыши, — весело тряхнула головой Рисса, входя в поток. — Пора привыкать к текучей воде: если преследуешь добычу, а она прыгает в реку — надо уметь ее догонять. Не дело, когда еда спокойно уплывает!

Широко улыбнувшись, Рисса двинулась вперед. Чуть ли не половину пути волчица спокойно шла вброд, плыть ей пришлось лишь на самой стремнине. Нам, щенкам, так просто не отделаться... Легко выбравшись на дальний берег, Рисса встряхнулась и посмотрела на нас. Веррна вошла в воду вслед за ней и остановилась там, где река становилась глубокой.

Вода двигалась, словно поток ветра. Я любила плавать и часто плескалась в мелком озере рядом с нашей поляной, но рек я прежде не видела. Я ступила одной лапой в воду, собираясь с силами.

Что-то ударило меня сзади, и я с громким плеском шлепнулась в реку. Меня захлестнуло водой, в рот набилась глина — я выскочила обратно на берег, отплеываясь, стряхивая воду со шкуры и прочищая глаза. Борлла, стоя на берегу, злобно ухмылялась, и я, забыв о предупреждении Рууко, прыгнула на нее и повалила в грязь: она ведь чуть меня не утопила! И уж точно выставила на посмеище! Я этого так не оставлю!

— Щенки! — раздался громовой окрик Веррны, пробирающейся обратно к берегу. Я успела увидеть, как Иллин, опустив морду, отгородила от нас Уннана и Аззуена, уже готовых ринуться в драку. — Как вы себя ведете? Их взяли в серьезный поход, а они норовят

безобразничать, чуть только взрослые отвернутся! Отослать вас обратно к Рууко?

Я нехотя отпустила Борллу. Ее глазки злобно блестели, она явно жаждала драки — что ж, придется ей подождать другого раза: ни я, ни она не собирались упускать случая посмотреть на людей. Мы склонили головы перед Веррной и припали брюхом к земле. Борлла двинула меня лапой в ребра, я еле устояла, чтоб не цапнуть ее за шею. Веррна придиричиво оглядела нас и, убедившись, что драка прекращена, снова вошла в реку. Стремительное течение отвлекало ее не больше, чем легкий ветерок: волчица неподвижно стояла в реке, плотно облепленная намокшей шерстью, ее глаза поблескивали в лунном свете.

— Долго еще будете собираться? Всю ночь? — рыкнула она. — Пока надумаете замочить лапы, луна уйдет за холмы!

Рисса беспокойно мерила шагами противоположный берег.

— А ну вперед! — рывкнула Иллин, видя нашу нерешительность. — Река медленная, чего ждете? После дождей покатится так, что не догонишь!

Я глубоко вдохнула и ступила в воду, Борлла оттеснила меня плечом.

— Вот же бывают волки, которые всего боятся! — заявила она. — Я не из таких!

Уверенно войдя в реку, она двинулась вброд, затем поплыла. За ней последовал Уннан, задержавшийся лишь для того, чтобы плеснуть водой в морду Аззуену. Плыли они некрасиво — лапы загребали воду судорожными движениями, головы на вытянутой шее торчали над поверхностью реки. Однако в силе им не откажешь, продвигались они быстро.

— Я, наверное, не смогу, — почти неслышно прошептал Аззуен, жавшийся к Иллин. Я хотела подойти, но увидела, что Борлла и Уннан уже почти подплыли к середине реки, где стояла Веррна.

Марра подтолкнула меня носом.

— Вперед, хватит ждать! — твякнула она и прыгнула в реку.

— Давай за нами! — крикнула я Аззуену и бросилась ей вслед, уже не оборачиваясь, чтобы посмотреть на оставшихся. Я не могла равняться с Маррой, и все же плыть оказалось легче, чем я ожидала. Мы были явно слабее Риссы, и нас круче сносило течением, поэтому Рисса перебежала по берегу к тому месту, куда мы подплыли.

— Молодцы, — удовлетворенно сказала она и обернулась посмотреть через реку. Лишь тогда я взглянула назад, где у берега, едва войдя в воду, топтались Аззуен и Реел, подталкиваемые Иллин. Ее окрики доносились даже до нас.

— Вас что, в зубах нести? — издевательски скалилась она. — И что скажет Рууко, когда узнает, какие вы смелые?

«Ну давай же, Аззуен!» — мысленно подгоняла я щенка. Если все увидят, что он боится, его никогда не примут в стаю.

Наконец они с Реелом нехотя вошли в реку. Аззуен поплыл неловко и медленно; на середине пути между стремниной и нашим берегом он выбился из сил и начал уходить под воду. Я окликнула его:

— Плыви, не сдавайся! Уж если тупица Уннан одолел реку, ты тоже доплывешь!

Видимо, мой голос придал Аззуену сил: он добрался до берега, вылез из воды и встряхнулся. Я радовалась, что мои слова ему помогли, и немножко стыдилась того, что не стала его ждать.

— Я знала, что у тебя все получится!

— Ага. Теперь бы еще обратно переплыть... — Он ткнулся носом мне в щеку.

Я повернулась к Борлле, которая наверняка не упустит случая высмеять наши нежности, — но та не сводила глаз с реки, где Реел боролся с течением. Он, по-видимому, толком не понял, как надо плавать: на середине реки он прекратил двигать лапами и стал тонуть. Рисса тревожно твякнула, Иллин с Веррной двинулись было на помощь Реелу, однако его уже снесло течением слишком далеко в сторону.

Борлла, прыгнув в воду, энергично подплыла к Реелу, ухватила за загривок и удерживала его голову над водой, пока Иллин не доплыла до них и не вытащила Реела на

безопасную глубину. Рисса, убедившись, что он цел, вылизала его с морды до хвоста, словно хотела отмыть от былой опасности. Борлла, вылезшая на берег, лежала в грязи, пытаясь отдышаться; Реел, робко подойдя к ней, благодарно лизнул ее в морду. Я ожидала, что она станет издеваться над его слабостью, однако вместо насмешек она тихо положила морду ему на шею. Меня захлестнула ревность: я-то ведь и не подумала утешить Аззуена! Обернувшись, я встретила его пристальный взгляд, но не успела ничего сказать — Рисса заговорила с Борллой:

— Ты поступила правильно, как подобает члену стаи. А тебе надо становиться сильнее, — добавила она, повернувшись к Реелу. Волчица еще раз коснулась носом его макушки и стряхнула со шкуры последние капли воды. — Ну что, щенки, самое опасное позади. Теперь за мной, и не шуметь! Пока не дойдем до человеческого жилья, останавливаться не будем.

Двигаясь врассыпную, чтобы ни один встречный волк не понял, сколько нас на самом деле, мы скользнули в лесную чащу, следуя за крепнущим запахом людей.

Лес расступился у подножия невысокого сухого холма, покрытого высокой летней травой и колючими кустами. Запах людей перекрывал все прочие. Рисса подозвала нас поближе и предупредила:

— За холмом вы увидите поляну, где собираются люди. Не вздумайте к ним подходить, не отрывайтесь от взрослых.

Мое сердце возбужденно забилося. Молча и осторожно, как взрослые при выслеживании медведицы, мы взбирались на верхушку холма. Людей мы не видели, нас достигали одни запахи и звуки. Рисса вновь остановилась, мы ждали рядом. Иллин и Веррна следили за нами — и за всем, что могло нам угрожать. Аззуен, сидя рядом со мной, тихонько задрожал; я лизнула его в нос и осторожно взяла его мордочку в зубы, как делала Рисса раньше, когда мы были малышами и чего-нибудь пугались. Его сердце забилося спокойнее. Марра, такая смелая на реке, теперь тоже подползла ко мне ближе и тихонько заскулила; я коснулась и ее морды, она вздохнула с облегчением. Борлла, с вызовом поглядев на меня, наклонилась ухватить зубами мордочку Реела.

По кивку Риссы мы припали к земле и поползли вперед, скрытые высокой травой. Рисса говорила, будто люди не видят в темноте, и все же под защитой травы и кустов я чувствовала себя спокойнее. Аззуен и Марра тихонько повизгивали от возбуждения и страха, пока гневный взгляд Риссы и ощутимые укусы Иллин не заставили их умолкнуть. Наконец мы добрались до вершины холма и взглянули вниз, на человеческое жилье.

Двуногих существ было много, будто сразу несколько стай. Как медведи перед нападением, они неуклюже двигались на задних лапах по большой поляне — размером с шесть наших прогалин. Длинные тела, гладкие, как у ящериц или змей, местами покрывала лоснящаяся шерсть, на плечах и бедрах у многих висели шкуры убитой добычи. От людей пахло солью, мясом и мягкой влажной землей, но все перекрывал тот едкий запах, по которому мы нашли их издалека. «Огонь!» — внезапно поняла я. То был запах огня и дыма, смешанный с запахом нагретых камней: каждый огонь на поляне пылал внутри круга, выложенного из крупных каменных осколков. Запах казался странным, хотя я никак не могла уловить почему.

Люди держались группами, словно мелкими стаями, взрослые и детеныши вместе. Детеныши резвились на поляне, скуля и повизгивая: младшие, не крупнее четырехнедельного щенка, ползали по земле совсем как волчата, так что хвост у меня невольно завивлял; старшие самцы, размером со взрослого волка, выглядели мощнее самок и их покрывала более густая шерсть. Внезапно мне сделалось одиноко — как в тот день, когда я осталась без матери.

— Не диво, что люди забирают всю добычу в Долине! — Голос Веррны от удивления звучал хрипло. — Их никогда столько не было, стая не росла сверх меры!

— Люди еще хуже, чем стая Скалистой Вершины! — согласилась Рисса. — Мало им охоты на нашей территории — скоро они начнут занимать и наши поляны, даже не

задумавшись о волчьих жизнях.

Я поразились. Любой волк, ступая на чужую территорию, знает, что рискует, и потому отваживается на такое лишь в крайних случаях и ведет себя осторожно, каждый миг ожидая нападения.

— Если стая растет, им надо от кого-то избавляться, как делаем мы, — презрительно скривила губы Борлла. — Они похожи на стадо добычи, а не на людей.

— Люди — охотники, не забывай, — бросила Рисса. — Охотники, не чтущие ни законов, ни границ. Когда я родилась, соблюдать заповедь было проще: мы держались подальше от них, а они — от нас. Теперь они бродят где придется, поэтому вы должны знать, что такое люди.

И мы смотрели. Человеческая самка устраивалась на отдых рядом с самцом, тот обхватил ее руками. Другая самка прошла через поляну, детеныш у нее на руках уткнулся ей в шею лицом. Я готова была заскулить от отчаяния: я чувствовала, что запрет общаться с людьми несправедлив! Однако после слов Тревега о полукровках я не рискнула ничего спрашивать.

— А почему нельзя побыть с ними хоть немного? — задумчиво произнес Аззуен. Он уже давно наблюдал за мной. — Понятно, что мы не должны оставаться и помогать, но почему нельзя даже подойти?

Я едва удержалась, чтобы не кинуться к нему от радости, и наградила его благодарным взглядом. Рисса посмотрела на Аззуена.

— Если побыть с ними даже недолго, мы не сможем остановиться: нас потянет помогать и делиться знаниями, как Индру. По крайней мере так я слышала, когда была щенком. — Рисса отвела взгляд и помолчала, словно раздумывая, говорить ли дальше. — Кроме того, есть что-то в душе волков и людей, что препятствует нам жить вместе. Людей обычно пугает вольный и дикий волчий нрав, который они не могут подчинить. Оставаясь с ними надолго, мы вынуждены будем смирять себя, иначе мы их раздражаем или сами начинаем злиться — и тогда можем напасть на человека. А за такое верховные волки уничтожают всю стаю. Потому наши предки и обещали, что волки Широкой Долины будут избегать людей. Конечно, кроме тех случаев, — она блеснула глазами, — когда у них можно утащить что-нибудь вкусное!

Аззуен серьезно посмотрел на Риссу.

— Тогда почему Древние не истребили волков, когда молодая волчица из легенды стала охотиться с людьми? Ведь волки нарушили обещание Индру! Если видеться с человеком так опасно, почему Древние оставили нас в живых?

— Радуйся хотя бы этому! — проворчала Веррна, смерив взглядом Аззуена. — Не тебе, щенок, сомневаться в легендах!

— Даже когда мы держимся от них подальше, лучше не становится! — Аззуен неожиданно вскочил. — Люди захватывают чужую добычу и нарушают границы! И еще Гладкое Крыло говорил, что они оттесняют добычу прочь из Долины!

— Сядь, щенок! — рявкнула Рисса. — Замолчи и не высовывайся!

Аззуен тяжело плюхнулся на землю, удивленный яростью Риссы. Он раскрыл было пасть, чтоб возразить, но волчица зарычала.

— Тебе сказали не обсуждать легенды! Сиди смирно — или ступай назад и плыви через реку один!

Пристыженный, Аззуен опустил на брюхо; я коснулась носом его морды, чувствуя себя виноватой, — все-таки первый вопрос он задал из-за меня.

Я вновь посмотрела на людей. Маленькая девочка свернулась у ног самца и самки — видимо, родителей. От нее пахло свежее выпавшим дождем.

— Тебе захочется туда, к ним, — тихо проговорила Иллин, наблюдавшая за двумя молодыми самцами, которые шутливо боролись, словно волки-однолетки. — Захочется их коснуться, побыть рядом, поиграть как с волками своей стаи. Но твой волчий долг — этого не допустить. Долг перед стаей и заповедью выше других желаний. Рисса согласно кивнула.

— Они нас не учуют? — спросил Реел, отодвигаясь назад.

— Для них носы — что для туров крылья: бесполезная вещь, — ухмыльнулась Веррна. — Будешь пускать ветры прямо у него за спиной — и то не учует.

— Ну, не совсем так, — посмеиваясь против воли, заметила Рисса, — хотя и вправду их носы слабее наших и услышать наш запах на расстоянии они не могут.

Интересно, как они выживают, если не могут почуять запах врагов или добычи? Мой нос даже сейчас расслаивал и распознавал запахи их поляны, и я по-прежнему не понимала, почему запах огня и дыма мне кажется странным. И вдруг меня осенило: мясо и огонь! Запах обожженного мяса! Непривычный, противоестественный и все же неодолимо притягательный; я влеклась к нему так же, как к самим людям, он пробуждал голод — не только желание мяса, но и желание чего-то еще, непонятное и странное.

— Как же они живут? — спросила я, чтобы сбросить с себя наваждение. — Как охотятся, если не чуют запахов?

— Так же, как и мы, — ответила Рисса. — На свету люди хорошо видят, а охотятся стаей. И убивают не зубами или когтями, а орудиями — острой палкой, похожей на длинный шип, которую бросают при помощи второй палки, чтобы убить дичь издалека. Они умелые охотники, — добавила она с легкой завистью.

Мы замолчали, глядя на людей. Теперь я понимала, почему нам так жестко запрещено с ними знаться: между нами ощущалось странное родство, они казались ближе к волкам, чем даже вороны. Людские звуки и движения были похожи на волчий язык, их детеныши ползали и играли совсем как волчата. Выделялся высокий мускулистый самец — от него пахло силой, и голенастые поджарые юнцы старались завоевать его одобрение. Непонятно, как он умудрялся сохранять порядок в такой большой стае, но его поведение завораживало.

Внезапно повеяло теплом: рядом со мной возникла волчица — явно не из нашей стаи, хотя ее запах показался мне знакомым. Удивительно, как она подошла, не поприветствовав Риссу и не обнюхавшись с остальными взрослыми... Молодая, как Иллин, волчица с тоской смотрела на людей. Не хотелось ее отвлекать, но она выглядела такой печальной, что я не удержалась и ткнула ее носом.

Странная волчица обернулась, и я, увидев белый полумесяц на груди, ее узнала: та самая волчица с Великой Равнины! Значит, я не выдумала ее от изнеможения и отчаяния, она настоящая! И даже вполне обычная: невысокая, светло-бурая, худощавая... Вот чей запах привел меня тогда к стае, вот кто спас нас с Аззуеном! Я вдруг поняла, что едкий отголосок в ее запахе — тот же, что исходил от человеческого лагеря: запах обожженного огнем мяса. Странная волчица пахла людьми!

— Ты подросла, малышка Мелкие Зубки, — сказала она, касаясь носом полумесяца у меня на груди. — Ты уже не щенок. Как поживает стая Быстрой Реки?

Человеческий запах волчицы не давал мне покоя.

— Ты из стаи людей?

— Не совсем. — Она с тоской посмотрела на поляну и перевела взгляд на Риссу и щенков. Я не понимала, почему остальные не подходят к ней ни с приветствиями, ни с угрозами.

— Тогда из какой ты стаи?

— Я из волков Быстрой Реки, кроха, откуда ж еще? У нас с тобой одна стая.

Совсем ничего не понятно. Говорили, что кто-то из прошлогодних щенков, братья и сестры Иллин и Минна, ушли искать себе пару и должны вернуться к зиме. Такие не стали бы тянуть с приветствием и сразу подошли бы к Риссе... Я не полезла с вопросами: если окажется, что волчицу изгнали, вряд ли она захочет рассказывать подробности. Но тогда почему Рисса ее подпустила?.. Я так озадаченно разглядывала волчицу, что она засмеялась:

— Тебе велели смотреть на людей, а не на меня, кроха! Из всех волков Широкой Долины тебе нужно знать о них больше всех.

— Почему?

— Ты, Дочь Луны, должна завершить начатый мной путь.

Звучный дальний вой заставил нас вздрогнуть, волчица наострила уши.

— Мне пора. Позаботься о моей стае. — Она вновь посмотрела на людей. — Обо всех, кто в моей стае.

Еще раз тронув носом полумесяц у меня на груди, она скрылась в лесу. Тут же повеяло холодом, я поежилась.

Полумесяц на груди еще пульсировал теплом от прикосновения, не давали покоя слова про заботу о стае — я поднялась и хотела было бежать вслед волчице, чтобы спросить. И тут меня внезапно потянуло к человеческому лагерю, безумно и неудержимо. Не в силах сопротивляться, я шагнула вниз по склону холма.

— Ляг сейчас же! — прорычала Веррна.

Лапы у меня подрагивали, голова кружилась; грудь налилась жаром и пылала, как огонь в человеческом лагере, — будто кто-то обвинил сердце прочной лозой и теперь тянул меня к людям. Поляна вдруг увиделась ясно и четко, людские слова из нелепой мешанины звуков превратились в осмысленную речь, такую же, как волчья. Мне захотелось, чтобы меня тоже обвинили человечесьи руки — как того ребенка, что прижимался к матери; захотелось почувствовать вкус обожженного мяса и тепло огня, согревающего шкуру. Внутренний зов, слышимый издавна, усилился вдесятеро, я не могла ему противостоять.

Я сделала еще шаг, потом еще и уже двинулась вниз по склону, как вдруг Веррна, прыгнув, грудью сбила меня с ног и вмяла в землю. Я громко заскулила.

— Тихо, бестолочь! — прошипела волчица. — Хочешь, чтобы весь лес знал, что мы тут?

И все же я пыталась выбраться туда, к людям, и била лапами под тяжестью массивного тела Веррны. Боль в груди — ослабшая было, когда я двинулась к поляне, — вновь росла, желание быть с людьми пересилило страх, я отбивалась как могла. В конце концов Веррна ударила меня в плечо, и наваждение, оставленное человеческим запахом, отступило. Я вспомнила, что я волчица и принадлежу стае Быстрой Реки, и позволила Веррне втащить меня обратно на вершину холма, где ждала разгневанная Рисса. Аззуен и Марра смотрели на меня широко раскрытыми глазами, и даже Уннан с Борллой были слишком удивлены, чтобы произнести хоть слово.

— О чем, во имя Луны, ты думаешь? — обрушилась на меня Рисса. — Как ты смеешь приближаться к людям после всего, что тебе говорили?

Я не нашлась с ответом. Не рассказывать же ей о волчице, которая то ли настоящая, то ли нет: Рисса сочтет меня помешанной или, чего доброго, решит, что из-за тяги к людям меня надо изгнать из стаи. От одной мысли о людях вновь закружилась голова.

— Отвечай! Иначе пойдешь через реку и равнину в одиночку, сейчас же! — Никто из щенков еще не доводил Риссу до такой ярости. — Как ты смела меня послушаться?

— Прости, пожалуйста, — прошептала я. — Меня потянуло к людям.

Веррна с Риссой обменялись беспокойным взглядом, Борлла что-то пробормотала про полукровок. Аззуен сокрушенно смотрел на меня, явно хотел подойти и не осмеливался. Я была благодарна ему за заботу, но его унылое сострадание меня раздражало. На Иллин я даже не взглянула, боясь увидеть в ее глазах разочарование.

— Что ты говоришь? — не отступала Рисса. — Как потянуло?

— Будто огнем обожгло, — прошептала я, — и показалось, что если не пойти к людям, то жжение не остановится. Прости.

О странной волчице я говорить не стала. Не смогла.

— Кровь — она и есть кровь, — смерила меня взглядом Веррна. — Всего четыре луны от роду, а уже сказывается.

— Ты слишком строга, Веррна, — укорила ее Рисса. — Малышка просто излишне впечатлительна. Щенки, пытающиеся подойти к людям при первой встрече, не редкость, это ничего не значит.

Однако она озабоченно потрогала носом белый полумесяц у меня на груди.

— Ничего не значит — пока, — стояла на своем Веррна. — Ты скажешь Рууко?

— Нет. — Рисса, подняв голову, твердо встретила взгляд Веррны. — И ты тоже. Веррна замерла на мгновение, затем опустила уши.

— Будь по-твоему...

Борлла важно подошла к Риссе.

— Меня, может, тоже к ним тянуло, но я ведь не пошла! — процедила она презрительно.

Уннан согласно кивнул:

— Никто не двинулся с места, только Каала.

— Замолчите! — приказала Рисса. — И больше не вспоминайте. Слышите? Каала, будешь ждать у подножия холма. А мы попробуем вернуть хоть что-то из того, что люди у нас стащили.

— Рууко не одобрит, — покачала головой Веррна.

— Не все в стае решает Рууко, — отрезала Рисса. — Запрещено биться с людьми, когда они отбирают нашу добычу, зато можно утаскивать то, что они оставляют без присмотра на краю лагеря. Можешь остаться здесь со щенками, — добавила Рисса, окинув Веррну небрежным взглядом.

Веррна собралась было возразить, но что-то в лице Риссы ее остановило.

— Хорошо, — послушно согласилась она. — Щенки, а ну шевелите лапами!

Волчица отогнала Аззуена и Реела в сторону, я медлила.

— Ступай, — скомандовала мне Рисса. — Ты собой не владеешь, тебе туда нельзя.

Если уж Веррна решила не спорить с Риссой, то мне и подавно не стоило. Пытаясь не замечать жгучую боль в груди, я повернулась прочь от волков моей стаи — и от людей, к которым меня так влекло.

Глава 7

Измученная болью, я плелась к подножию холма. При виде половинки луны захотелось повыть от горя, но ведь Рисса и без того отчитала меня за несдержанность... Я уныло брела, чувствуя каждый комок земли подушечками лап, и тихонько про себя поскуливала. Вдруг позади раздался мягкий звук шагов.

— Я с тобой, — серьезно заявил Аззуен.

Вдвоем с Аззуеном мы дошли до подножия холма и сели, луна светила нам сквозь ветви деревьев.

— А если Веррна увидит, что тебя нет?

— Ей не до того, — усмехнулся Аззуен. — Злитесь, что ее оставили со щенками, и не следит, кто на сколько шагов отошел. Хорошо быть мелким волчонком: взрослым до тебя нет дела, тебе все равно не дожить до весны...

— Неправда! — воскликнула я. Неужели его так мало заботит собственное будущее и место в стае? — Тебя же не бросили, когда ты переплывал реку!

— Да, взрослые следят, чтоб мы не погибли, но все равно думают, что нам с Реелом не пережить зиму.

— Уж ты-то переживешь, я позабочусь! — выпалила я и испугалась: вдруг он подумает, что я считаю его слабым?

Аззуен помолчал, обдумывая мои слова, однако заговорил о другом:

— А почему ты пошла к людям? После всего, что Рисса с Тревеггом рассказали нам о заповеди... Нас тоже к ним тянуло, ну и что? Тебя ведь могли вышвырнуть из стаи! Или еще хуже... — Он не пытался обвинять или поучать, просто любопытствовал.

— Вначале меня тянуло не больше, чем других. А потом вдруг раз — и я не могла остановиться. Как Индру, про которого говорила Рисса. Понимаешь, не могла! Это плохо, да ничего не поделаешь. Не будь я уверена, что Рисса с Веррной меня удержат, — пошла бы даже сейчас.

Аззуен поглядел на меня. Я заметила, что мордочка его за последнее время

округлилась. Хоть он и считает себя мелким волчонком, он все же взрослеет и становится сильнее.

— В следующий раз, когда тебя потянет к людям, скажи мне. Я на тебя сяду и прижму к земле.

Я засмеялась, боль в груди немного ослабла.

Внезапно я чуть не выскочила из шкуры от испуга — над головой зашуршали крылья и прямо передо мной приземлился Тлиттоо.

— Глупее волчонка я не видал, — заявил он мне, принимаясь чистить перья. — Если тебя вышибут из стаи, щеночек, верховные волки тебе ничем не помогут, так что учись себя сдерживать. У меня тоже при появлении людей жжется метка на крыле, и ничего — научился не замечать. Мало ли что ты чувствуешь, не обращать же внимание на все подряд. — Он вытащил из крыла травинку и швырнул в меня.

— А почему ты здесь, да еще ночью? — буркнула я. Вороны обычно не любят темноты. — Чего тебе не сидится с семьей?

— Я уже вырос, чтоб летать, где хочу и когда хочу, не то что малютки-щеночки. Должен же кто-то присматривать, чтобы ты не скулила по ночам. — Тлиттоо уставился на меня в темноте, часто мигая. — А то вдруг верховолки рассердятся.

Повадились мне сегодня выговаривать за поведение...

— Если верховным волкам есть до меня дело, то где они сами? — огрызнулась я. Вот уж кого бы увидеть! Спросить, кто мой отец, и правда ли во мне кровь чужака, и какая во мне угроза стае, и вообще что я за существо...

Тлиттоо издал низкий клекот и встопорщил перья на ногах.

— Верховолки приходят, когда хотят, щеночек! У них есть дела поважнее, чем успокаивать глупых обиженных волчат.

— Думай, что говоришь, вороненок! — Аззуен встал рядом со мной. Вступился!..

Тлиттоо склонил голову набок.

— Друзья — это хорошо. Особенно если их не терять. В одиночестве тебе лучше не оставаться.

— У тебя все? — раздраженно бросила я. Надоели его загадочные намеки на верховных волков.

— Послушай! — Внезапная серьезность Тлиттоо меня ошеломила, Аззуен прижался ко мне — на этот раз не успокоиться, а успокоить. — Нельзя, чтоб тебя выгнали из стаи, пока ты не можешь себя прокормить. Не показывай, что чем-то отличаешься. Не выделяйся. Сумеешь? Подумай.

Я смотрела на вороненка, прижавшись к Аззуену, и не знала, что отвечать. Голос Тлиттоо чуть смягчился.

— Ты ведь знала, что не похожа на других. Думаешь, почему верховолки сохранили тебе жизнь? — Он бережно провел клювом по моей макушке, тихонько заурчав. — Мне тоже не нравится таинственность злоковолков, но ведь я из-за этого не рву себе перья на голове! Тебе сейчас хватает и других забот.

Его неожиданная доброта меня удивила, я раскрыла было пасть, чтобы поблагодарить, — как вдруг он развернулся и щелкнул меня по носу хвостом.

С хмурым волчонком
Ворон умрет от тоски!
Хвостом ему в нос!

Он встопорщил крылья, словно собрался напасть, и тут Аззуен вдруг прыгнул.

Тлиттоо отскочил в сторону.

— Ха! — довольно каркнул он. — Здорово, когда щенок не похож на унылую гусеницу!

Вороненок замолчал и свесил голову набок, словно к чему-то прислушиваясь. Аззуен,

едва сдерживая смех, переводил взгляд с него на меня.

— Таких странных воронов я не встречал! Что он делает здесь среди ночи? — Аззуен склонился ко мне и шепнул: — По-моему, Каала, ему нельзя доверять.

Признательность к волчонку затопила меня теплой волной. Выражением мордочки он вновь напомнил мне маленького старичка — суждено ли проявиться его задаткам, суждено ли ему вырасти? Аззуен и Реел — слабейшие щенки в стае, и если оба выживут, кому-то из них придется вечно быть низкохвостом. Если я хоть на что-то способна — я не позволю, чтобы им стал Аззуен.

Вопросы Тлиттоо, правда, оставались более насущными. Я сузила глаза и посмотрела на него.

— Слушай... — начала я.

— Вам пора спешить, щеночки! — внезапно каркнул Тлиттоо и на мгновение задержал на мне взгляд. — Не торчите тут, как больной клюв!

С клопочущим хохотом Тлиттоо исчез в темноте, и в тот же миг я услышала позади треск кустов — с холма спускались наши; со стороны человеческого лагеря вслед им неслись громкие вопли. Иллин, пробегая, глянула на меня блестящими от возбуждения глазами, из ее пасти торчал огромный кусок мяса — мяса, обожженного огнем!

— Такое мясо на обочине не найдешь, — пробормотал Аззуен.

— Они заходили в лагерь, к самим людям! — Меня охватила зависть: задали мне трепку только за то, что я шагнула в сторону лагеря, асами в него вошли! От запаха обожженного мяса рот наполнился слюной, однако времени на трапезу явно не было.

— Бежим! — с ухмылкой, смягчавшей резкость команды, прорычала Рисса сквозь зажатый в зубах ломоть мяса. Уже не заботясь, слышно нас или нет, мы устремились к деревьям — и дальше через лес к своей территории; я могла поклясться, что в ясной прохладной ночи рядом со мной и Аззуеном летела тень молодой волчицы.

Люди нас не преследовали. Ни их медленный неровный бег, ни их слух и обоняние не сравнить с нашими — оторвавшись от них так, чтобы их летающие палки не могли нас достать, мы больше не волновались. И все же продолжали бежать. В лесу пахло волками Скалистой Вершины, позади нас слышались гневные людские крики. Я не могла не посмеяться над погоней: мы летели как ветер.

Марра, Борлла и Уннан, гордо вздернув хвостики, сжимали в зубах куски утащенной еды; я бежала рядом без всякой ноши, будто я такая же слабая, как недоростки Реел и Аззуен. Уннан выпустил из пасти мелкий кусочек мяса — я проглотила его на ходу, не замедлив шага, и ухмыльнулась Марре, которая за мной наблюдала. Она закатила глаза и устремилась вперед еще быстрее, стараясь поравняться с Риссой.

— Задавака! — рассмеялась я, чуть задыхаясь от усилия. Наконец мы перешли на более легкий бег и теперь двигались друг за другом в льющемся лунном свете. Ближе к нашей территории запах Скалистых волков сделался слабее, бежать стало спокойнее. По хриплому дыханию Аззуена и Реела было слышно, что они не прочь замедлить шаг.

Я думала, Рисса вновь поведет нас туда, где мы переплывали реку, но она свернула на широкую тропинку, протоптанную оленями к водопою, а потом еще час вела нас по берегу, намного выше прежнего места. Я не понимала, зачем обходить так далеко. Если пересечь реку здесь, то на той стороне нужно будет долго возвращаться к равнине Высокой Травы... Однако при виде ольхи, поваленной поперек течения, все стало ясно, и я с удивлением следила, как Рисса переходит через реку по стволу. Веррна помогла перебраться Реелу, за ними двинулись Уннан и Борлла.

— Зачем было заставлять нас плыть, если здесь переправа? — спросила я Марру.

Вместо нее ответила Иллин, стоявшая рядом и следившая за тем, чтобы Аззуен благополучно добрался до берега:

— Волк, которому предстоит охотиться, должен уметь плавать. К тому же до Ольховой Переправы далеко: на переход надо тратить силы. Рисса явно не рассчитывала, что волчатам будет трудно переплыть, хотя им все равно ничего не грозило: мы с Веррной успели бы

подхватить любого. Но сейчас нельзя одновременно тащить мясо и следить за щенками. И без того в последний раз, добираясь вплавь, Минн упустил по течению целый окорок. Так что на обратном пути от людского лагеря мы теперь ходим через Ольховую Переправу.

— Волки так часто воруют добычу у людей? — изумленно спросила Марра.

Иллин усмехнулась:

— Настолько часто, чтоб знать пути через реку и уметь переправиться в любой миг. Нам пора.

Она взяла в зубы свой кусок мяса и легко перебежала по дереву на другой берег, где уже ждали остальные. Я все равно ничего не понимала.

— Аззуен с Реелом могли утонуть! — обернулась я к Марре. После всего, что Рисса говорила про заботу о щенках, подвергать нас такой опасности... Я помотала головой и взглянула вслед Иллин.

— Нас опять проверяли, — предположила Марра, проследив за моим взглядом; у ее ног лежало вкусно пахнущее оленье ребро. Я подняла голову, чтобы вобрать в себя расплывчатый свет солнца: небо уже озарялось первыми рассветными лучами. — Никто не хотел гибели Реела или Аззуена, взрослые лишь проверяли, кто из нас сильнее. И кто утащит лучший кусок. Ты бы видела Иллин: она выждала, пока люди отвернутся, подскочила к костру и украла мясо прямо с огня! Потому нам и пришлось удирать что есть сил. Рисса ей, конечно, попеняла для виду, но явно была довольна.

«Довольна, когда Иллин ворует ценный кус мяса, — подумала я, — и когда Борлла помогает Реелу перебраться через реку. А мне грозит наказание: как же, ведь меня тянет к людям слишком сильно...» Я вздохнула, переведя взгляд на Борллу и вдруг увидела, что мясо у нее в зубах тоже обожжено огнем!

— А Борлла что, заходила в людской лагерь? — возмущенно выпалила я.

— Куда там! — Марра вытянула длинную гибкую спину. — Иллин обронила лишний кусок, Борлла в него и вцепилась. Теперь делает вид, будто утащить жженое мясо без нее не додумались бы.

— Чего ждете, лентяи? — донесся до нас голос Риссы. Я поспешила вслед за Маррой — она, подхватив оленье ребро, уже двинулась к остальным.

Рисса, остановившись сразу за переправой, окинула взглядом добычу.

— Можете немного поесть, волки Быстрой Реки, — разрешила она, обнюхав мясо и отложив куски для Рууко и стаи. — Вы заслужили.

Рот у меня наполнился слюной. Я заметила, что все обожженное мясо она оставила нам.

— Рууко все равно его не ест, — пояснила она явно недовольной Веррне. — Говорит, что еда с огня — не еда.

Все рванулись к мясу, меня же грубо оттолкнула Веррна.

— Обойдешься! Тебя и так слишком тянет к людям.

Я возмущенно взвыла и попыталась прорваться к остальным, но Рисса с Иллин оттеснили и меня, и Реела с Аззуеном. Те, поджав хвосты, подчинились, а я лишь больше обозлилась: разве я недоросток, как они? Почему меня не пускают? Я шагнула к мясу и, встретив яростно-неприязненный взгляд Веррны, едва не зарычала на нее — как вдруг вспомнила слова Тлиттоо: мне нельзя выделяться!.. Пришлось подавить злость и послушно наблюдать, как остальные пожирают пахнущее огнем мясо. Наконец, когда остался последний кусок, Рисса велела двигаться дальше.

И тут же застыла на месте; шерсть ее вздыбилась, раздался низкий горловой рык. Положив на землю мясо, волчица прочно расставила лапы; Веррна, уже замкнувшая нашу вереницу, вновь метнулась вперед и встала рядом с Риссой.

— Стая Скалистой Вершины! — прорычала она. — По нашу сторону реки!

Два крупных волка, самец и самка, выступили из леса на тропу. Я не могла отвести взгляд от самца: его морда казалась одним сплошным шрамом — куда там шрамам Веррны! Левая сторона пасти наполовину отодрана, над левым глазом болтается лоскут кожи...

Пахло от него чем-то прокислым и гниlostным, похожим на болезнь; с таким запахом впору падать от слабости, а он выглядел мощным и властным — явный вожак. Оба волка были крупнее и мускулистее самого Рууко, наших трех волчиц они явно не боялись.

— Торелл, Сеела, — кивнула им Рисса, не двинувшись с места и даже не шевельнув хвостом. Веррна и Иллин — держа хвост чуть ниже, чем у Риссы, но так же неподвижно — встали к ней вплотную. Хотя голос Риссы звучал мягко, едва сдерживаемая ярость сгушалась вокруг нее, как туман. — Вы уже не впервые нарушаете границы Быстрой Реки.

— Рисса, Веррна. — Самец, названный Тореллом, едва кивнул им головой; ни Иллин, ни мы не удостоились и взглядом. — Не спешите с обвинениями. Нынче ночью вы были на нашей территории.

— На общей территории, Торелл. Проход к людскому лагерю открыт для всех; нам нужно было показать щенкам, что такое люди. Волки всех стай считают это законным.

— Только не я. — Голос Торелла звучал так же мягко, как у Риссы. — Решение принимали без моего согласия. На этот раз я смирюсь, хотя вы не только побывали на моей территории, но и взяли с нее добычу.

— Тебе ничего другого не остается, — фыркнула Веррна. — Нас больше.

Торелл и ухом не повел.

— С вами щенки нынешнего года?

— Все из доживших до первой луны, — гордо бросила Рисса.

— А сколько уцелело из твоих? — осведомилась Иллин, поднимая хвост чуть выше. — Я помню, в прошлом году выжили только двое, и оба ушли из Долины.

— Замолчи, — приказала Рисса.

Сеела, изжелта-бурая волчица ростом почти с Торелла, скривилась.

— Может, хоть нынешних щенков выучишь быть повежливее? Впрочем, кому-то из них явно не пережить зиму. — Она смерила взглядом Аззуена и Реела.

— Не твоя забота, — отозвалась Рисса. — Волчата, это Сеела и Торелл, вожаки стаи Скалистой Вершины. Можете их не приветствовать.

— Как будто кто-то собирался, — пробормотал себе под нос Аззуен.

— Ступайте прочь с земель Быстрой Реки. — Рисса чуть посторонилась. — Мы пропустим вас без боя.

— На этот раз мы уйдем, но запомни, Рисса: наша территория под угрозой. Люди забирают добычу. Мы не собираемся гибнуть только потому, что людей угораздило поселиться на нашей стороне. — Сеела обвела нас глазами. — Земли Быстрой Реки самые богатые в Долине. Добычи здесь хватит и для нас.

Рисса вновь зарычала, к ней присоединились Веррна и Иллин — так, что земля задрожала под нашими лапами.

— Ступайте прочь! — рявкнула Веррна.

Торелл глянул в глаза Сееле, едва заметно кивнул и двинулся вперед. Сходить с узкой тропинки им было опасно: если мы нападём, по зарослям они так просто не уйдут, — поэтому Скалистые протискивались вплотную к нам.

Торелл, проходя, оценивающе оглядывал всех щенков. Увидев меня, он остановился.

— Как так? — прошипел он. — Знак проклятия и запах чужака?

— Отойди, — бросила мне Иллин, становясь рядом. Но я будто присохла к земле.

— Сказано тебе — дела Быстрой Реки тебя не касаются, — огрызнулась Рисса.

— Не заставляйте нас повторять, — рявкнула Веррна. — Сами уйдете или проводить?

Торелл сощурил глаза.

— Мы уйдем. — Он задержал на мне взгляд, и лишь когда Веррна с Риссой двинулись вперед, Скалистые волки ступили на ольховое бревно. Легко перебежав на свой берег, они оглянулись на нас через реку.

— Вперед, щенки, — велела Рисса. — Сегодня они больше к нам не сунутся.

Она подхватила свой кусок жженого мяса, ее вздыбленная шерсть наконец улеглась. Мы двинулись домой, уже более быстрым шагом. Я не могла успокоиться: взгляд Торелла и

ненависть в его голосе довели меня до озноба. Многовато впечатлений для одной ночи... Однако я больше волновалась, как бы кто-нибудь не доложил Рууко о моей вылазке к людям, поэтому решила пока выбросить из головы и Торелла, и Скалистых волков.

Глава 8

Усталые после ночных приключений, к полю Высокой Травы мы добрались, когда солнце уже встало над восточными горами. Остальные ждали нас на поляне у кромки леса, лениво грызя остатки кобылей туши. Рисса не замедлила рассказать Рууко о столкновении с волками Скалистой Вершины; внимательно выслушав, вожак лизнул волчицу в морду и что-то тихо проговорил — известие, судя по всему, его не сильно озаботило: такие стычки были обыденны, как дождь, а нынешняя даже не переросла в схватку. Лишнему мясу Рууко обрадовался, и если налет на человеческий лагерь он не одобрил, то по крайней мере не ворчал. И старался не замечать запаха обожженного мяса, исходившего от Иллин и других, кому повезло его попробовать. Последний кусок жареного мяса Рисса отдала Тревеггу — тот пробормотал благодарность и сожрал кус в один присест.

По счастью, Рисса не сказала Рууко о моей попытке двинуться к людям и даже запретила остальным об этом упоминать. Однако каждый раз, когда Борлла или Уннан оказывались рядом с Рууко, у меня подводило брюхо от страха: если вожак считал моего отца чужаком и искал причин от меня избавиться, то моя тяга к людям даст ему нужный повод. Правда, никто пока не обмолвился ни словом.

Рисса рассказала вожаку, что Борлла помогла Реелу перебраться через реку и отличилась при добывании мяса.

— Молодец, волчица, — одобрительно отозвался Рууко. — Ты еще принесешь пользу стае Быстрой Реки!

Впервые он назвал кого-то из нас не щенком или волчонком, зависящим от заботы взрослых, а самостоятельным членом стаи — Борлла чуть из шкуры не выпрыгнула от гордости. Рууко похвалил и Уннана, и даже Марру — за нее-то я была рада, но не могла не позавидовать. Больше всех похвал досталось, конечно, Борлле — и за то, что стащила мясо, и за помощь на переправе. Иллин, Тревегг и даже хмурая Веррна превознесли ее чуть не до небес.

Борлла, поймав мой взгляд, вдруг подскочила ко мне,дохнула в морду отчетливым, желанным запахом жареного мяса — и тут же отвернулась, победно задрав хвост. Я предпочла отойти в сторону, хотя во мне клочкотала ярость.

Внезапно захлопали крылья, послышался раздраженный вопль Борллы. Я обернулась: отчаянно визжа, она изо всех сил пыталась достать летающего над ней Тлиттоо, а на ее макушке красовалась огромная клякса белого птичьего помета, стекающего на морду и глаза. Вороненок то и дело пикировал на Борллу и тут же отскакивал с хохочущим карканьем, не давая ей в лапы.

Щеночку идет!
С белым мехом красивей!
Ворон старался!

Иллин покатила со смеху, тут же прыснул Минн, вскоре хохотала вся стая.

— Тебе не хватает проворства, Борлла! — заявила Рисса, пытаясь прочихаться: от смеха она ткнулась носом в пыль. Тревегг хохотал так, что упал на спину и теперь сучил лапами в воздухе; Рууко, не удержавшись, прыгнул на него, оба покатались по поляне.

Иллин опрокинула Борллу на спину, а когда та зарычала, Иллин только пуще расхохоталась.

— Будешь знать, как гордиться, щенок! — фыркнула она, отпуская Борллу, и в тот же миг обе бросились в стороны — свежая струя помета ударила туда, где они только что

стояли.

Морду Борллы перекосило от ярости, но нападать на Риссу или других взрослых ей было не по зубам. Тлиттоо, явно исчерпав боевые запасы, улетел к ближайшей скале, а Борлла потащилась к деревьям, прижав уши и ссутулившись.

Отсмеявшись, я с легким сердцем ушла помогать другим прятать добычу рядом с кусками кобылей туши. Зажав в зубах маленький ломтик конины, я подумала, что уж коль мне не досталось жареного мяса, то пусть хоть такой клочок его заменит. Однако шлепок Веррны тут же отбросил меня в сторону.

— Еда не для тебя, щенок, ты ее не заслужила.

Я взвыла, но Рисса в ответ на мой зов только отвернулась. Теперь настал мой черед отползти в сторону, тихонько подвывая про себя.

Рууко уже разрешил стае отдыхать до вечерней прохлады, и пока взрослые устраивались в тени, Рисса подняла голову.

— Щенки, если не хотите спать — можете побродить по округе, только не отходите далеко.

Я двинулась прочь от остальных, раздумывая о своем ненадежном месте в стае. Мои заслуги никак не беднее, чем у Борллы или Уннана, — ведь я притащила на поляну не меньше конины, чем остальные, и переплыла реку не хуже других. Правда, не сдержала порыва двинуться к людям...

Я не заметила, как дошла до равнины Высокой Травы. За мной трусил Аззуен. У кромки леса появилась Борлла, успевшая счистить с головы почти весь помет, — теперь, опасаясь выходить на равнину, она усиленно обнюхивала воздух и оглядывалась в поисках Тлиттоо. Вслед за ней осторожно вылезли Уннан и Реел. Марра уткнулась мордой в колючий ягодный куст и принялась жевать глянцевиные листья; я, учуяв пустую сусличью нору, раскидывала лапой рыхлую землю в надежде откопать что-нибудь интересное. Вдруг донесся голос Борллы, преувеличенно громкий.

— Им не хватит сил охотиться, когда придет срок! — отчеканила она Уннани. Рууко, разбуженный ее криком, поднял голову.

Я разозлилась: она явно пытается настроить Рууко против нас, объявить нас никудышными охотниками!

— Могла бы выставяться не так откровенно, — проворчал Аззуен.

— Реку-то едва переплыли! — продолжала Борлла. — Куда им на охоту!

Ей, между прочим, положено поддерживать слабых, а не унижать их надуманными придирками. Даже Реел при ее словах поморщился.

Рууко окинул долгим взглядом Борллу и нас с Аззуеном — и вновь растянулся на траве, закрыв глаза.

Выступление Борллы, впрочем, натолкнуло меня на мысль. Неподалеку паслись кони — ветер доносил сюда их запах. Я двинулась вперед, определяя направление, и вскоре увидела мощные силуэты лошадей, поедающих сухую траву на равнине.

— Еще посмотрим, кто из нас охотник! — пробормотала я себе под нос.

— Что ты задумала? — встревожился Аззуен.

Сев на землю, я разглядывала коней. Не пройдет и нескольких лун, как нам придется выходить на охоту вместе со стаей. Если я буду первой из щенков, кто нападет на живую дичь, все претензии Борллы обратятся в ничто. И тогда никто не вспомнит про моего отца, будь он даже чужак. А если мне повезет взять добычу!.. Сердце учащенно забилося, я глянула через плечо на Аззуена и направилась к табуну, то и дело замирая. Аззуен неохотно пошел за мной. Марра поглядела на нас и, оторвавшись от ягодного куста, двинулась следом.

— Нам не разрешают отходить далеко... — неуверенно протянула она, косясь в сторону коней. Не то чтобы ее это сильно заботило — так она давала понять, что считает меня безрассудной.

— Знаю, — бросила я. — Просто хочу посмотреть поближе. А ты разве нет?

— Конечно, хочу, — улыбнулась она. — Только меня тянет к опасностям куда меньше

твоего.

Я фыркнула. Уж Марра-то всегда была азартнее... Я сделала еще несколько шагов и перешла на быструю рысь, Аззуен с Маррой не отставали.

На полпути к табуну я услышала сзади шум: Борлла, Уннан и Реел неслись нам вслед. Мы трое, готовые к драке, развернулись, но трое щенков проскочили мимо и устремились вперед — явно собираясь напасть на лошадей раньше нас и приписать себе заслуги. Опять Рууко с Риссой будут нахваливать Борллу, не замечая меня...

Намерившись не дать Борлле и Уннану добежать до коней первыми, я пустилась за ними. Легко обогнав Реела, я догнала Уннана и Борллу, которые остановились в добрых десяти прыжках от табуна. Марра держалась рядом, Аззуен изо всех сил старался не отставать, хоть и задыхался от усилий.

Я склонилась к грязно-белому уху Борллы:

— Не задирай нос, ты ведь боишься подойти. И боишься охотиться. Кони — не обреченное мясо, их с земли не подхватишь!

Борлла, не ответив, смерила меня взглядом, затем посмотрела на табун и повела носом вверх и вбок. Аззуен за моей спиной хихикнул. Борлла шагнула было к лошадям — и тут же остановилась, когда Реел заскулил и прижался к ней плечом, просительно глядя на нее и что-то шепча. Взгляд Борллы смягчился, она легко коснулась его носом. При виде их тесной дружбы меня в который раз кольнула ревность.

— Ясно, — бросила я. Мне бы на этом остановиться, но я хотела доказать Уннану и Борлле — а больше всего жожаку, — что я полноценный член стаи. Холода не за горами, и прежде чем наша шерсть превратится в зимнюю, нам всяко придется выяснить, где чье место в семье. — Пойдем, — кивнула я Аззуену и Марре.

Едва держась на трясущихся лапах, я шагнула к коням. Вблизи они казались огромнее и уж точно намного опаснее, чем дохлая кобыла, убитая медведицей. Они пахли добычей — потом и теплой плотью, от их дыхания исходил запах жеваной травы и земли. Я обернулась: Аззуен с Маррой беспокойно смотрели мне вслед. Мне было страшно, я взглянула на них просительно — и они пошли за мной, не хуже других понимая, что нынешняя вылазка может надолго, если не навсегда, определить наше положение среди волков.

Борлла и Уннан, как я и ожидала, тоже двинулись к табуну, не теряя надежды первыми захватить добычу. Реел, чуть помедлив, последовал за ними. Мне стало его жаль: сам по себе он вполне достойный волчонок, не то что задиры Уннан и Борлла. Однако раздумывать времени не оставалось: Борлла с Уннаном уже нагоняли меня, и я перешла на бег, чтобы успеть к табуну раньше.

И тут мы оказались в толпе сильных животных, в запахе их тел и отдающего травой помета, посреди их неожиданно теплого дыхания, участвовавшего с нашим появлением. Где-то вдаль глухо рывкнул Рууко, но мне было не до его речей — я носилась между конскими ногами, чувствуя разгорающийся охотничий азарт.

— Они добыча, просто тупая добыча! — упоенная новыми ощущениями, крикнула я Аззуену. — Не пристало волкам их бояться!

Я рассмеялась, сердце застучало сильнее, возбуждение погнало кровь по жилам; ноздри расширились, вбирая каждую частицу запахов, уши ловили малейший звук. Так вот что такое охота! Ни ловля мышей, ни беготня за кроликами не отзывались прежде таким восторгом! Одуревшие кони застыли на месте как каменные — добыча, неуклюжая и тупая добыча, готовая принять смерть от умнейших на свете охотников — волков!

Я вспомнила, что надо выбирать самых слабых и неповоротливых, — но не могла сосредоточиться, все затмевали звук и запах добычи. Голова кружилась, в брюхе что-то подпрыгивало, я едва дышала — что за безумие охватило и меня, и остальных? Мы неистово носились друг за другом под конскими ногами, меня захлестывал азарт — словно я веду охоту и вот-вот вгрызусь зубами в податливое конское брюхо.

Внезапно поведение табуна изменилось. Ближайший к Реелу конь, опустив голову, дохнул на него с громким фырканием, топнул копытами и взвился на задние ноги. Лошадь

рядом с ним гневно заржала и чуть не схватила зубами Марру, которая с испуганным визгом отскочила в сторону. Кони вокруг нас, один за другим, взвизывали стоймя и с размаху топали копытами оземь, целясь нам в головы. Оглянувшись вокруг, я попыталась найти проход, но со всех сторон мелькали грозные копыта, мне оставалось лишь в страхе прижаться к земле. Я никогда прежде не видела, чтобы животные носились так быстро.

— Бегите! — крикнул Тревегг. — Бегите, затопчут! Сквозь плотную толпу лошадей я разглядела волков, несущихся к нам на помощь. Голос Тревегга рассеял мою панику, я сумела встать на едва держащие меня лапы и тут же наклонилась к Аззуену, от страха приникшему к траве.

— Вставай! — крикнула я. — Уходи из-под ног!

От Аззуена пахло страхом и смятением, вокруг нас били по земле копыта и клубилась пыль. Первая волна ужаса схлынула, все мои чувства обострились, я попыталась забыть о страхе.

— Уворачивайтесь от копыт! Взрослые уже здесь! — прокричала я. — Не стойте на месте!

В памяти всплыл давний урок Риссы: «Если добыча больше вас ростом, не пытайтесь ее свалить, только упадете сами. Думайте головой, иначе не быть вам настоящими охотниками. Бегайте вокруг, налетайте и отскакивайте. Берите умом, а не силой».

Застывшая на месте Борлла не сводила глаз с лошади, пытаясь отгородить собой Реела, — порыв отважный, но глупый! Добраться до них я уже не успевала... Марра металась из стороны в сторону, изгибаясь между конями, Аззуен замер рядом со мной, со страхом глядя на табун. Уннан прижался к земле в прыжке от нас. Я отбросила Аззуена в сторону от целящихся в него копыт, он опять застыл, и мне пришлось оттолкнуть его снова. Взрослые уже добежали до табуна, громким рыком пытаясь напугать коней. Веррна кинулась на лошадь, нависшую над Уннаном, и та потеряла равновесие — даже в панике я подивилась волчьей храбрости. Рууко и Рисса уже собирали волков вокруг нас, чтобы отгородить щенков от коней. Задышающаяся Марра нырнула в круг и, попав в относительную безопасность, теперь со страхом оглядывала коней. В очередной раз увернувшись от копыт, я оказалась рядом с вжавшимся в землю Уннаном и толкнула его к взрослым, где его сгребла Иллин и бросила внутрь круга. Подхватив Аззуена за загривок, я отшвырнула его к волкам, и тут надо мной качнулась конская голова, чуть не отбросив меня на спину. Я увернулась, прыгнула, вновь увернулась. Борлла тоже стояла за пределами волчьего круга, все еще рыча на коней, что толпились над сжавшимся скулящим Реелом.

— Не стой! — снова крикнула я. — Отпрыгивай!

Глянув на меня, она перевела глаза на огромную лошадь. Я прыгнула, оттолкнула Борллу прочь и перекатилась по земле, уходя от огромного копыта, целившего мне в голову. Сквозь облако пыли донесся волчий вой — дикий вопль ужаса и боли.

И тут конское безумие схлынуло так же быстро, как началось. Пока Иллин с Веррной отгоняли коней на другой конец поля, Рисса перебегала от щенка к щенку, чтобы убедиться, что мы невредимы. Я вжалась в землю, замерев, когда Рисса склонилась надо мной и лизнула в темя, и тут же с восторгом кинулась к ней, чтобы лизнуть в ответ. Затем Рисса наклонилась к Аззуену, едва стоявшему на дрожащих лапах, к Уннану, у которого был разодран левый глаз, и к Марре, глядевшей на удаляющийся табун. Вдруг Рисса опустила хвост и беспокойно заскулила при виде бледного тела, от которого как-то странно пахло Реелом. Скуление перешло в вой, Рууко с Тревеггом подошли ближе, чтобы потрогать щенка. Тот, не отзываясь, лежал неподвижно, голову его покрывала кровь, тело выглядело странно плоским.

— Реел, вставай же, — нетерпеливо тявкнула Борлла, подталкивая его носом.

Рисса осторожно отодвинула Борллу и, сев на землю, испустила долгий жалобный вой, к которому присоединились Рууко, Тревегг и Минн. Отгонявшие коней Иллин и Веррна замерли на обратном пути — и подхватили печальную песнь. Я не заметила, как из моего горла тоже полился вой.

Не веря глазам, я глядела на маленькое, испачканное землей тельце, лежащее на затоптанной траве. Сердце у меня отяжелело, в груди что-то сдавилось, брюхо свело — я думала, что отрыгну даже тот мелкий клочок кобыльего мяса, что мне удалось проглотить. Только что мы бежали к табуну вместе с Реелом, а теперь он стал лишь кучкой костей и меха... Иллиин с Веррной наконец добрались до нас, и вся стая замерла вокруг Реела. От жаркого послеполюденного солнца меня затошнило еще больше.

Я не знаю, сколько мы так стояли в надежде, что Реел вернется к жизни. Тщетно. Я не особенно любила Реела и часто его не замечала, но он был щенком того же помета, членом стаи. И на его месте могла быть я сама — ведь я первая побежала к табуну. Мне вдруг захотелось лечь посреди равнины и зарыться в землю.

Рисса вновь испустила вой, более низкий и долгий, — и стая присоединилась к ней в прощальной песне Реелу. Все, кроме Борллы: она просто стояла и, не веря, смотрела на безжизненное тело.

Бросив последний взгляд на Реела, Рисса повела стаю прочь с равнины Высокой Травы. Борлла не двинулась с места.

— Как вы можете его оставить? Его съедят длиннозубы и гиены!

— Такова наша жизнь, волчонок, — ответил Тревег, бросив на нее сочувственный взгляд. — Реел вернулся к Равновесию, чтобы стать частью земли, как предстоит всем нам. Им будет питаться трава, которая накормит дичь, а дичь накормит стаю. Таков наш путь.

— Я не уйду, — упрямо заявила Борлла. Никто из нас прежде не смел противиться взрослым.

— Ступай. Ты волчица Быстрой Реки, ты должна быть со стаей. — Тревег подтолкнул ее осторожнее, чем обычно, и заставил идти с остальными.

Мы возвращались к кромке леса, Уннан с Борллой то и дело отставали, оглядываясь на тело Реела, и тогда Тревег или Веррна возвращались, чтобы их поторопить.

В конце концов Веррна схватила Борллу за загривок и потащила волоком. Та сначала сопротивлялась, потом ее пыл иссяк и она бессильно повисла в зубах у Веррны, волочась лапами по земле и тихо поскуливая. Мы успели пройти всего несколько шагов, как вдруг Уннан, подбежав ко мне, сбил меня на землю и встал лапами мне на грудь.

— Ты его убила! — злобно выпалил он. — Та лошадь целилась копытом в тебя! Ты должна лежать там вместо Реела!

У меня не было сил сопротивляться. Уннан сказал только то, что я сама твердила в уме всю дорогу. Я скинула его с себя и, прихрамывая, двинулась дальше — мне не хотелось ввязываться в драку. Он не отступил и, схватив меня зубами за шею, принялся душить, и тогда я его ударила.

Заслышав визг Уннана, Рууко велел всем остановиться, и стая собралась вокруг нас. Веррна опустила Борллу на землю.

— Что за обвинения, Уннан? — требовательно спросил вожак.

— Мы пошли к лошадям из-за нее! — взвизгнул Уннан. — Мы спали, а она нас заставила! Это она виновата, что Реел погиб!

Сердце куда-то ухнуло, дыхание сбилось. Рууко ждал ответа, а я не могла вымолвить ни слова.

— Пойти к табуну придумала Каала, — ответила за меня Марра, — но нас никто не заставлял, мы сами захотели.

Аззуен согласно кивнул:

— Никто тебя, Уннан, не принуждал. Мог бы и остаться, тебя не звали. — Он повернулся к вожакам: — Зато Каала спасла меня и Уннана: мы растерялись, а она нет.

Я взглянула на него с благодарностью.

— Что скажешь, Каала? — спросил Рууко.

Мне стало трудно дышать, будто деревья и кусты окружили меня плотной стеной. Я виновато вжалась брюхом в твердую землю, придумывая отговорки: то ли сказать, что меня подстрекали Уннан с Борллой, то ли свалить все на коней... Но тут я поймала взгляд сначала

Аззуена, а потом Марры. Они ведь за меня вступились, и после этого мне струсить?..

— Правда, я сама решила подойти к лошадям. Откуда мне было знать, что они... что они скажут так быстро... Я не хотела никому зла.

— Хорошо хоть, ты не пытаешься отвертеться. Лжецам не место в моей стае. Почему ты повела щенков к табуну?

Я порадовалась, что не стала сваливать вину на других. Лежа на земле, я еще плотнее прижала уши к темени.

— Хотела посмотреть, какой из меня охотник. — Прозвучало непонятно. — Хотела быть первой, кто сумеет захватить добычу.

— Гордыня — гибель для волка, — изрек Рууко. — По собственной глупости ты сунулась к добыче без должного уважения, не умея толком охотиться.

У меня перехватило горло, от напряжения заболели глаза. Я ждала приговора. С самого моего рождения вожак искал предлога от меня отделаться и теперь наверняка выгонит меня прочь.

Он оглядел стаю. Рисса подошла к нему, за ней остальные взрослые. Волки, окружив вожака кольцом, жались к нему, то и дело переходили с места на место, тихо переговаривались.

— Да, Каала была первой, за кем потянулись остальные, но ведь щенки любопытны, — говорила Рисса, прижимаясь мордой к шее Рууко. — Они всегда лезут охотиться раньше, чем вырастут. Чтобы стать волком, надо узнать вкус добычи. Не вина Каалы, что коней сегодня кто-то взбудоражил. Зато ей хватило ума и смелости помочь другим, когда кони пустились вскачь. Если бы не она, погибли бы трое-четверо.

— Чтобы юный щенок кидался защищать собратьев — я прежде такого не видел, — вторил ей Тревегг, — а ведь я застал восемь пометов волчат.

Иллин, прежде чем заговорить, припала брюхом к земле: однолеткам не часто позволено высказываться.

— В ее возрасте я бы на такое не решилась, а я была крупнее Каалы.

К моему удивлению, Веррна тоже пробормотала что-то одобрителное, хотя никогда прежде не принимала мою сторону.

— Из-за нее погиб щенок! — запротестовал Минн, но тут же, поймав взгляд Риссы, поджал уши.

Рууко по очереди легко взял в пасть морду каждого, дернул ухом и, задумчиво нахмурив брови, отошел в сторону. Я вспомнила, что умею дышать, и шумно втянула в себя воздух. Плотное общение стаи напомнило тот день, когда волки обсуждали, на кого охотиться. Решение принимает вожак, однако если никто его не поддержит, его власть ослабнет. Я почти слышала мысли Рууко, выбирающего между своим желанием и мнением стаи.

К вожаку подошел Тревегг.

— Стая — не один волк, Рууко, — тихо проговорил он. — Все хотят, чтобы Каала осталась, ты это знаешь. Если ты пойдешь против стаи, волки могут выбрать нового вожака. — Старый волк покосился на изрезанную шрамами морду Веррны.

Рууко оттеснил Тревегга в сторону.

— Не считай меня идиотом. Гневить целую стаю из-за одного щенка? Сильная волчица останется сильной волчицей, даже если я не держу ее в любимчиках. — Рууко, повернувшись к стае, встретил прямой и ясный взгляд Риссы. Обращенные к ней слова звучали для всех. — Вы правы. Если бы не Каала, мы недосчитались бы и других щенков. Волки с таким характером ценны для стаи.

Я не верила своим ушам. Встань он на две лапы и возьми наперевес острую палку — и то я удивилась бы меньше.

Вожак вновь оглядел стаю.

— Пусть это станет вам уроком. А к Каале будем присматриваться. — От его взгляда у меня внутри все похолодело. — Если она не научится выдержке, еще раз обсудим, нужна ли

она в стае.

Уннана даже затрясло от злобы.

— Но ведь она хотела пойти к лю...

Веррна тяжелой лапой вцепилась ему затрещину, а обернувшись Рисса смерила его яростным взглядом.

— Ни слова, щенки! — прошипела Веррна. — Раз вожак велел — подчиняйся!

Уннан, хоть и не скрывал досады, предпочел смолчать.

Все произошло так быстро, что я не сразу пришла в себя. Опомнившись, я подползла к Рууко поблагодарить. Он, должно быть, почуял мое изумление и усмехнулся, когда я лизнула его в морду.

— Что тебя так удивляет, кроха?

Не отвечать было нельзя, а придумать я ничего не успела. Оставалось сказать правду.

— Мне казалось, ты хочешь меня прогнать! — выпалила я.

— Ты считаешь меня глупцом, который ради самоутверждения пойдет против стаи?

На это мне ответить было нечего, я просто молча смотрела на вожака.

— Я за тобой наблюдаю, ведь я не забыл, что в тебе таится угроза. Постарайся больше не ошибаться, — произнес Рууко так тихо, что услышала одна я, и обернулся к волкам: — У кромки леса нам оставаться незачем. Возвращаемся на прежнее место, к лежащему дереву.

Он сосредоточенно потрусил по тропе впереди всех. Борлла на этот раз шла самостоятельно, каждые несколько шагов останавливаясь взглянуть на место, где погиб Реел. Я не могла заставить себя оглянуться. Опустив голову и пытаясь не думать о своей вине, о смерти Реела и о непрочности моего положения в стае, я двигалась вслед за семьей к прогалине у лежащего дерева.

Глава 9

Терять детенышей для волков так же естественно, как чують добычу или охотиться лунными ночами. Даже удивительно, что мы до сих пор обходились без потерь. И все же я чувствовала себя виновной в смерти Реела: если бы не желание самоутвердиться, я не потащила бы остальных к табуну — и Реел остался бы жить, его безжизненное тельце не всплывало бы у меня в памяти с такой отчетливостью. А тут еще Борлла...

Смерть брата она переживала сильнее других, сделалась мрачной и молчаливой, почти ничего не ела уже пол-луны, с самой смерти Реела. Все это время лил дождь, поляна стала противной и скользкой, все ходили раздраженными. Веррна укусила меня пару раз, когда я попалась ей на пути, и даже Иллин рычала на щенков, если мы оказывались слишком близко. Однако Борлле никто не трогал.

Она, судя по всему, не верила, что Реела больше нет, и, когда ей случалось улизнуть от взрослых, уходила на поля Высокой Травы искать брата. Рууко с Риссой, вместо того чтобы гневаться на частые отлучки, каждый раз посылали за ней Тревегга, Веррну или Минна. Порой ее приходилось насильно тащить в зубах — а она, и без того крупная, уже подросла и не была легкой ношей.

— Его больше нет, кроха! — мягко повторял Тревегг после того, как в третий раз вернул Борллу в стаю. Это было правдой. Мы с Аззуеном пошли за ней в первый же день: тела на месте не оказалось, оставшийся на траве запах Реела сливался с запахом гиены. Никаких сомнений — падальщики утащили его к себе, опасаясь, что мы вернемся и заберем то, что они считают своей добычей. У меня в голове не укладывалось, что мы так легко можем стать чьей-то едой, а Борлла и вовсе отказывалась в это верить.

Я боялась, что она меня возненавидит, но в ее взгляде застыли лишь недоумение и скорбь. Уж лучше бы злилась... Я подолгу наблюдала, как она сидит под дождем и терпеливо выжидает случая улизнуть. Ощущение вины давило на меня тяжелее, чем промокшая шкура; оленьё мясо, откопанное Веррной в давнем тайнике, не лезло в глотку.

Даже под теплым дождем меня пробрала дрожь, и я положила голову на сложенные

лапы.

— Хватит горевать, кроха, — проронил подошедший Тревегг. — Ничего не поделаешь: сильные выживают, слабые гибнут. Нам всем жаль Реела, однако унынием еды не добудешь. Если б Рисса лежала днями напролет, изнывая от жалости к себе, то стая не выходила бы на охоту, — а волк, который не охотится, перестает быть волком.

— Я знаю, — кивнула я, сморгнув капли дождя, которые почему-то набегали на глаза снизу, как будто просачивались с земли. — Знаю, что Реел и без того мог не выжить. И все равно чувствую себя ужасно.

— Правильно, — отозвался старый волк, отгрызая засохшую грязь с плеча. — Ты настоящая волчица. Тем не менее подумай: если б вы не пошли к табуну — дожил бы Реел до весны? Может, и дожил бы. А вот уцелели бы Уннан с Аззуеном, не сообрази ты вовремя, как их спасти? Вряд ли... Когда щенок гибнет в первый год жизни — это в порядке вещей: волки должны быть сильными. В стае Мышеедов каждый год выживают всего один-два волчонка, потому что из-за слабости они не могут охотиться на крупную дичь. А волки Скалистой Вершины и вовсе не подпускают к еде самых мелких щенков, не давая им шанса уцелеть. Зато у Риссы помет всегда остается в живых почти полностью, об этом знает вся Долина. И если Древние отнимают у нас одного волчонка, мы должны быть благодарны за то, что выживают остальные.

— А где они, остальные? Те, что из прошлогоднего помета или старше? — проговорил подбежавший Аззуен. Он целыми днями не спускал с меня глаз, опасаясь подходить: я как-то нарычала на него, когда он впервые сунулся с утешениями.

— Большинство уходит из Долины: здесь маловато места для стольких стай, да и законы приемлемы не для всех, — объяснил Тревегг, отряхивая с себя дождевые капли. — Так что думай, кроха: остаться с нами или последовать за Реелом. Никто другой за тебя этого не решит.

Старый волк лизнул меня в макушку и пошел поговорить с Борллой; увидев его, она отвернула морду и, тяжело поднявшись на ослабших лапах, потрусила в лес. Разом ссутулившийся Тревегг поглядел ей вслед, затем мотнул головой и побрел к Уннану.

Внезапно позади меня раздался всплеск, кто-то зарычал — оказывается, Иллин спихнула Минна в илистую лужу, и теперь оба покатались в грязь, кусаясь сильнее обычного. Рисса, встряв между ними, раскидала драчунов в стороны, рыча и не сводя яростного взгляда с однолесток.

— Ненавижу летние грозы! Зимой куда лучше: и лапы в снегу не скользят, и буйные головы холодом остужаются. — Она обернулась к нам: — Щенки! Вы уже взрослые, пора выходить на разведку самостоятельно. Не убегайте далеко — не больше чем на полчаса пути. Вернетесь к лежащему дереву, как только мы позовем.

Я удивилась: после истории с табуном нам не давали и шагу ступить без надзора.

— Не рано ли, Рисса? — Тревегг мягко прижался к ней лбом. — Обычно ты ждешь еще пол-луны, прежде чем отпустить щенков куда глаза глядят!

— Мне надо, чтоб на поляне было спокойно, иначе мы не отдохнем перед охотой. — Рисса прищурила глаза и поглядела в сторону Веррны и Рууко, которые тихо переговаривались. — Ступайте, щенки. Или ложитесь спать, или уходите с поляны.

— Мы ведь не шумели! — Марра звонко шлепнулась в грязь рядом со мной и Аззуеном и, усевшись поудобнее, принялась вылизывать переднюю лапу. — Хотя почему бы не прогуляться, может, добудем какой-нибудь мелкой еды...

Аззуен насторожил уши. Недавняя охота была неудачной, последние дни мы жили впроголодь. Хотя взрослые и приносили нам еду из старых тайников, ее не хватало.

— Тогда пошли! — решил Аззуен.

Я засмеялась и, впервые после смерти Реела почувствовав облегчение, пошла в лес вместе с Аззуеном и Маррой.

Мышей обнаружил Аззуен. В полчасе бега от нашей прогалины мы наткнулись на травянистый клочок земли с разбросанными тут и там камнями. Норы затопило дождем, и

мышь вылезла на открытое место. Через час мы уже приноровились их ловить, однако мыши смекнули, что оставаться на месте небезопасно, и улизнули в дальнюю нору — нам так и не удалось отыскать их по запаху. Довольные собой, но все же слегка голодные (мышами досыта не наешься), мы улеглись поспать.

Тогда-то и нашла меня давняя волчица из сна.

Я часто о ней вспоминала после той вылазки к людям, когда она пришла со мной поговорить, и все же я не видела способов разузнать о ней больше. Не спрашивать же Тревега с Риссой: они, чего доброго, подумают, что я спятила — не могут же волки появляться ниоткуда! — и решат выгнать меня из стаи... Временами я искала волчицу в тени или за деревьями, но пришла она во сне.

Аззуен и Марра, усталые после охоты на мышей, крепко спали, а меня томило беспокойство. Едва мне начинало сниться, как я бегу вместе со стаей или охочусь с Маррой и Аззуеном, — тут же передо мной возникала молодая волчица, зовущая за собой. В сонном оцепенении я лишь скребла лапами по влажной земле, в конце концов она громко твякнула, чтобы меня разбудить.

Я проснулась. Вскочила так резко, что подняла Аззуена и Марру. В лесу мелькнул хвост, повеяло знакомым едким запахом с привкусом можжевельника. Страхнув с себя сон вместе с каплями дождя, я устремилась вслед за запахом. Марра, заворчав, вновь уснула, Аззуен двинулся за мной.

— Мы куда? — сонно спросил он.

Я не ответила. Идти или не идти — пусть решает сам.

Мы углублялись в лес, запах становился все отчетливее и вел в самую чащу, куда нам не разрешено ступать без взрослых. Мало того что Рисса велела оставаться в получасе бега от поляны, так нам еще и нельзя подходить к границам, чтобы не попасться на глаза соседней стае! Вскоре мы с Аззуеном учуяли граничный запах, которым Рууко с Риссой специально поместили территорию. Я остановилась было, но порыв ветра обдал меня едко-можжевелевым запахом, больно хлестнул дождем — и тут же стих, стоило мне переступить помеченную вожаками границу. Аззуен тоже на миг запнулся и все-таки пошел следом, с сомнением покачивая головой. Уже через несколько шагов мы наткнулись на человеческую тропу, где запах волчицы смешивался с запахом людей и костра.

Я в нерешительности остановилась и поглядела вокруг. Звук текучей воды, влажные листья, илистый запах говорили о близости реки. Однако мы оказались гораздо ниже по течению — не там, где переплывали на другой берег, и даже не там, где возвращались по Ольховой Переправе, а намного ближе к человеческому жилью. Почему-то я почувствовала себя виноватой. Если пройти по лесу чуть дальше и перепрыгнуть прямо через реку... Аззуен испуганно поскуливал, хотя я и без него знала, что каждый следующий шаг грозит нам нарушением главного закона.

— Пойдем обратно, — решила я.

И тут же от реки донесся крик. Не волчий вой попавшего в беду собрата, а чей-то призыв на подмогу — кричавший не был добычей, это я слышала точно. Меня потянуло дальше, и вместо того чтобы задрать хвост и уйти, я шагнула к реке, хоть и понимала, что Рууко за мной следит пуще прежнего и гибель Реела еще слишком памятна.

Аззуен наверняка думал о том же.

— Каала, нам туда нельзя, — шепнул он настойчиво. — Что бы там ни было, оно нас не касается.

Я знала, что он прав, и уже стала отступать по следу человеческого запаха, прочь от испуганных криков, как вдруг буйный порыв едко-можжевелевого ветра толкнул меня вперед, мимо деревьев, назад к реке. Аззуен, удивленно взвизгнув, двинулся следом.

Лес обрывался резким опасным откосом, сходящим к воде.

— Вот почему мы тут не переправляемся, — пробормотала я себе под нос.

И вдруг я заметила человеческое существо, уцепившееся за скалу посреди бурлящей реки, — детеныш, совсем как виденные нами в лагере. Существо держалось из последних

сил в буйном потоке, поднявшемся после долгих дождей, и кричало каждый раз, когда голова, уже уходящая под воду, показывалась на поверхности.

Крик так походил на горестный волчий зов, на предсмертный клич моих сестер и братьев, что я не устояла. После всех неприятностей из-за тяги к людям я поклялась себе забыть об их существовании; каждое воспоминание о них отзывалось болью в груди, где виднелась белая отметина. Я зареклась навлекать на себя гнев Рууко. И все же не могла не откликнуться на беспомощный, полный отчаяния призыв. Взглянув на человеческое дитя, которое едва цеплялось за жизнь, я стала пробираться вниз по крутому склону.

Аззуен, пытаясь меня остановить, вцепился зубами мне в бок, но я, оторвавшись, ринулась вниз по обрыву, на последних шагах оскользнулась, съехала по глине до самого берега и неуклюже свалилась в воду, ушибив бедро. Река здесь оказалась глубокой, пришлось сразу плыть. Человеческое существо, явно ослабшее, уже еле виднелось из-за волн; его черные глаза встретились с моими, и только я подплыла — оно судорожно вцепилось в мой мех и обвило передними лапами шею, так что меня захлестнуло водой. Едва я вынырнула, оно вновь повисло на мне, потянув ко дну. Я уже начала сомневаться, сумею ли дотащить такую тяжесть до берега, но дитя цеплялось за меня отчаянно — не высвободиться. К счастью, оно все же поняло, что делать, и стало бить по воде задними лапами, помогая мне оставаться на плаву. Его длинная черная шерсть свесилась мне на глаза и нос, и я схватила ее пастью, разворачивая детеныша в нужную сторону. Человечья шерсть на вкус оказалась не такой, как теплая волчья: она скорее походила на клочки шерсти, которые волк оставляет на кустах или деревьях. Собрав все силы, я стала грести к дальнему берегу. Доплыв, я вытащила детеныша на узкую полоску песка. Соскользнув на землю и начав дышать, существо вновь закричало, но лишь только я приблизила морду, умолкло.

С той стороны реки послышался всплеск: Аззуен прыгнул в реку и поплыл ко мне. Я едва успела удивиться, как легко он держится в воде — ведь всего пол-луны назад он едва добрался до берега, — затем вновь повернулась к человеческому существу.

Девочка. Полувзрослая. Из тех, кто возился и играл, как щенки, в человеческом лагере. Она поглядела на меня со страхом: многие звери убивают и едят человеческих детей, откуда ей было знать, что волки не такие. Я слегка прижала уши, чтобы не выглядеть угрожающе, — и страх ушел из ее глаз, она протянула передние лапы.

Руки. Иллин говорила, это называется «руки».

— Каала! — крикнул Аззуен, беспокойно нюхая воздух. — Надо уходить! Она подняла столько шума, сейчас кто-нибудь явится!

Да, подумала я. Медведь или скалистый лев не упустят случая ее забрать. Или кто-нибудь из падальщиков, кому лень охотиться за добычей. Нельзя, чтобы она стала добычей, и нельзя не уходить — меня ведь могут выгнать из стаи. Я снова посмотрела на девочку: большие черные глаза, мягкая смуглая кожа... Тронув носом ее щеку, я повернулась и потрусила к реке. Она попробовала встать, однако упала в грязь и заплакала. Тонкий человеческий мех ее не согреет, а вода, несмотря на лето, была холодной; берег здесь такой же крутой, как на нашей стороне, и дождь все не перестает, — а девочка дрожит от озноба. Даже если на нее не нападут, она замерзнет и умрет, и тогда достанется падальщикам. Ее глаза смотрели так доверчиво... Во мне что-то перевернулось, и полумесяц на груди вновь наполнился теплом — на этот раз приятным.

Чтобы не передумать, я поскорее отвернулась от реки и, подойдя к девочке, попробовала взять ее зубами за плечо — осторожно, чтобы не прокусить кожу. От прикосновения зубов она в страхе взвизгнула и начала отбиваться, мне пришлось разжать челюсти. Я задумалась. Как ее тащить, чтобы не напугать и не поранить? Загривка у людей нет, а если за волосы — ей будет больно... Тут я вспомнила, как она прижималась ко мне, пока я плыла, и как человеческие дети цеплялись за шею взрослых, свисая с них на ходу.

Я опустила на землю и прижалась к девочке. Поколебавшись, она неуверенно обхватила передними лапами мою шею, а задними — спину. Я попыталась встать, но свалилась под ее весом. В воде ее тащить было легче...

Аззуен смотрел на меня озадаченно.

— Во имя луны, что ты делаешь?..

— Помоги ее нести! — Аззуен, когда напуган или растерян, бывает сущим низкохвостом, а мне сейчас некогда препираться.

— Как? — спросил он.

— Не знаю, — в отчаянии бросила я. — Придумай.

Девочка успела с меня соскользнуть, хотя еще обвивала руками шею. Аззуен постоял в раздумье и затем опустился на землю рядом со мной. Теперь она лежала поперек наших спин, а ее лапы касались земли сбоку от Аззуена.

— Получится?

— Ну, если нет другого способа...

Возразить было трудно. Нас с Аззуеном пошатывало — и от страха, и от тяжести человеческого тела. Знай я в тот день, во что я ввязываюсь, я бы не звала Аззуена на подмогу, — но тогда, на скользком берегу, мне слишком нужна была его помощь.

Наверняка еще никто из волков не таскал ношу таким способом. Однако нужда обостряет способность соображать, а перенести девочку надо было скорее и как можно незаметнее. Она вцепилась в меня передними лапами — длинными и изогнутыми, неожиданно сильными, ее теплое дыхание грело мне шею, спиной я чувствовала биение ее сердца. Мы с Аззуеном взобрались на крутой берег и пустились бежать — бок о бок, медленно и неуклюже. Аззуен даже рассмеялся:

— Должно быть, забавно выглядим!

Мы нарушили еще один закон стаи: по чужой территории нельзя идти вместе. За рекой начинались владения волков Скалистой Вершины, и нам полагалось разбежаться по разным тропам, чтобы нас не могли сосчитать. Теперь, конечно, думать об этом было поздно.

Мы хорошо помнили дорогу к человеческой поляне, хоть и шли сейчас с другой стороны. Запах людей усилился — до лагеря оставалось недолго.

Девочку вдруг затрясло. Я остановилась, не обращая внимания на беспокойное повизгивание Аззуена, и опустила ее на землю. Посеревшее лицо, бледные губы... Я лизнула ее кожу — холодная и влажная. Улегшись рядом, я приникла к девочке всем телом. Вдвоем мы согрели бы ее быстрее, но Аззуена звать не хотелось. Это я ее нашла! Она моя! Аззуен бросил бы ее в реке или оставил падальщикам...

Сердце девочки вновь забилося увереннее. Она обхватила меня длинными лапами и прижала к себе, наполняя теплым запахом — запахом обожженного на костре мяса, цветов и пряных листьев. Теперь, вдохнув неповторимый аромат ее тела, я узнала бы девочку так же отчетливо, как любого волка своей стаи.

С неба еще лило, шерсть у меня промокла, попробуй тут кого-то согреть... Я вновь попыталась взвалить детеныша к себе на спину — на этот раз без помощи Аззуена, который потихоньку отступал в сторону дома. Однако моих сил явно не хватало: задние лапы девочки тяжело тащились позади, я падала через каждые два шага. И тут она стала помогать, как прежде на реке: опершись мне на спину, она встала на лапы, и мы потихоньку заковыляли к человеческому жилью. Аззуен, помедлив, двинулся за нами.

— Можешь идти домой, если надо, — заявила я. Почему-то мне не хотелось, чтобы он оставался.

— Должен же кто-то вытаскивать тебя из передряг! — сказал он почти недрогнувшим голосом.

Над головой раздался шелест, запахло мокрым вороном, я подозрительно взглянула вверх и влево — так и есть: в ветвях дерева прятался Тлиттоо.

— Только такой помощи мне и не хватало, — выдохнула я.

Тлиттоо оставил попытки затаиться в листве, каркнул и полетел к людскому жилью.

— Передряги! Передряги! — прокричал он через крыло, прежде чем раствориться в тумане.

Мы с Аззуеном подошли к человеческому лагерю, и я огляделась в поисках места, где

можно оставить девочку. Вот бы забрать ее с собой! Хотя в стае меня начали понемногу признавать, глядели все же настороженно, а если привести с собой человеческое дитя, не будет одиноко... Но законы Широкой Долины неумолимы. Мне даже не полагалось вытаскивать девочку из реки: если Рууко узнает — он не станет ждать лучшего повода от меня избавиться.

Раздался голос Тлитоо:

— Оставь ее здесь, сначала надо пережить зиму. — Он помолчал, склонив голову к плечу, и вдруг резко каркнул.

Аззуен, тянувшийся позади, подбежал и встал рядом.

— Верховные волки где-то рядом! — воскликнул он. Заботы о девочке поглотили меня так, что я даже не почувствовала запаха верховных волков. Я узнала его, хотя не встречалась с владыками с того дня, когда они спасли мне жизнь. Сердце забилося сильнее. Что с нами сделают, если застанут рядом с людьми? Я вновь прониклась благодарностью к Аззуену — и за то, что предупредил о верховных волках, и за то, что не сбежал. Я собралась с последними силами и подтащила девочку к самому краю лагеря. Как мне ни хотелось войти и посмотреть на жизнь людей, я понимала: для одного дня нарушенных законов и без того много, незачем нарываться на вражду с верховными волками.

Я усадила девочку на землю и положила лапу ей на грудь. Она, с трудом поднявшись на ноги, погладила меня в ответ. Я тявкнула и легонько подтолкнула ее к лагерю.

— Спасибо, волчица, — произнесла девочка и, едва держась на ногах, заковыляла к теплу костра.

Аззуен взглянул на нее, потом на меня.

— Она заговорила! И я ее понял! Я думал, их язык нам чужой!

Я опустила голову. Бывают существа, чей язык мы не понимаем вовсе. Как хорошо, что люди не такие!..

— Они не так уж от нас отличаются. Они не чужаки.

— Меньше болтайте, пора убегать, — посоветовал Тлитоо, стряхивая дождевики с крыльев.

— На этот раз он прав, — кивнул Аззуен. — Пойдем.

— Опа!.. — Тлитоо покрутил головой. — Поздно!

Послышался треск веток и хлюпанье грязи — появившись из-за кустов крушины, Яндру с Франдрой заступили нам дорогу.

— Что ты делаешь рядом с людьми? — гневно начала Франдра. — Хочешь остаться без стаи? Я сохранила тебе жизнь, а ты разбрасываешься ею как вздумаешь?

Я хотела ответить, но у меня получился лишь испуганный выдох.

— Мы спасли человеческое дитя, — выговорил Аззуен.

Франдра зарычала.

— Что вы сделали — мне известно. Как и все, что происходит в моих землях. — Она обернулась ко мне. — Тебя спасли ради будущего. А ты, — она глянула на Аззуена, — должен удерживать ее от сомнительных выходов, а не потакать им.

Презрительный тон Франдры меня взбесил, страх сменился давно затаенной ненавистью — такой же, какая давным-давно помогла мне одолеть троих щенков в драке. Иллин и Тлитоо советовали никогда не поддаваться злобе, но ненавидеть — это лучше, чем бояться.

— Если ты знаешь все, что происходит в твоих землях, — медленно проговорила я, сдерживаясь изо всех сил, — тогда почему ты позволила Рууко убить моих сестер и брата? Почему молчала, когда они прогнали мою мать?

«Почему ты не сказала мне о людях?» — вертелось у меня на языке.

Аззуен смотрел на меня с ужасом, Тлитоо потянул за хвост так, что я чуть не свалилась. Мне было все равно, пусть верховные волки окажутся хоть потомками Древних. Когда человеческая девочка прижалась ко мне, я впервые после ухода матери почувствовала себя не одинокой, и разлука с людским детенышем теперь отзывалась болью, словно глубоко

прокушенная рана. Верховные волки лишили меня всего, при виде их тоска по матери вспыхнула с новой силой. Никому в стае не выпало такой доли! Верховные волки знали, кто я и почему меня так тянет к людям, и я была намерена добиться ответа.

Франдра оскалилась.

— Не угрожай мне, волчица! — прорычала она, делая шаг вперед.

В воздухе захлопали влажные крылья — и в тот же миг Тлиттоо сел ей на темя. Франдра мотнула головой — ворон перепрыгнул ей на хвост, а когда она обернулась схватить его зубами, подлетел дернуть за ухо и тут же отскочил на дерево.

Хоть и большие —
Злюковолки ленивы!
Крупен волк, мал мозг!

Я удивилась: голос Тлиттоо слегка дрожал. Франдра, забыв обо мне, шагнула к ворону и зарычала, тот с хриплым карканьем порхнул прочь. Я услышала рядом сдавленный звук — и, обернувшись, увидела смеющегося Яндру.

— Не пытайся воевать с воронами, спутница, их не победить, — проговорил он, шутливо ткнувшись мордой ей в ребра. — А щенок... Что поделать, спутница? Тебе просто досадно, что все идет не так, как ты задумала.

Мне показалось, что Франдра набросится на волка, но она склонила голову и засмеялась, ее гнев тут же испарился. Я же продолжала клокотать от злобы, хотя ярость Франдры меня напугала и я пришла в себя. Угрожать я ей больше не буду. По крайней мере пока не вырасту.

— Может, и так, но от этого не легче. И со стаей этих двоих я ничего не сделаю. — Франдра кивнула на нас с Аззуеном. — Твой путь нелегок, Каала Мелкие Зубки. Не поддавайся желанию быть с людьми. Ты должна войти в стаю и получить от Рууко знак роммы. Без него за тобой не пойдет ни один волк, и никакая другая стая тебя не примет. Ты ведь об этом знаешь?

— Да, — торопливо вставил Аззуен. Наверное, он боялся, что если я раскрою рот, то скажу что-нибудь неподобающее. — Мы уже выдержали первое испытание — дошли от логова до поляны. Дальше будут первая охота и зимний переход вместе со стаей. А потом Рууко удостоит нас знака, и мы войдем в стаю Быстрой Реки. Я не знаю, что нам грозит, если мы не получим ромму. И не знаю, что это за знак.

— Это запаховая метка, которую оставляет вожак стаи, — объяснил Яндру. — Либо ты носишь ромму, либо стая тебя не принимает и ты должен жить в одиночку. Или основать собственную стаю; впрочем, без роммы это вдвойне трудно.

— Ты должна войти в стаю, волчица, — проговорила Франдра. — Поэтому не встречай ни в какие глупости. И не подходи к людям. Совсем.

Яндру склонил ко мне косматую голову:

— Уследить за всем происходящим не под силу даже нам. Мы делаем что можем, но этого бывает мало. Ты должна заслужить место в стае — держись подальше от людей и не показывай, что отличаешься от собратьев. Если ты все исполнишь и получишь ромму, мы поможем тебе найти мать, когда ты вырастешь. Обещаю.

Я проглотила комок в горле. Неизвестно, стоило ли ему доверять, однако знал он явно больше, чем я.

— Следующие несколько лун мы будем отсутствовать, — бросила Франдра, явно не намеренная дожидаться моего ответа. — Постарайся без нас не наделать глупостей.

С этими словами волчица повернулась и исчезла в лесу вместе с Яндром.

Я посмотрела им вслед. Теперь к моей злости примешивались недоумение и досада: нынешнее появление верховных волков расстроило меня даже больше, чем первое. Я шагнула было за ними — ведь мне надо знать, несу ли я опасность стае и не из тех ли я полукровок, которые, по словам Тревегга, сходят с ума...

— Каала, нам надо домой, — напомнил Аззуен.

— Они все равно не скажут большего, волчица, — добавил Тлиттоо и предложил: — Хочешь, я полечу за ними и послушаю — может, они будут говорить про тебя?

Он погладил клювом шерсть на моей лапе.

Я вздохнула. Тлиттоо с Аззуеном правы, и все же мне хотелось пойти за верховными волками. Однако я втянула Аззуена в нынешнее приключение и теперь должна вернуть его домой. И верховные волки тоже правы: мне надо пережить зиму...

— Да, — устало проговорила я. — Пора возвращаться.

Как только мы появились на поляне, Веррна подняла морду:

— Запах людей!.. Где вас носило?

Рууко с Риссой, услышав вопрос Веррны, подошли ближе. Я чуть не застонала. Разговор с верховными волками настолько вывел меня из равновесия, что я не сообразила как-то скрыть человеческий запах. А изобретать отговорки сил уже не было.

— Мы поскользнулись в грязи и угодили в реку, — уверенно ответил Аззуен. — А когда выплыли — оказались у людского лагеря. И потом выбирались обратно.

Я поражено покосилась на Аззуена: как быстро он сообразил! И с какой невинной мордой!

Рууко внимательно поглядел на нас и, кажется, не очень поверил.

— Не уходите так далеко от стаи, — проговорил он наконец. — И не забывайте, что во время дождей река опасна.

Вожак смерил меня подозрительным взглядом: от меня пахло человеком больше, чем от Аззуена. Хорошо, что дождь и грязь хоть немного смягчили отчетливый запах девочки.

— Молодец, здорово придумал! — похвалила я Аззуена, когда мы остались одни.

Он радостно встопорщил уши и улыбнулся всей пастью:

— Нам просто повезло.

— Ты вовремя сообразил. — Я ткнулась носом в его щеку.

Марра влетела на поляну, и Аззуен побежал здороваться. Со своего места я увидела, как Рууко тихо заговорил с Риссой.

Пока Аззуен шептал что-то Марре, я грызла зубами клочок девочкиного меха, который умудрилась удержать во рту. От него пахло чем-то родным — наверное, семьей.

Часть II ЛЮДИ

Пролог

40 000 лет назад

Стая Лидды охотилась вместе с людьми. На сытной еде волки окрепли, добыча их стала обильнее, щенки рождались более упитанными и здоровыми, чем в других семьях. Даже старый Олаан, в очередной раз до отказа набив брюхо, вынужден был признать, что охота с людьми приносит пользу.

А потом волки и люди убили мамонта. И все переменялось.

То была самая успешная охота за все время. Ворча на скудный снег и тающий лед, мамонты переселялись в холодные края. Один в их стаде слегка хромотал — это знал любой охотник, способный различать звуки и запахи. Едва учуяв раненое животное, стая Лидды пустилась вслед; говорили, что волчьим стаям уже приходилось убивать мамонтов, хотя Лидда в это не очень верила: мамонт, даже раненый, оставался умным и опасным зверем, которому часто приходит на помощь все стадо.

Нынешний был один. За ним уже шли три длиннозуба и стая красных волков, поодаль

выжидала медведица.

Красные волки или одинокий длиннозуб — не соперники стае Лиддиных собратьев, но противостоять сразу всем значило бы рисковать слишком многим. Обманутые в своих ожиданиях, волки уже собрались возвращаться ни с чем, как вдруг Лидда услышала знакомый клич и, обернувшись, увидела высокую гибкую фигуру юноши.

Люди, должно быть, пришли целой стаей, в изумлении подумала Лидда. Она никогда не видела такого множества человеческих щенков — пока взрослые люди отгоняли противников острыми палками, детеныши яростно швырялись камнями, летевшими в длиннозубов и красных волков с ужасающей точностью.

Лиддин юноша встретил ее взгляд и приветственно поднял руку. Лидда кивнула и тут же устремилась на мамонта. Охота началась.

Мамонт ослаб от наскоков красных волков и длиннозубов, однако стая Лидды вряд ли одолела бы его без подмоги. Теперь же волки налетели на жертву вместе с людьми, загоняя мамонта в ловушку; как только он пускался бежать, люди и волки — острыми палками или зубами — преграждали ему дорогу. Так продолжалось долго, в толстой шкуре зияли дыры, задние ноги зверя истекали кровью — и наконец тяжелое тело рухнуло с громовым звуком. Лидда, объятая трепетом, глядела на содеянное, отчетливо понимая, что вместе с людьми волки могут одолеть кого угодно.

Обычно волк вгрызается в тушу, как только зверь свалится, если не раньше, но сейчас Лиддина стая, слившись с толпой людей, праздновала удачу и прыгала от радости — мяса теперь хватит надолго!

Когда самые сильные из людей склонились над тушей, держа наготове заостренные камни, чтобы взрезать мамонта, Олаан возмущенно шагнул вперед. Его удержал Тахиим.

— Позже, — велел вожак.

Ворча себе под нос, Олаан повиновался.

Люди с трудом резали толстую Мамонтову шкуру — прошла чуть ли не вечность, пока они выложили на траву куски лучшего мяса и вычленили внутренности.

— Пора! — рявкнул Тахиим, и волки бросились на добычу, захватывая лучшие куски; одну только печень утащили вдвоем или втроем. Взбешенные люди разразились криками, но налетевшие вороны не давали им опомниться — и волки смеялись, унося лучшее мясо. Даже Лидда, растерявшаяся от бесцеремонности волков, не могла сдержат улыбки и взглянула на своего юношу, чтобы вместе порадоваться удачной шутке, — однако тому было не до веселья. Понутившись, он стоял рядом со старшим самцом — вожаком стаи, поняла Лидда, — который орал на него, размахивая руками и указывая на Лидду и ее собратьев. Впервые за много лун Лидда вновь почуяла холод — только не в воздухе, как раньше: на этот раз холод закрался в сердце.

— Нельзя было забирать столько мяса! — встревожено говорил юноша на следующий день, сидя рядом с Лиддой на скале. — Отец сказал, от волков больше бед, чем пользы.

— Попробовали бы добыть мамонта без нас, — огрызнулась Лидда. — Не окажись там волков, вам пришлось бы самим отбивать зверя у длиннозубов.

Юноша в растерянности сдвинул брови. В первые времена их совместной охоты Лидда говорила с ним так же легко, как с волком своей стаи. Сейчас он ее почти не понимал.

— Ладно, — вздохнул юноша в конце концов. — Я скажу своим, что вы больше так не будете.

Четыре ночи спустя Киннин, волк-однолетка, вернулся из отлучки с раной на голове.

— Арана и я загнали оленя и делили мясо. — Арана было имя человеческой самки, с которой он охотился. — И тут пришел ее самец и забрал всю тушу. Всю. Когда я попытался отобрать свою долю, он ударил меня палкой. Убивать его я не стал, Арана разозлилась бы. Не знаю, будем ли мы еще охотиться вместе.

— Наверное, пора прекратить знаться с людьми, — встрял старый Олаан.

Киннин согласно мотнул головой:

— Всякий, кто пойдет с ними на охоту, станет предателем.

— С людьми мы добываем мяса больше, чем в прежние времена, — возразил Тахиим. — Так жить легче, просто их надо проучить. На следующей охоте покажем им, что мы не низкохвосты!

— Пусть только попробуют забрать у меня добычу! — пригрозил Олаан. — Тогда увидят, что такое волк!

На следующей охоте удалось добыть тучного оленя. Мясa хватило бы на всех, и волки возмутились, когда люди стали их отгонять.

— Мы дадим вам мяса потом, когда разделаем, — заявил один.

— Это наш олень, — бросил другой. — Возьмете что останется.

— Не суйтесь, — велел третий. — Захотим — накормим и вас.

И они склонились над оленем с заостренными камнями в руках.

Первым напал не Олаан. И даже не Киннин, а Нолла, его сестра. Любо́й волк знает: если кто-то из стаи отталкивает тебя от добычи — ты должен себя отстоять, иначе впредь тебя не подпустят к еде, пока все не насытятся. И Нолла — юная волчица, которой еще предстояло себя показать, — всего лишь следовала закону волков. Она прыгнула на кого-то из людей, но не укусила и даже не толкнула, а только оттеснила его в сторону и нагнулась оторвать кусок оленьего мяса.

Человек поднял заостренную палку и вонзил в спину Нолле. У волчицы перехватило дыхание, она содрогнулась всем телом. И умерла.

Люди и волки на миг умолкли. Затем люди подняли острые палки — и Киннин, с оскаленной пастью прыгнув на убийцу Ноллы, порвал ему глотку.

Затем волки пустились бежать.

Целую четверть луны ничего не происходило. Затем трех волков из стаи Песчаной Горы нашли мертвыми, с ранами от заостренных палок. На следующую ночь волки загрызли во сне четверых людей — никто не сознался в убийстве, однако Олаан и Киннин вернулись домой с окровавленными мордами и без добычи.

Так началась война.

На всем пространстве равнины человек убивал волка — и волк убивал человека. Люди, водившие дружбу с волками, научились от них охотиться и теперь истребляли волков сноровистее, чем другие. Война разрасталась как пожар, и вскоре волк стал убивать волка и человек — человека.

— В моем народе все бьются против всех! — крикнул юноша Лидде, ненадолго улизнувшей из стаи ради встречи с ним. — Те, кто хочет истребления волков, пытаются взять власть в племени и убивают всех, кто за вас заступится. И среди них мой отец и брат. Мне страшно, племени грозит раздор.

— Моему тоже, — сказала Лидда, хотя и знала, что юноша давно не понимает ее слов. Этим утром Олаан потребовал, чтобы Тахиим наконец дал ответ — собирается ли стая уничтожить людское племя.

Юноша стоял, постукивая по бедру заостренной палкой, крепко зажатой в руке. На один страшный миг Лидде почудилось, что он может ее ударить, и пришла мысль напасть первой. Она мотнула головой, отгоняя наваждение. Юноша протянул к волчице ладонь.

— Нужно что-то делать, — проговорил он дрогнувшим от слез голосом, и Лидда прижалась к нему теснее. Высоко над головой она услышала хриплый крик ворона.

Через долину, поросшую травой, к ним приближались два небывало крупных волка.

Глава 10

14 000 лет назад

Я не могла забыть о человеческой девочке. Мои мысли были заняты ею настолько, что я не сразу заметила, как озабоченный Тревегг вышел на поляну, тревожно щуря глаза. За ним

трусил Минн — растерянный и слегка испуганный.

— Ее нигде нет, — сообщил Тревегг Риссе, сонно поднявшей голову от лежащего дерева. Дождь наконец закончился, за три погожих дня земля почти везде высохла, и мы не упускали случая погреться на солнце перед вечерней охотой.

Старый волк помотал головой.

— Я шел по следу до кромки леса и дальше на поле, а потом след исчез. Непонятно.

— Может, легла отдохнуть и еще не проснулась? — предположила Рисса, поднимаясь.

— Борлла пропала, — подскочила ко мне Марра, которая выбегала встретить Тревегга с Минном. Аззуен уже трусил к нам от дозорной скалы, наострив уши.

— Она вечно где-то пропадает, — ответила я чуть виновато. Захваченная приключением с девочкой, я почти забыла о Борлле.

— На этот раз ее не могут найти. Никак. Тревегг места себе не находит, сама послушай.

— Запаха просто нет, Рисса, — говорил старый волк растерянно и беспомощно. Вот уж не думала, что Тревегг хоть когда-то чувствует себя неуверенным...

Рууко, Веррна и Иллин уже бежали с другого конца поляны.

— Так не бывает, — бросила Веррна чуть ли не со злобой. — Пусть даже ее утащил кто-то из хищников — должен был остаться запах!.. Прости, — она обернулась к Риссе, зарывавшей при упоминании о хищниках. — Борлла обезумела от горя, бродит одна где хочет, об опасностях не думает. Ничего не ест, ослабла... она даже убежать не сумеет, не то что отбиться! Рано или поздно ее все равно кто-нибудь схватит!

— Стань она чьей-то добычей — я бы учуял, не настолько я стар! — огрызнулся Тревегг. — Она просто исчезла.

— Сначала нас вел запах, а потом раз — и его нет! — оторопело подтвердил Минн. — И хищниками не пахнет. След Борллы прерывается — и все.

— Так не бывает, — упрямо повторила Веррна.

Я с удивлением поняла, что Веррна, бесстрашная Веррна, тоже напугана...

Рууко, грозно взглянув на нее, перебил:

— Если Древние на нас разгневаны, надо узнать причину.

— Сначала убедимся, что Борллы нет, — тихо, почти шепотом ответила Рисса. — Тревеггу я доверяю, но ошибаться нам нельзя.

— Будет лучше, если ее поищут и остальные, — признал Тревегг.

Рисса коснулась носом его щеки и молча, без обычных ритуалов, повела стаю в лес.

— А почему все так всполошились? — чуть задыхаясь от быстрого бега, спросил Аззуен у Иллин, когда мы вывернули на оленью тропу. — Борлла уже не первый раз уходит от стаи.

Иллин, слегка задержавшись у зарослей седмичника, посмотрела вслед остальным — не услышат ли.

— Не диво, когда волк умирает — от когтей врагов, от раны на охоте, от старости. Все мы смертны. Но когда волк просто исчезает... Легенды гласят, это знак Древних, если нарушается заповедь. Когда два поколения назад вожак Скалистой Вершины случайно ранил человека, у них пропали трое волков.

Мы с Аззуеном виновато переглянулись. Впрочем, вытащить человека из реки — не то же, что его ранить...

— А еще говорили, — продолжила Иллин, не сводя глаз с метки у меня на груди, — что в стае Древесной Тропы исчез волк, когда они оставили жить помет полукровок.

Я заморгала, уставившись на нее. Почему мне никто не сказал?

Иллин заговорила быстрее:

— Тебе, Каала, надо знать больше. Тревегг с Риссой, говоря о легендах, кое-что утаили. Полукровки опасны не только тем, что сходят с ума или тянутся к людям. Их появление. — дурной знак для всех. — Она понизила голос. — И пока волк с лунной отметиной не вырастет, никогда не знаешь, что он несет стае — добро или зло.

— Не отставать! — прервал ее гневный окрик Рууко. — Ждать не будем!

— О таком не говорят, — прошептала Иллин. — Но ты-то должна знать.

— Мы никому не скажем, — пообещала я.

Она кивнула и устремилась вслед за остальными, мы старались не отставать. Мысли у меня путались.

— А если стая подумает, что я приношу несчастье? Что тогда? — задыхаясь от бега, прошептала я Аззуену; он, едва поспевая за мной, не ответил.

Вначале запах Борллы слышался отчетливо: по тропе, ведущей к конскому полю, она проходила каждый раз, когда отправлялась искать Реела. Самый свежий запах остался сегодня утром, когда еще не высохла роса, — значит, Борлла шла здесь перед самым рассветом. След тянулся через нашу поляну у кромки леса, к деревьям на краю равнины — и еще дальше, прыжков на восемь. И тут, в точности как говорил Тревегг, запах обрывался.

Кони с равнины уже ушли — меня это только порадовало.

— Не топчитесь здесь, щенки, — велела Рисса.

Веррна, лучший следопыт во всей стае, взялась за поиски. Опустив нос к самой земле, она двинулась по ровной окружности, начиная с того места, где исчезал запах Борллы. Обнюхав каждый камень, каждую пылинку, каждый стебель травы, она пошла в противоположную сторону, отмеряя второй круг. Рууко и Рисса следовали за ней по меньшим окружностям, вплотную прилегавшим к ее пути. Иллин с Минном проделывали то же вокруг того места, где когда-то лежало тело Реела.

— Они хотят убедиться, что ничего не проглядели. — Тревегг не упускал случая нас чему-то научить, даже несмотря на беспокойство и усталость. — Веррна очерчивает внешние круги, Рисса идет чуть ближе к центру, а Рууко описывает круг внутри Риссиного. Нам лучше не подходить, чтобы не сбить запах.

На хождения кругами ушло полдня и часть прохладной ночи. Тревегг с остальными присоединились к поиску, который охватывал уже всю Долину. Нас не подпускали близко, лишь доверили оглядеть отдаленный участок жухлой травы — наверное, чтобы мы не путались под ногами. Мы с Аззуеном и Маррой были рады хоть чем-то заняться и обнюхали все пространство, пытаясь поймать запах. Тщетно. Уннан стоял в стороне, глядя через Долину на Веррну — та ходила вокруг места, где обрывался запах Борллы.

— Пойду поговорю с Уннаном, — сказала я Аззуену и Марре.

— С ума сошла? — возмутился Аззуен. — Ничем, кроме драки, не кончится!

— Он остался один. Может, ему не по себе.

Я осторожно подошла к Уннану; он, наверное, меня услышал, но не обернулся.

— Пойдем искать вместе с нами, — предложила я. — Это лучше, чем просто стоять.

Уннан оскалился:

— Зачем? Чтобы ты убила и меня? У тебя ведь хорошо получается губить щенков, да? Лучше б тебя прикончить при рождении! — Он наклонился ближе. — Если она погибла, тебе тоже не жить, уж я постараюсь. Обещаю!

Все мои благие намерения испарились.

— Будь ты поумнее, твои друзья остались бы живы, — огрызнулась я, хоть и понимала, что лучше молчать. — Может, они гибнут или исчезают потому, что ты для них ничего не делаешь! Когда бесились кони, что-то я не видела, чтоб ты кому-то помог!

Уннан взвыл и кинулся на меня — после смерти Реела он не голодал, как Борлла, и сейчас был сильнее. Но злоба придавала мне сил: я легко отбросила Уннана и прижала его к земле.

— Каала! — крикнул Аззуен, заглушая мой рык. Когда Уннан напал, они с Маррой кинулись мне помочь, а теперь, когда я чуть не вцепилась противнику в глотку, летели нас разнимать. Я пришла в себя и отступила от Уннана, мне стало стыдно: хотела утешить, а сделала только хуже... Нельзя было давать волю чувствам!

— Илшикк! — прошипел Уннан, и я сжалась от отвращения. «Илшикк» значило «волкоубийца»: такие волки вечно оставались одиночками, их не принимали в стаю.

Не глядя на Уннана, я вернулась к Аззуену и Марре, и мы продолжали поиски, пока,

сморенные усталостью, не упали без сил на траву.

Я почти засыпала, когда резкий шепот Аззуена заставил меня вздрогнуть.

— Верховные волки!

Франдра и Яндру показались на краю равнины. Наши к тому времени перенесли поиски Борллы в дальнюю часть поля, примыкавшую к территории людской стаи, и сгрудились вместе, переговариваясь беспокойным шепотом. Интересно, что они обнаружили...

Рууко и Рисса подошли поприветствовать верховных волков — странно, ведь Франдра и Яндру сказали, что будут отсутствовать... Еще больше я удивилась, сколько гнева таили движения Рууко, когда он подходил к верховным волкам. Из-за дальности я не слышала его слов; Яндру тут же бросился на него и прижал к земле, затем что-то сказал и отпустил. Несколько мгновений они яростно спорили, затем верховные волки ушли с равнины. Я боялась, что они снова выбранят меня за встречу с человеческой девочкой, однако в мою сторону они даже не посмотрели. Зато Рууко бросил на меня свирепый взгляд, так что я отступила подальше, но он лишь издал повелительный клич и увел стаю с равнины.

Приведя нас обратно к лежащему дереву, Рууко запретил обсуждать исчезновение Борллы, Рисса не отвечала ни на какие вопросы. Вожаки не позволили Минну продолжать поиски — и никому из нас не сказали, что же удалось найти на дальнем краю поля.

— Охотимся как обычно, — только и услышали мы. — Остальное не обсуждается.

* * *

Я дождалась, пока стая уснет, и потихоньку направилась к равнине Высокой Травы. Если все верят, что стае послан дурной знак, и считают меня причиной, то нужно выяснить как можно больше. Особенно интересно, почему нас не пустили на край поля, ведь взрослые что-то нашли...

Аззуен увязался за мной, я не возражала.

День выдался трудным, я почти в изнеможении добралась до места, где закончились поиски. После появления верховных волков Рууко увел нас так быстро, что мне не удалось туда подойти.

Я опустила нос к самой земле. Запах стаи, след Франдры и Яндру — и слабый запах Борллы. Над всем вился тончайший, едва уловимый аромат, который я даже не сразу учуяла. Сердце забило сильнее, я замерла и перепроверила еще раз, чтобы не ошибиться. Да, знакомый едкий запах, смешанный с ароматом мяса, соли и пота: запах человека.

— Верховные волки запрещают нам подходить к людям, — повернулась я к Аззуену, — а сами ими пахнут. Как так?

— Не знаю, Клала. Лучше не выяснять.

— Ну уж нет, я выясню. Сначала владыки спасают мне жизнь, затем пропадают на четыре месяца — а тут появляются дважды за несколько дней. Рууко снова на меня зол, Иллин рассказывает о дурном знаке и о том, что я могу приносить несчастье, — и все как-то связано с людьми. Надо доискаться до причин. Выяснить, почему я отличаюсь от других.

Аззуен не сводил с меня озабоченного взгляда.

— Тогда найди верховных владык и спроси, только не вздумай вновь идти к людям — я же знаю, тебя только туда и тянет. — Так легко читает мои мысли, даже досадно... Аззуен подступил ближе, я почувствовала его теплое дыхание. — Ты ведь слышала, что сказала Иллин. Тебе нельзя рисковать.

— Знаю, — тихо ответила я и взяла в зубы клочок травы, пахнущей стаей, Борллой, верховными волками и людьми — всем сразу. — Я туда не пойду. Обещаю.

Обманывать Аззуена не хотелось, однако я должна была выяснить истину — чем занимаются верховные владыки, как это связано с исчезновением Борллы и с моим положением в стае. И при чем тут люди.

И еще меня тянуло к человеческой девочке.

Для меня она оставалась «девочкой», хотя я уже знала, что люди зовут ее Тали: сидя в засаде и наблюдая за их стаей, я слышала, как взрослые самки окликают ее этим словом.

Самки у людей назывались женщинами, самцы — мужчинами. Слово «руки» для передних лап я слышала и раньше, а теперь узнала, что про окончности задних ног они говорят «стопа», а про шерсть — «волосы». Вся стая называлась «племя». Днем они вели себя активнее, чем ночью, при холодной погоде покрывали себя шкурами хищников и добычи; волчьих шкур я ни разу не видела, и сама мысль о них заставила меня содрогнуться.

Ветер охлаждал уши и пробирался сквозь густеющую к зиме шерсть; летняя жара сменилась прохладой, вылазки к людскому лагерю стали приятнее. Я разгребла под собой мягкую землю, чтобы устроиться поглубже, и улеглась на верхушке холма. Рядом со мной нетерпеливо встряхнул перьями Тлиттоо.

— Целую луну только и делаешь, что приходишь и смотришь. Трусиха.

Я не ответила, лишь насторожила уши и потянула носом воздух, чтобы найти девочку: в мешанине запахов на человеческой поляне ее аромат отыскаться не сразу. Сейчас, в середине дня, люди занимались кто чем: одни скребли шкуры заостренными камнями, другие приделывали к коротким толстым палкам что-то похожее на кость, многие толпились вокруг костров. Сначала я не понимала, зачем им огонь в теплую погоду и при солнечном свете, но до меня долетел запах обожженного мяса — и я догадалась: на кострах жарят добычу. При виде оленьего мяса, которое на длинных палках держали над огнем двое мужчин, у меня потекли слюнки.

Вдруг послышался шум — четверо молодых самцов, размахивая заостренными палками, пронеслись по поляне, словно преследуя добычу на охоте. Мне вдруг нестерпимо захотелось поучаствовать в игре — она угадывалась с первого взгляда...

Тлиттоо зарылся клювом в мешанину листьев, прутьев и лисьего помета, якобы в поисках жуков, и, выждав миг, швырнул мне в морду грязным комом.

— Хватит на них глядеть, волчица-глупица, ничего нового не разглядишь, — каркнул он. — Пора задело: скоро зимний переход, тогда из стаи незаметно не улизнуть.

Грязь попала в нос, я чихнула и заодно помотала головой, стряхивая с уха жухлый лист и сгусток помета. О моих вылазках к человеческой поляне знал один Тлиттоо — и то лишь потому, что от него не скроешься. Аззуен и Марра после приключения с табуном не отходили от меня ни на шаг, но от них я умудрялась сбегать, зато избавиться от ворона было не легче, чем отчистить шкуру от скунсовой вони: не стоило и пытаться.

— Уж за тобой-то верховные волки не пожалуют, — буркнула я. — И из стаи тебя не выгонят.

Весь месяц, со времени спасения девочки и исчезновения Борллы, меня так и тянуло войти в людской лагерь. Я сдерживалась изо всех сил: не настолько я спятила, чтобы разгуливать по их поляне среди бела дня, — незачем добиваться, чтобы меня изгнали из стаи прежде, чем я сделаюсь полноправной волчицей Быстрой Реки. Однако совсем не приходиться к лагерю я не могла.

— Верховолки от нас что-то скрывают, волчонок, — вдруг серьезно произнес Тлиттоо, не спуская с меня тревожных глаз. — Они знают о людях больше, чем говорят.

— Вот когда пройду испытание охотой и меня примут в стаю — тогда и решу, идти мне к людям **или** нет.

Тлиттоо недоволен заворчал. Он считал, что Рууко и не подумает принять меня в стаю даже после первой охоты и зимнего путешествия, но я гнала от себя эту мысль. Если я выдержу оба испытания, Рууко даст мне знак роммы, хочет он того или нет. Таков волчий закон.

В конце концов я различила запах девочки: она сидела с другими самками в тени небольшого навеса, держа перед собой камень, похожий на половинку пустой тыквы. В нем она что-то растирала другим камнем, потоньше, и при каждом ударе в воздухе разносился запах тысячелистника и какого-то незнакомого растения. Лицо девочки оставалось спокойным и сосредоточенным, она издавала тихий звук, похожий на гудение или жужжание. Мне вдруг нестерпимо захотелось к ней подойти — даже шкура зачесалась и земля под брюхом сделалась колкой.

Повеяло знакомым теплом, и я обернулась, ожидая увидеть волчицу из давнего сна. Рядом никого не было. «Должно быть, и вправду схожу с ума», — успела подумать я, как вдруг в воздухе сгустилось облако едко-можжевельного запаха и, подхваченное порывом ветра, понеслось к людскому лагерю.

Девочка подняла голову. Я лежала слишком далеко, ей меня не разглядеть — и все же она смотрела прямо на меня, как может смотреть дичь, почуявшая приближение хищника. Потянувшись в мою сторону, она вскинула лицо, словно нюхая воздух, и вдруг привстала.

Я поднялась. Отметина на груди потянула меня вперед, и, как я ни сопротивлялась, ноги понесли меня к девочке. Я не чувствовала ароматов растений, не слышала беспокойного трепыхания Тлитоо, даже люди слились для меня в один запах, а их голоса — в один гул... я различала одну лишь Тали.

Вдали раздался вой Рууко: вожак собирал стаю. Я мотнула головой, словно вытряхивая из ушей зов, и присела перед прыжком, готовая нестись по холму вниз, к людскому лагерю.

Тлитоо больно клюнул меня в хвост. Я чуть не взвизгнула и уставилась на него.

— Очнись, волчонок! Сейчас не время! Вожаки зовут на охоту!

Вой Риссы слился с голосом вожака. Я не могла не откликнуться на зов и, выдохнув, отступила назад.

— Волчица-глупица, — любовно проговорил Тлитоо. Хотелось цапнуть его за хвост, но что толку — все равно упорхнет...

Наваждение, тянувшее меня к людям, прошло, я побежала к реке. Переплыв на свой берег, я вывалилась в речном иле, чтобы отбить запах людей, и снова окунулась в реку. Выйдя из воды и отряхнувшись, я повернула было домой, как вдруг рядом зашелестела листва и до меня долетел запах Аззуена. В тот же миг из прибрежных кустов показалась его морда.

— Хорошо, когда у волка чуткий слух, — каркнул над головой Тлитоо, усевшийся на ветку ивы подальше от того места, где я стряхивала с себя воду. Он глянул на меня и рассмеялся своим скрипучим смехом: — Скоро ночь!

Застигли врасплох!
Ворон ей мог бы помочь.
Нет. Ночь, пора спать!

Он помолчал и вновь раскрыл клюв:

Волчице поздно выведывать.
Ей теперь
Слушать ворона.

Прокричав так, Тлитоо улетел и оставил меня объясняться с Аззуеном. Я-то думала, что сумела избавиться от слежки, которую устроили они с Маррой...

— Ты ходишь смотреть на людей, — без предисловий заявил Аззуен в ответ на мой гневный взгляд. — Уже целый месяц.

Я почуяла запах Марры, она явно скрывалась где-то поблизости. Наверное, вон в тех кустах справа...

— Тебе-то что? — бросила я.

— Ты обещала, что будешь держаться от них подальше. Могла бы мне сказать — мы ведь друзья.

Я почувствовала себя виноватой. И заодно удивилась: Аззуен раньше со мной не спорил, только делал что скажут...

— Не хотела тебя беспокоить. Ты стал бы волноваться, — неуверенно проговорила я и повернулась к кустам: — Марра, выходи!

По земле мягко зашлепали лапы — Марра вынеслась из кустов, кинулась ко мне,

приветственно лизнула в морду и наклонилась к реке напиться.

Аззуен фыркнул:

— Я-то о себе позабочусь. А вот тебе бродить одной лучше не надо.

— Она хочет приберечь людей только для себя, — ответила ему Марра, продолжая лакать воду, а потом взглянула на меня: — Лучше, если мы будем с тобой. Тогда ты не наделаешь глупостей.

— Как вы узнали, куда я хожу?

— Следили, — признался Аззуен. — Еще ворон, от него столько шуму...

Марра села на землю, не сводя с меня глаз.

— Нам стало интересно, где ты пропадаешь.

— Хватит за мной бегать! — взорвалась я. — Вам что, больше делать нечего?

Аззуен с Маррой слегка поджали хвост и уши, еще больше меня смутив. Они ведь за меня заступились после вылазки к табуну! И в детстве помогли мне отбиться от Борллы с Уннаном. Я им так многим обязана...

Я вздохнула:

— Когда в следующий раз пойду — скажу. Хвосты и уши вмиг встали торчком.

— Лучше пошли смотреть, как взрослые охотятся, — сказала я, оборачиваясь на очередной зов Рууко.

— Может, в этот раз нам дадут поучаствовать, — мечтательно протянул Аззуен.

— Может, вороны отрастят шерсть и загрызут туров? — фыркнула Марра.

Я не могла не рассмеяться. Последняя неловкость исчезла, я ткнулась носом в щеку Марре и потом Аззуену — и ответила воем на призыв Рууко.

Глава 11

В ту ночь стая вернулась без добычи.

Спустя четверть луны, во время отдыха, нас разбудил странный вопль — то ли предсмертный стон лошади, то ли волчий вой. Оказалось, так ревет лось.

Рисса подняла голову и понюхала воздух.

— Пора щенкам выходить на охоту, — решила она.

Мои уши поднялись торчком, сердце забилось быстрее. Марра рядом со мной взвизгнула от восторга. Рисса слишком долго не брала нас на охоту — я даже начала подозревать, что мы, пожалуй, станем годовалыми раньше, чем научимся преследовать дичь. Аззуену и остальным исполнилось уже полгода, я приближалась к тому же возрасту, и все же после происшествия с табунном Рисса избегала подпускать нас к крупной добыче.

Первой к Риссе подскочила Марра, мы с Аззуеном прибежали следом и запрыгали от восторга в подобию охотничьего танца, который так часто видели у взрослых. Уннан, подошедший позже, не выказал особой радости.

Рисса обвела нас глазами. Мы уже были почти с нее ростом и становились сильнее день ото дня. Она улыбнулась — кажется, впервые со смерти Реела.

— Пора, — повторила она больше для себя, чем для нас. — Нельзя же вечно держать вас в логове. Идем на Великую Равнину — охотиться на лосей!

Подошедший Рууко коснулся носом ее щеки и кивнул, глядя на нас:

— Да, и вправду пора. Посмотрим, как справятся. — Вожак окинул нас взглядом. — Лоси опасны. Раньше мы охотились на их мелких собратьев, пока люди не вытеснили тех из Долины. Нынешние лоси сильны и упорны, их нельзя недооценивать.

Рууко убедился, что его все слышат, и, повторив вой, повел нас на первую охоту. Даже грозные взгляды вожака не уняли нашего восторга, и мы, вслед за ним повернув с поляны в чашу, то и дело перескакивали на ходу друг через друга, не в силах унять.

Лапы упруго касались мягкого покрова из листьев, одевшего землю. Я пыталась вспомнить все, что нам в последние луны рассказывали об охоте, но не могла сосредоточиться. Первой охоты я ждала с детства, сколько себя помню. Охота — главное,

что делает нас волками. Давным-давно мир был поделен на охотников и добычу, и волки сделались лучшими охотниками из всех. Легкие дают нам надежное дыхание и способность бежать долго; зубы из осколка волчьей звезды крепки и остры; от чуткого уха не укроются даже мысли зверей, от глаз — самое мимолетное движение, нос ловит тончайшие оттенки запаха, а лапы могут унести нас хоть на край света. Однако главное — отвага и охотничья смекалка, другие способности без них ничто. Показать себя умелым охотником — значит пройти одно из четырех испытаний. После охоты и зимнего путешествия мы станем настоящими волками и Рууко с Риссой совершат над нами обряд, который наделит нас взрослым запахом — запахом стаи. С тех пор, где бы мы ни были, нас будут узнавать как волков Быстрой Реки. Конечно, никто не ждет от нас добычи на первой охоте, но если б мне удалось показать себя смелым охотником!.. Тогда Рууко и Рисса увидят, что я вправе войти в стаю и получить знак роммы. Никто не посмеет сказать, что я недостойна имени настоящей волчицы!

До Великой Равнины, раньше казавшейся недостижимо далекой, мы добрались на удивление быстро. Я не была здесь с тех пор, как мы шли от зимней поляны к новому месту у лежачего дерева. Даже сейчас, осторожно ступив на траву лапой, я почти ожидала, что равнина поглотит меня или навеет прежнюю слабость и безнадежность. Однако ничего особенного не произошло. На равнине веяло запахом от меток Рууко и Риссы: любому волку было ясно, что здесь территория нашей стаи — такая же, как и равнина Высокой Травы, и любая другая часть наших земель.

Сейчас равнину заполняли лоси, чистый лунный свет обрисовывал их высокие горделивые силуэты. Аромат тел заглушал даже запахи жуков и муравьев в траве под ногами, от лосиных шкур исходило тепло. Огромные — намного выше коней, крупные, как два взрослых волка, — лоси поражали мощным мускулистым сложением, их длинные ноги явно были созданы для долгого бега. Громадные рога у самцов, раскинувшиеся на ширину не меньше лосиного роста, выглядели устрашающе. Интересно, какую шею надо иметь, чтобы таскать на голове такую тяжесть... О том, что будет с волком, поддетым на рога, думать не хотелось.

Слева от нас, у огромного полукруглого валуна, толпилось не меньше сотни самок, окруживших крупного самца; на другом краю равнины еще один самец возглавлял толпу вдвое меньшую. Судя по запаху, лоси на равнине бродили группами, где на одного взрослого лося приходилось несколько лосих, по краям таких групп паслись молодые самцы. Время от времени по равнине разносился резкий пронзительный рев.

Веррна, Иллин и Минн добрались до равнины раньше нас и уже носились между лосями. Рууко поспешил к ним.

— Подходящее время для охоты на лосей, — объяснила Рисса, ведя нас по краю равнины легким размашистым шагом, каким волк, преследующий добычу, способен бежать чуть ли не целую ночь. — На летней траве лоси нагуляли вес и силу, а сейчас они заняты спариванием и мало смотрят по сторонам. Самое время нападать.

Будто подтверждая ее слова, ближайший к нам самец поднял голову и взревел на всю равнину, заявляя остальным свои права на самок. Я чуть не выпрыгнула из шкуры от неожиданности: бежать почти вплотную к таким великанам — совсем не то же, что смотреть на них издали.

— Они собирают вокруг себя самок, с которыми намерены спариваться. — Хоть Тревег и не упускал случая посетовать на старость, он дышал на бегу легко и ровно и ни на шаг не отставал от Риссы. — Сильные самцы в это время чутки, их лучше не трогать, могут сами напасть на охотника. Поэтому сейчас мы охотимся на самок. Они толпятся вместе, среди них есть слабые. Можно еще нападать на старых или совсем молодых лосей, неспособных увлечь самку. Они слабее других.

— Уж не знаю, кому они покажутся слабыми, — неуверенно сказала Марра.

Рисса остановилась, мы сгрудились вокруг нее, бурно дыша не столько от усталости, сколько от возбуждения. Аззуен с Маррой прижались ко мне. Рууко, Веррна и однолетки

легко сновали между лосями, которые не обращали на них внимания.

— Наверное, лоси как-то чувствуют, что мы еще не охотимся всерьез, — предположил Аззуен.

— Верно, — кивнула Рисса. — Дичь, которая убегает раньше, чем мы начнем охоту, лишь показывает свою слабость. А распознавать, всерьез ли нападает волк, их учат еще в детстве.

— Иначе им пришлось бы только бегать, они просто рухнули бы от усталости, — добавил Тревегг.

Вдруг Иллин свернула и устремилась к ближайшей лосихе — явно без угрозы, просто испытать. Лосиха, увидев ее, вздернула голову и подняла копыто — и Иллин, уклонившись на бегу, пронеслась мимо.

— Лосиха показывает, что вцепиться в горло она не даст, — объяснил Тревегг и фыркнул. — Иллин могла бы и догадаться: самка еще полна сил и погибать не намерена. Выбрать добычу — на охоте главное. Не важно, насколько сильны ноги и остры зубы: если не думать головой — ничего не выйдет. Разум отличает нас от прочих, он-то и делает нас умелыми охотниками.

Я вздохнула: каждый раз взрослые говорят одно и то же.

— Послушайте, щенки! — рявкнула Рисса. Нетерпение владело не мной одной: Марра рычала так, что ее наверняка слышали на равнине, а Уннан беспокойно рыл землю лапами. — Смотреть — не охотиться: на поле вас захватит азарт, и все может кончиться бестолковой гонкой. Учитесь!

Я вспомнила, как пыталась охотиться на лошадей, и решила, что не повторю тех ошибок. Уши встали торчком, я выпрямилась и прислушалась к дыханию молодой самки, пробегающей мимо, — оно казалось ровным и легким. Тогда я попробовала поймать взгляд лосей, пасшихся группой неподалеку, и невольно поползла вперед на брюхе. Передние лапы отзывались болью после моих вылазок на холм у людского лагеря. Какая-то лосиха, увидев меня, взглянула прямо в глаза — и мое сердце подскочило чуть ли не к горлу.

«Кто ты такая, чтоб считать меня добычей? — казалось, говорила она, пригвоздив меня к земле надменным взглядом. — Еще многие годы мне бегать по траве, многие годы приносить телят. Не гневи меня: я затаптывала волков и покрупнее».

Она вдруг напомнила мне лошадей перед внезапно налетевшим на них безумием. Я встряхнулась.

— Та лосиха — не добыча, — засмеялась Рисса. — Обращай внимание вот на что: порой у них бывают паразиты, лоси устают и делаются медлительными. А у стариков из-за болезни костенеют суставы. Такое распознается по запаху и на слух.

— Еще помогает просто наблюдать, — добавил подошедший Рууко. — Когда животному осталось недолго жить, это видно. Замечайте, как оно на вас реагирует: склоняет ли голову, вздрагивает ли. Если боится — значит, тому есть причина. Если не боится — тоже.

— По осанке видно, что она сильна, — тихо сказал Аззуен, кивая в сторону глядевшей на меня лосихи. — И шкура у нее толстая и блестящая.

— Правильно, волчонок, — удивленно отозвался Рууко. — Так и нужно смотреть.

Рууко опустил морду и одобрительно коснулся щеки Аззуена. Я обрадовалась: наконец-то вожак оценил его сообразительность — чуть ли не впервые! Аззуен, поднявшись, благодарно лизнул морду Рууко и повернулся ко мне; я ткнулась носом в его щеку, и он лизнул меня так же, как жожака. Глядя на Аззуена и Марру, которые держали хвост и уши чуть ниже моих, Уннан тоже приопустил хвост.

Рууко грозно смерил меня взглядом — я даже испугалась, что укусит. Однако он перевел взгляд на равнину, где остальные волки носились среди лосей. Иллин с Минном подбежали к нам.

— Легкой добычи в стаде нет, — доложил Минн, шлепаясь брюхом на землю вместе с запыхавшейся Иллин. Веррна еще сновала между лосями. — Придется их загонять.

Ему самому, похоже, такой исход нравился больше всего.

— Когда не получается определить слабую дичь, мы заставляем лосей от нас убегать, — объяснил Тревегг, цапнув зубами муху, присевшую ему на морду. — Когда стадо большое, лучшего способа нет. Вот чем ценны однолетки вроде Иллин и Минна: охоту они знают хуже, чем взрослые волки, — тут Тревегг строго глянул на однолеток, в ответ забивших по земле хвостами, — зато быстро бегают и могут загнать не одно животное. То же предстоит и вам, щенки, если вы останетесь в стае на будущий год.

Рууко встал и потянулся.

— Иллин с Минном, ступайте загонять лосей. А вы, щенки, присоединитесь, когда они найдут подходящую жертву. Можете охотиться все вместе, а можете поодиночке с кем-то из взрослых. Оба способа полезны, рано или поздно вы должны им научиться.

— Я буду в одиночку, — быстро сказал Уннан. — Я не боюсь.

Я раздумывала. Мне тоже хотелось охотиться одной, но я по-прежнему чувствовала вину за то, что убегала к людям без Аззуена и Марры. Теперь они выжидательно смотрели на меня и молчали.

— Ну что, щенки? — поторопил Рууко. — Чего ждете? Я надеялась, что они подадут мне хоть какой-то знак, и тут Аззуен дернул ухом, а Марра подняла морду.

— Мы втроем будем охотиться вместе, — сказала я тихо.

Марра припала на передние лапы и завалила хвостом, Аззуен радостно взвизгнул. Рууко еще раз смерил меня взглядом — то ли недовольным, то ли смущенным — и собрался что-то сказать, но его опередил Тревегг:

— Она доминирующий щенок, Рууко, разве ты не видишь? — Старый волк чуть ли не радовался замешательству вожака. — После вылазки к табуну Аззуен и Марра ходят за ней хвостом.

Рууко издал такой низкий рык, что я скорее почувяла его лапами, а не ушами.

— Ну что ж, — процедил он. — Эти трое идут со мной. Уннан, охотишься с Тревеггом.

Тревегг сощурил глаза, но подчинился, и они с Уннаном направились на равнину.

Рууко вывел нас троих вперед, почти вплотную к животным. Сердце билось сильнее обычного: наконец-то мы охотимся!.. Сквозь густую чащу лосиных тел я видела, как Иллин и Минн испытывают добычу. Минн попытался было угрожать старой иссохшей лосихе, но та не сходила с места, и Минн, обменявшись взглядом с Иллин, устремился в самую гущу стада, а Иллин полетела за ним. Теперь игра шла всерьез, в глазах однолеток зажегся охотничий огонь; стадо, мгновенно почувявшее перемену, забеспокоилось. Не давая добыче опомниться, Иллин с Минном кинулись на скопище лосей, и те пустились прочь, преследуемые волками. Однолетки на бегу разделили стадо надвое и бросились вслед за более медлительными, потом разбили их на две группы и вновь погнались за теми, кто выказал меньше прыти, и снова разделили их надвое и еще раз надвое, пока перед волками не остались лишь самец и самка; самец, за которым гналась Иллин, рванулся вправо, а преследуемая Минном самка — влево. Краем глаза я увидела, как к лосихе с Минном несутся остальные волки — сначала Рисса с Веррной, потом Иллин, уже отогнавшая своего лося подальше. С ликующим визгом Марра кинулась вслед за самкой; лапы ее замелькали так быстро, что слились в одно пятно. В тот же миг к лосихе бросились и Тревегг с Уннаном.

— Давай! — крикнула я Аззуену и рванула было вперед, но вожак заступил мне дорогу.

— Куда, щенок? — прорычал он.

— Охотиться, — ответила я, стараясь сдержать азарт и говорить уважительно.

— Не тебе, — бросил он. — И не сейчас.

— Почему?

— Смеешь перечить вожаку? Я не желаю, чтоб ты сегодня охотилась, и все. Оставайся здесь. Не подчинишься — вон из стаи.

Рууко устремился вперед, к остальным.

К этому времени лосиха оторвалась от преследования — в этом не было ничего

удивительного, добыча срывается десять раз из дюжины. И все же я не находила себе места.

Стая пыталась отбить лосей еще трижды, и каждый раз я одна сидела в стороне. Наконец уставшие волки вернулись к лесу.

— Почему ты не со всеми, Каала? — спросила Рисса. — Пока не выйдешь на охоту, настоящей волчицей тебе не стать.

Я не знала, накажет ли меня Рууко, если я ей все выложу. Однако Рисса не стала ждать ответа, лишь вздохнула и устроилась на отдых.

— Остаемся на Великой Равнине, — проговорила она сонно. — На следующей охоте должно повезти.

С восходом солнца волки один за другим легли отдыхать под деревьями на краю равнины; Аззуен с Маррой пытались устроиться рядом со мной, но я их прогнала. Когда все уснули, я встала и потихоньку направилась к людскому лагерю. Дожидавшийся меня Тлиттоо вспорхнул и полетел впереди.

Тяга к людям отличает меня от прочих, из-за людей меня ненавидит Рууко. С людьми связана тайна моего рождения. Кто я на самом деле, вправду ли приношу несчастье, примут ли меня в стаю Быстрой Реки?.. Остаться в неведении больше не было сил.

Глава 12

Как и в прошлый раз, девочка сидела и тонким длинным камнем измельчала растения, насыпанные во второй, полукруглый камень. На этот раз рядом никого не было. Я не представляла, как к ней подобраться, только знала, что без этого в стаю не вернусь. При воспоминании о стае на меня вновь нахлынул стыд вместе со злостью: о том, что я не охотилась, теперь знали все.

Прошел час; девочка встала и направилась к постройке из камней и глины — ближней ко мне. Постройка занимала меня уже давно: человеческий запах был в ней слабее, чем в других, она пахла растениями и лесом.

Стараясь не шуметь, я выбралась из-под куста и поползла на брюхе к краю лагеря. Рисса и Тревег предупреждали, что при дневном свете люди видят хорошо, и я двигалась осторожно. В воздухе еще витал запах стаи, оставленный две луны назад, во время вылазки за мясом; я старалась от него не отклоняться.

— Ты куда, волчица? — проскрежетал над ухом Тлиттоо.

— К ней. Не шуми.

— Наконец-то! — каркнул он так, что я вздрогнула. — Я тебе помогу, к воронам люди привычны!

— Ну уж нет, — испугалась я. — Лучше подожди здесь! Поздно. Тлиттоо, вылетев на середину людской поляны, уже орал во всю глотку:

Сюда, сюда, эй!
Глядите, ворон в небе!
Волков близко нет!

Я поморщилась. Люди, прежде не поднимавшие головы, отвлеклись от работы и теперь глядели на Тлиттоо, заодно озираясь на деревья вокруг поляны. Старый самец запустил в ворона косточкой от какого-то плода, еще кто-то швырнул в него обугленный камень. Тлиттоо увернулся, скользнул к ближайшему валуну и стащил с него кусок жареного мяса, выложенный подсушиваться на солнце. К прежним самцам присоединились другие, и вся толпа ринулась за вороном, швыряя в него камнями, палками и чем попало еще. Им вслед смотрели двое мужчин, оставшиеся у костра. Тлиттоо радостно вопил:

Камнем не попасть!
Лучше кидайтесь мясом!

Точно долетит!

Я помотала головой. Вот так и мечтай проникнуть в лагерь тихо и незаметно... И все же, пока люди бегали за Тлитоо, я умудрилась проскочить открытое пространство и притаиться за низким навесом поблизости от пахнущего травами логова.

Теперь надо было пересечь еще один участок, где не скроешься под деревьями. Собравшись с духом, я выступила из укрытия; Тлитоо в тот же миг с оглушительным воплем спикировал на второй кусок мяса, люди шумно кинулись вслед.

— Вот же крикун неумный, — пробормотала я, метнувшись к пахнущему травами логову, и спряталась за задней стеной. На высоту двух волков постройка была сложена из камней, поставленных один сверху другого, выше тянулась стена из глины и речного камыша; большие деревянные стойки поддерживали травяную крышу. По запаху было ясно, что девочка в логове одна. Надеюсь, что Тлитоо на этот раз не раскроет клюва, я прижалась к земле и осторожно поползла к отверстию в камне и глине, через которое девочка входила в логово.

Отверстие прикрывали антилопьи шкуры, соединенные непонятным образом; девочка, когда входила, отодвигала их в сторону. Стелясь по земле, я протиснулась внутрь. Постройка оказалась большой и закругленной, на восемь прыжков в ширину и десять в длину, вверху она сходила на нет, как пещера или просторная нора под корнями дерева. Вдоль стен шли деревянные выступы, на которых стояли округлые предметы — жесткие высушенные тыквы и такой же формы сосуды из камня или затвердевшей кожи, там же лежали сложенные куски мягких оленьих шкур. От каждого сосуда пахло листьями или корнями лесных растений. Многих запахов я не знала и непременно взялась бы нюхать, когда бы запах девочки не затмевал для меня все остальное.

Маленькими умелыми руками девочка перебирала кусочки ивовой коры. Глядя на сосредоточенное лицо, я заметила, что нос у нее мал и рот совсем не выделяется, глаза сравнительно большие, а волосы сплошным покровом падают вдоль спины. Она не слышала, как я вошла; я встала у самого входа — так, чтобы снаружи не заметили и чтобы сразу выскользнуть в случае угрозы. Набравшись храбрости, я тихонько тявкнула.

Девочка обернулась и от неожиданности выронила сложенную оленью кожу, куски ивовой коры полетели на землю. Я заметила, что кора похожа на летнюю, сухую, хотя уже долгое время лили дожди. У девочки перехватило дыхание, она испуганно попятилась к задней стене логова. Хотя я и знала, что медведи и длиннотрусы порой убивают людей, мне стало не по себе: ведь если бы не запрет, волки тоже могли бы считать человека добычей. И все же ее страх показался мне чрезмерным.

Захлопали крылья, и Тлитоо протиснулся в щель между антилопьиными шкурами. Оглядевшись, он важно встал рядом со мной и тут же с любопытством склонил голову. Через миг он уже склеивал ивовую кору у ног девочки.

— Тьфу! — с отвращением плюнул он. — Невкусно, язык немеет!

Он осуждающе поглядел на девочку.

— Кш-ш! — Она топнула на него ногой, по-прежнему не выпуская меня из виду.

Тлитоо тут же взлетел на полку и принялся рыться клювом в кожаных емкостях.

— Прекрати, — взмолилась я. — Ты только мешаешь.

— Я голоден, — заявил он, не отрываясь от поисков. — Тут все лесные травы, какие хочешь. Попробуй ее отвлечь, я найду съедобные семена.

Девочка подхватила пук пшеницы, прикрепленный к камышовому стеблю, и замахнулась на Тлитоо:

— Пошла вон, птица! — Она снова топнула ногой. — Травы и семена не для тебя!

Поглядывая то на меня, то на девочку, Тлитоо подлетел к выходу из логова и уставился на нас, перекачивая kloчущий звук где-то глубоко в горле. Девочка как-то странно выдохнула, потянулась на верхнюю полку и, достав из каменной тыквы горсть просяных зерен, рассыпала их на земле. Тлитоо с довольным ворчанием принялся их подбирать.

Девочка вновь посмотрела на меня, уже не так настороженно. Метка у меня на груди приятно потеплела, а Тлитоо оторвался от зерен и провел клювом по белой отметине на левом крыле.

В каменно-глиняной постройке было прохладно, не хуже, чем в волчьем логове. Теперь я понимала, почему люди их строят: когда есть крепкая нора, можно долго оставаться на одном месте. Правда, не всегда такая жизнь удобна, ведь если лошади уйдут с равнины и у лосей закончатся брачные игры, мы пойдем вслед за дичью, а люди?

Я старалась не двигаться. Девочка села на задние лапы, уважительно, как любой волк, и протянула ко мне руку. Мы сидели на расстоянии двух прыжков друг от друга, и когда я почувствовала, что она больше не боится, я чуть подвинулась вперед. Девочка, сидя на задних лапах, тоже подползла немного ближе. Шаг за шагом мы подбирались друг к другу, пока ее мягкая рука не коснулась моего плеча. Я наконец вспомнила, что можно дышать, и ее волосы чуть шевельнулись от моего выдоха. Я ткнулась носом в ее ладонь, а она с улыбкой издала что-то похожее сразу на тьякканье и на выдох. Смех, с облегчением поняла я.

Я уже придумала, что ей скажу: позову вместе охотиться и уведу подальше от людей. Но теперь я не находила слов, просто сидела и смотрела на девочку. Ее черные глаза поглощали свет и не походили на волчьи — скорее уж на вороновы, только без второго века. Она несколько раз мигнула, глядя на меня.

Тлитоо каркнул, о чем-то предупреждая.

Послышался звук шагов, запахло человеческим самцом, у входа в логово раздался громкий окрик. Девочка ахнула, вскочила на ноги и, сметя ивовую кору в сложенную оленью шкуру, выскочила из постройки прежде, чем самец успел войти. Стараясь унять бешено колотящееся сердце, я скользнула к задней стене и прижалась к камням постройки. Снаружи, удаляясь, прошелестели легкие шаги и прогрохотал чей-то гневный топот. Текли долгие мгновения — кажется, поблизости никого не было. Хотелось дожидаться девочки, но я уже проголодалась, к тому же в логово рано или поздно кто-нибудь войдет, пора было уходить.

Я высунула нос наружу. Тлитоо смело вышагивал взад-вперед прямо напротив логова.

— Никто не увидит. Выходи!

Припав брюхом к земле, я вылезла из логова и бросилась прочь. Раздался изумленный крик — оказывается, двое людей сидели неподалеку. Я промчалась мимо — в следующий раз буду знать, как доверять воронам...

Несясь по лесу, я чувствовала радость, как перед охотой, меня переполняло тепло. Знаний о Рууко или Борлле у меня не прибавилось, да и положение в стае оставалось по-прежнему ненадежным, и все же будь у меня крылья, я бы летела сейчас над вершинами деревьев, как Тлитоо.

На следующей охоте Рууко еще яснее показал, что подпускать меня к делу не намерен. Лосиху, чьим мясом насытилась в ту ночь вся стая, нашла именно я. И все же вожак не дал мне и близко подойти к охоте.

В этот раз Рисса велела нам четверым залечь в разных местах равнины.

— Присмотрите себе жертву и начинайте преследовать, — велела она. — Только не первую, какая попадется на глаза: найдите самую подходящую. Если выберете правильно, ее погонит вся стая.

Рууко, прыжков за двадцать от меня, что-то говорил Уннану, друг от друга нас отгораживали лоси, и я надеялась, что вожак про меня забудет. Остальные взрослые разбежались по всему стаду — я их даже не видела, лишь чувствовала запах, уверенный и ободряющий. Я знала, что смогу выбрать хорошую добычу.

Я принялась распознавать запахи: все ближайшие лоси пахли здоровьем и силой, поэтому я двинулась в глубь стада, краем глаза заметив, что Аззуен тоже пошел вперед. Я сосредоточилась. От одних лосей веяло запахом слабости, другие казались уставшими. В группе неподалеку явно чувствовалось слабое животное, и я начала пробираться между телами, пытаясь никого не спугнуть.

Внезапно стадо зашевелилось, несколько животных пустились бежать. Оказывается,

Уннан выбрал самого крепкого лося и погнался за ним, но лось вместе с самками унесся в поле. Меня взяла злость: зачем было гнать добычу без причины? Только настораживать лишний раз!.. Однако Рууко лизнул Уннана в знак одобрения, и тот гордо поставил торчком уши и хвост.

— Хвостолиз, — проговорил Глиттоо, садясь на землю передо мной. Из клюва у него торчал кусок жареного мяса; ворон, поведя на меня глазами, подбросил его в воздух и тут же проглотил.

— Иди отсюда, — велела я. — Лосей напугаешь.

— Буду ждать у реки, — заявил он и улетел прочь. Лоси только начали успокаиваться, как Уннан вновь погнался за той же группой. Рисса покосилась на Рууко, и тот что-то тихо сказал Уннану, который сразу прижал уши, снова лег в траву и уже не высовывался.

Надвигалась ночь. Полукруг луны заливал светом Долину, от лосиных боков шел пар. Я не чувствовала усталости, меня слишком захватила охота: если нужно — я провела бы здесь всю ночь. Через некоторое время послышались шуршание песка и топот: Аззуен распугал лосей и выбрал самку, которая явно хромала на бегу. Рууко, наверное, слишком увлекся добычей, чтобы про меня помнить; вместе с Тревеггом и Маррой он первым подскочил к жертве, остальные кинулись вслед. Добыча казалась подходящей, однако лосиха резко повернулась, лягнула копытом воздух, едва не попав Тревеггу в голову, и отбежала к другим самкам. Мы погнались следом, чтобы отбить ее от остальных.

Тогда-то мы и услышали оглушительный рев: из толпы лосих вышел огромный самец. Он снова взревел и угрожающе наклонил голову; стоящие ближе всех Рууко, Марра и успевший закрыть Марру Тревегг застыли на месте. Самец шагнул вперед, опустил огромные рога и оглядел нас полуприкрытыми глазами.

— Это Ранор, сильнейший лось в Долине, — шепнула Иллин. Она принеслась с другого края поля, когда стая погнала лосиху Аззуена, и теперь задыхалась от бега. — Они с Рууко давние враги.

— Как так, он ведь добыча! — недоуменно отозвалась я. — Конечно, при нападении лоси защищаются, но угрожать волку первым?..

— Лось в брачную пору не упустит случая показать силу, мощный самец может убить даже волка. Потому мы и выбираем, на кого напасть.

— А почему тогда Рууко не отступит? — Нас учили сторониться лосей, которые могут быть опасны.

— По той же причине, что и Ранор. Напасть на сильного противника — значит показать всем, что ты бесстрашен.

Странно. Нас учили совсем другому. Вот так всегда: стоит только понять, каким должен быть настоящий волк, как тут же выясняется что-нибудь новое.

— О такой охоте рассказывают позже, когда щенки подрастут, — увидев мою задумчивость, пояснила Иллин. — Без этого нельзя. Противники должны доказать, что они сильны. Ранор смертельно ранил уже не одного волка.

Ранор заговорил. Оказывается, речь лосей нам понятна — ведь слова той самки, что пыталась мне угрожать, я тоже слышала.

— Ты отощал, волк, — бросил Ранор вожаку. — Неужели хочешь напасть?

— Трудить лапы для того, чтоб дать тебе покрасоваться перед самками? Мне нет нужды доказывать свою силу. — Рууко говорил снисходительно, но загривок его встопорчился и тело было напряжено.

— Лишняя похвальба волкам ни к чему, — добавила Рисса, выходя вперед и становясь рядом с Рууко. — Мы отвечаем за жизнь стаи всерьез, не то что вы. Кто-то из твоих самок станет добычей еще до рассвета.

Ранор, не обращая внимания на Риссу, не сводил глаз с вожака. От стада отделился еще один лось, ростом почти с Ранора.

— Йонор, — шепнула Рисса. — Брат Ранора.

— Торелл и волки Скалистой Вершины выйдут с нами биться, — сказал второй

лось. — Они смелей тебя, волчишка. Они волки, а не трусливые кролики.

Рууко встопорщил шерсть. Веррна не отводила от него взгляда, Иллин рядом со мной дышала часто и прерывисто. Вожак ступил навстречу Ранору, тот шагнул вперед и остановился, увидев, что Рууко не убегает. Рууко наклонил голову, Ранор тоже. Несколько мгновений они не шевелились.

— Ну, тогда в другой раз, волчишка, — сказал Ранор и, повернувшись, зашагал обратно к самкам. Йонор последовал за ним.

Рууко встряхнулся и оглядел стаю; при виде меня он недовольно прищурился.

— Продолжаем охоту, — бросил он и повел нас прочь от Ранора и его самок к другим лосям.

Вновь мы поодиночке рассеялись между животными; на этот раз Рууко не упустил меня из виду и снова помогал Уннану. Подходящей добычи не попадалось. Наконец, уже почти на рассвете, я учуяла лосиху, явно не похожую на других. Я подобралась ближе, чтобы понять отличие: с виду-то она выглядела вполне здоровой. И тут вспомнились слова Риссы: больные суставы пахнут по-другому! Вот в чем дело! Лосиха движется скованно, а вместе со странным запахом это знак слабости!

Я осторожно подошла; сердце стучало так громко, словно билось прямо в ушах. На миг я прикрыла глаза и представила, как в прыжке вцепляюсь в бок лосихе, вгрызаюсь в шею, валю на землю... Тело напряглось, и я рванула вперед с неожиданной даже для себя стремительностью. Лосиха вздрогнула и пустилась бежать, от нее запахло испугом: она ведь знала, что я волчица и охотник. Я летела вперед стремительно и плавно, как река, и неистово, как гром, и уже почти чувствовала горячую плоть в зубах.

— Добыча! — крикнула я стае. — В погоню!

Я нутром ощутила вой, краем глаза поймала силуэты волков: они признали мой выбор, они гнались за моей добычей — значит, я охотник! Я бежала быстрее лосихи и, уже нагнав ее, улучила момент и прыгнула...

Тут на меня будто дерево рухнуло — резкий удар бросил меня на землю, надо мной нависла морда Рууко. Мне хватило бы сил подняться, но Рууко вновь налетел и опрокинул меня спиной на траву, острый камень вонзился в бедро.

— Я запретил тебе охотиться!

— А Рисса велела идти всем! Я нашла добычу!..

— Не смей перечить! — Рууко по-прежнему меня не отпускал. — Твое дело ждать и смотреть.

И я ждала. И смотрела, как стая убивает лосиху. Мою первую добычу.

Уннан приписал заслугу себе; Рууко никому не сказал, что лосиху нашла я.

Я даже не пыталась подойти к мясу. Лишь поджала хвост и двинулась прочь от стаи.

Глава 13

Услышав оклик Тревегга, я замедлила шаг. Говорить ни с кем не хотелось, но послушаться старого волка я не посмела, он ведь всегда меня защищал. Тревегг запыхался, хотя прежде он не знал усталости, еще недавно я не успела бы так его обогнать...

— Вы, молодые, слишком легки на ногу, — проворчал он добродушно, поравнявшись со мной.

Я вдруг заметила, что морда его сильно поседела, а зубы сточились. Меня захлестнула жалость: я не представляла, что буду делать, если стая его лишится.

— Мне туда нельзя. Не могу смотреть, как все пожирают мою лосиху.

— Понимаю, — мягко кивнул он. — Потому-то я здесь. Возможно, Рууко так и не даст тебе охотиться, будь к этому готова.

Злоба вдруг отступила, ей на смену пришла безнадежность.

— Почему? Неужели он думает, что Борлла пропала из-за меня? Что я приношу несчастье? — Хоть я и обещала Иллин молчать, все же я должна была узнать правду.

— Рууко пи в чем не уверен. — Тревегг удивился, но, к моему облегчению, не спросил, откуда я знаю про дурной знак. — Однако он не хочет испытывать судьбу.

— Я не надеялась, что он даст мне жить со стаей и после зимы, но почему он не подпускает меня к охоте? Разве мне нельзя становиться волчицей?

— Если ты покажешь себя умелым охотником и переживешь зиму, у вожака не будет выбора: ему придется принять тебя в стаю и дать знак роммы. А если потом станет ясно, что ты приносишь несчастье, то вместе с несчастьем ты будешь везде разносить и запах Быстрой Реки, и тогда Рууко и его стае не поздоровится. Поэтому он не хочет давать тебе запаховую метку. — Тревегг вздохнул. — Кроме того, ты выросла сильнее других, Аззуен и Марра тебе подчиняются. Волки могут потребовать от Рууко, чтоб весной он оставил тебя в стае, а он этого не желает. Будь ты слабой, тебе было бы проще.

Он коснулся носом моей щеки.

— Мне пора назад. А ты и вправду лучше пока не подходи. И подумай, как жить, если я окажусь прав.

— Спасибо, — кивнула я. Дождавшись, пока шаги Тревегга затихнут, я направилась к людям.

У реки, рядом со сторожевой скалой, я остановилась. Скала пахла красным волком, побывавшим здесь до меня; я вспрыгнула на вершину и покрыла его запах своим. Усевшись на скале, я задумалась о словах Тревегга. Как стать настоящей волчицей против воли Рууко?.. Я вдохнула полную грудь воздуха, напоенного запахом берез и терновника, и прикрыла глаза, прислушиваясь к шуршанию ящериц между камнями, к воробьиным ссорам за спиной, к шелесту ветра в деревьях... Вдруг до меня донесся знакомый запах, со стороны Великой Равнины затрещали ветки, — и меня снова обуяла злость: за мной шел Аззуен. Я поднялась на скале во весь рост, глядя на кусты, откуда он должен был появиться. Ветки трещали все ближе — Аззуен явно бежал; потом он понял, что я остановилась где-то рядом, и шаги его замедлились. Кусты под скалой раздвинулись, из них показалась морда Аззуена, и тут же он вылез целиком.

— Я с тобой, — заявил он прежде, чем я успела раскрыть рот.

— Я никуда не иду.

— Ты идешь к людям, и я с тобой.

Злость на Рууко, не подпустившего меня к добыче, вновь захлестнула меня, я зарычала. Уж Аззуену-то не надо отстаивать себя перед вожаком: вертится рядом со взрослыми, его и в стаю примут без хлопот, а мне...

— Иди и жуй свою лосиху, — рявкнула я. — Нагуливай вес, пригодится.

Я ожидала, что он огорченно подожмет уши, и сразу стало стыдно: Аззуен мне всегда доверял и не оставлял одну, я зря его обижаю. Но ведь нужно, чтоб он ушел!.. К моему удивлению, он и не подумал смущаться, лишь сел поудобнее, не сводя с меня глаз.

— Люди — мои! — Я чуть не визжала от бессилия. — Не будь меня, ты бы бросил человеческую девочку на гибель! Тебе что, делать нечего, кроме как за мной ходить? Отвяжись!

Аззуен вспрыгнул на скалу — не угрожающе, однако никак не робко, такой спокойной уверенности я в нем еще не видела.

— Я иду с тобой, Каала, или ты остаешься. Стоит мне подать голос — и сюда примчится Рууко. Я видел, на охоте он сподличал. И хочу тебе помочь. Одну я тебя не пущу.

От неожиданности я не нашла с ответом, меня охватила ярость. Прыгнув на Аззуена, я сбросила его со скалы и попыталась прижать к земле. Но вместо того чтобы перевернуться брюхом кверху и подчиниться, он с рычанием кинулся на меня и опрокинул на спину.

— Только и знаешь, что глупить и упрямиться. — Он удерживал меня лапами и не отводил взгляда. — Я могу тебе помочь.

В бешенстве я извернулась, цапнула Аззуена за морду и сбросила его с себя — ударившись о скалу, он отлетел на землю и тут же вспрыгнул на лапы. Теперь мы стояли в прыжке друг от друга, оскалив зубы и рыча. Я была потрясена, впервые увидев Аззуена

другим — не слабым щенком, а крупным волком: за то время, пока я бегала к людскому лагерю, он вырос почти с меня ростом и раздался в груди. От стыда я поджала уши. Он ведь давно уже не убогий волчонок, каким я его считала, а взрослый зверь, сильный и уверенный. А еще он мой друг...

С тех пор как я дралась в детстве с Уннаном и Борллой, мне не приходилось ни с кем мериться силой. Теперь все было иначе. Драки щенков мало значат, и статус, обретенный в них, сохраняется недолго. Когда тебе больше полугода, все становится по-другому, и мне не хотелось, чтоб моя первая битва, определяющая ранг волка в стае, была с Аззуеном. Наверняка он думал так же. Он заговорил, голос его звучал мягко.

— Я не хочу с тобой драться, Каала. И все же не оставлю тебя одну. И вообще, — он улыбнулся, вздыбленная шерсть вновь спокойно улеглась вдоль спины, — с чего ты взяла, что все люди твои?

Я облегченно вздохнула, чувствуя спиной, как приглаживается шерсть. Мне не хотелось терять Аззуена. День, когда нам предстоит драться за статус в семье, настанет скорее, чем я думала, и после него все переменится. Я всегда считала себя сильнее Аззуена, мне даже снилось, будто я, вожак стаи, милостиво возвожу его в ранг своего помощника и защищаю от нападок более сильных волков — как всегда делали вожаки, выбирая себе помощника умного, но не обязательно сильного. Мне не приходило в голову, что Аззуен сможет защитить себя и сам. И теперь, при взгляде на его блестящие глаза, гладкий мех и сильные плечи, я устыдилась того, что так долго считала его вечным щенком и прочила в низкохвосты.

Аззуен глядел на меня выжидательно.

— Если не отстанешь, — бросила я, — то так и быть, пойдем.

Громко тьякнув, Аззуен принял вызов, и мы в полную мощь пустились бежать к реке, там кинулись в воду и поплыли наперегонки; на дальнем берегу я оказалась лишь на нос раньше Аззуена. Мы остановились отряхнуться, и я мягко тронула его плечом, лизнув в щеку, — я видела, так делала Рисса, оставаясь наедине с Рууко. Аззуен застыл от неожиданности. Оставив его в смущении, я побежала дальше, в сторону людского лагеря, через миг он меня догнал. Тлитoo, должно быть, следивший из-за деревьев, взлетел над нашими головами.

— Эй, щенки, до брачной поры еще далеко! — каркнул он.

Я недовольно поморщилась, зато Аззуен улыбнулся во всю пасть. Тлитoo глянул на меня, склонив голову набок:

— Если ты покончила с попытками изменить неизменяемое, то у нас еще есть дела!

Я хотела было огрызнуться, но Аззуен ускорил бег, и я, забыв про усталость и раздражение, пустилась с ним наперегонки к людскому лагерю.

На этот раз девочку я нашла сразу. Во время прошлой вылазки стало ясно, что разные участки поляны предназначались каждый для своей работы: где-то готовили еду, где-то обрабатывали шкуры, где-то изготавливали острые палки. Девочка обычно бывала там, где что-то делали с растениями. На этот раз она сидела одна, держа на коленях охапку речного камыша, стебли которого она проворно сплетала умелыми пальцами. От запахов людской поляны Аззуен задергал носом; уши его вытянулись вперед так, что едва не отрывались от головы; Тлитoo, покосившись, явно нацелился на них клювом, но встретил мой взгляд и невинно заморгал.

Вначале я надеялась, что Аззуену станет скучно и он уйдет, но люди завораживали его так же, как и меня. Внезапно мне стало радостно, что он со мной, что не только нам с Тлитoo интересны люди, — и от избытка чувств я ткнула носом в щеку Аззуена. Он удивленно обернулся и тут же лизнул меня в морду. На хохотнувшего Тлитoo я предпочла не обращать внимания: при виде девочки сердце слишком переполнялось теплом и счастьем.

— Побудь здесь, — велела я Аззуену и повернулась к Тлитoo, уже поднявшему крылья, чтобы лететь за мной. — И ты тоже!

Тлитoo недовольно заворчал, но все же остался на месте.

Я осторожно пробралась к краю поляны с той стороны, где сидела Тали, и тихонько заскулила, чтобы привлечь ее внимание. Лагерь полнился шумом, да и уши у людей не такие чуткие, как у волков, и все-таки она меня услышала. Оторвавшись от своих камышинок, девочка отложила работу, вытерла руки о шкуры, закрывавшие середину тела, и пошла в мою сторону. Я едва верила своим глазам. Дойдя до края поляны, она оглянулась через плечо и ступила под деревья.

— Здравствуй, волчица, — тихо проговорила она. — Ты снова пришла?

Я высоко подпрыгнула от радости, как обычно при встрече с друзьями, но девочка в испуге отшатнулась и, помедлив, вновь приблизилась, осторожно и неуверенно, обхватив себя руками; ноздри ее чуть подергивались.

Я взглянула на девочку испытующе. Ее речь я понимала, поймет ли она меня?

— Пойдем со мной на охоту? — сказала я.

Тали сморщила лицо и приложила руку ко лбу, словно он вдруг заболел.

Я попробовала еще раз:

— За рекой есть хорошее мышинное место. Пойдем? — Тут я вспомнила, что она может бояться воды, ведь она чуть не утонула. — Или куда-нибудь еще, если хочешь.

Не отводя от меня глаз, девочка протянула руку и мягко тронула меня за плечо:

— Что тебе нужно, волчица?

Значит, она меня не понимала. Интересно почему — ведь я разбирала ее слова. Многие языки схожи, и если открыть сознание навстречу другому, то можно поговорить с любым существом, особенно если оно из тех, кто тебе чем-то близок. Волки и вороны охотятся вместе, потому и общаются без труда. И с большинством хищников мы находим общий язык, хотя многие так косноязычны, что их почти не понять. А обращаясь к жертве или сопернику, мы говорим по-волчьи, а они по-своему — этого достаточно, чтобы уразуметь необходимое. Почему же девочка меня не понимает? Я даже заскулила от бессилия.

— Ты голодна? — Она полезла в мешочек, прикрепленный к длинной полоске кожи на поясе, достала кусок мяса и протянула мне. Я схватила его зубами и мгновенно проглотила. Мясо оказалось жареное, но не такое, как когда-то утащила Иллин, а сухое и тягучее, я видела такое у Глиттоо: явно старое, но без сладковатой гнили, какая появляется на туше, оставленной на несколько дней. Похожий вкус был однажды у найденной мной дохлой лягушки, пролежавшей неделю на солнце, но мясо, полученное из рук девочки, еще и отдавало запахом костра. Ничего вкуснее я прежде не ела.

Кусты за моей спиной негодуя заскулили; я взглянула на притаившегося там Аззуена, который все-таки не оставил меня и шел следом, и обернулась к девочке. От запаха мяса рот наполнился слюной, хотелось засунуть нос в ее сумку и сожрать все до крошки, но я вспомнила о приличиях: девочка ведь так и не поняла, что мне от нее нужно, хотя уже, кажется, не боялась.

Я решила рискнуть. Взяв зубами ее запястье, я тихонько потянула девочку вперед, глядя на нее вопросительно.

Когда мои зубы коснулись кожи, глаза Тали расширились, но все же она позволила увести себя дальше в лес.

— Подожди, — вдруг сказала девочка. Она метнулась обратно в человеческий лагерь и тут же прибежала обратно с плоским куском сложенной оленьей кожи, повешенным на плечо; в руке, к моему удивлению, она несла заостренную палку, какую я видела у людей. Вблизи я разглядела, что острой была не сама палка, а приделанный к ее концу темный камень. Тали держала палку уверенно, как будто привыкла с ней обращаться.

Я направилась в лес; девочка шла позади, держа руку на моей спине. Когда мы отошли от лагеря, из-за деревьев осторожно показался Аззуен.

Тали вцепилась в мою шерсть, я услышала, как она торопливо сглотнула. Я выскользнула из-под ее руки и подошла поприветствовать Аззуена — показать девочке, что он свой.

— Не забывай, она нас боится, — предупредила я его. — Сразу близко не подходи.

Аззуен наклонил голову, не отводя взгляда от девочки. Тут же у наших ног сел Тлиттоо.

— Я тебя помню, ворон, — сказала ему Тали. — Ты друг волчицы.

Тлиттоо принял гордую позу, девочка почувствовала себя спокойнее и вновь глянула на Аззуена.

— Можно повести ее на мышиную поляну, — предложил он, и я обрадовалась. Мышей нашел Аззуен, а в охотничьи места не водят кого попало, и я была ему благодарна за приглашение. Правда, придется переплывать реку, но если девочка боится воды — я ей помогу.

Я кивнула и пошла вперед, указывая дорогу. Можно было повести Тали к Ольховой Переправе, однако для девочки путь может оказаться слишком долгим, поэтому я направилась туда, где река текла широко и спокойно.

— Погоди, волчица, — остановила меня Тали, поняв, что мы идем к реке. — Нам сюда.

Девочка крепче ухватила меня за шерсть, и я позволила ей вести нас, куда она решила, хотя я не понимала, зачем идти к нижней части реки, где течение быстрее. Там, где Тали остановилась, берег тянулся полого и широко, без обрывов, в стремительном потоке тут и там торчали валуны. Девочка ступила на камень и, когда я беспокоило заскулила, обернулась на меня через плечо:

— Я не всегда так неловка, что сваливаюсь в реку! Удивленная тем, что она правильно истолковала мою тревогу, я виновато приопустила уши. Девочка засмеялась.

— Я всегда тут хожу, — объяснила она, стоя на одной ноге и пытаясь удержать равновесие. — На том берегу живет моя бабушка, я привыкла. Она говорит, мне надо учиться плавать, но я, наверное, не сумею.

Девочка перескочила на другой валун, с него на следующий, затем прыгнула на торчащий из воды ствол дерева. Так, переступая с камня на камень, она добралась до последнего валуна и легко перепрыгнула на глинистый берег. В волнении я не спускала с нее глаз, однако она шла уверенно. Перебравшись вслед за ней, мы с Аззуеном повели ее к мышинной поляне.

Мыши умны. Если их выслеживать и преследовать так же, как крупную дичь, они мгновенно разбегутся и спрячутся. Поэтому надо нападать на них сверху, неожиданно, как птицы. Я не знала, умеет ли девочка охотиться на мышей, поэтому поймала ее взгляд, убеждаясь, что она за мной наблюдает, и выбрала себе добычу — притаившуюся в высокой траве мышь, которая усиленно нюхала воздух. Мышь чувствовала, что охотники где-то рядом, но, как всегда, не могла определить, откуда мы появимся. Я подобралась ближе, подтянула задние лапы к передним и сжалась, напряжнив мускулы. Мышь не шелохнулась: она не знает, с какой стороны охотник, и боится бежать, чтобы не попасть ему прямо в лапы. Я привстала на задних ногах, высоко подпрыгнула — и приземлилась уже с мышью в передних лапах. Не дав ей дернуться, я тут же ее проглотила.

От девочки донесся странный звук. Сначала я даже подумала, что она расстроена или, чего доброго, ранена — она задыхалась и издавала что-то похожее на громкое уханье. Я в тревоге подбежала, звуки только усилились. Аззуен, на которого я глянула в замешательстве, был озадачен не меньше моего.

— Она над тобой хохочет, волчица-глупица, — каркнул Тлиттоо. — Ей смешно!

А ведь и правда. Только вместо коротких и тихих выдохов, которыми девочка смеялась прежде, смех был долгим и громким, Тали даже присела на землю. Раздосадованная, я пошла дальше ловить мышей. В людях еще оставалось для меня много непонятного.

Охота приносила нам с Аззуеном то успех, то неудачу; временами налетал Тлиттоо, норовя выхватить мышь у нас из-под носа, и вновь с довольным карканьем взмывал вверх, не обращая внимания на наш рык. Я все ждала, что девочка к нам присоединится, но она просто тихо сидела и наблюдала, временами посмеиваясь.

— Охотиться-то она будет? — недоуменно спросил Аззуен.

— Не знаю, — мотнула я головой. — По-моему, не хочет.

— А зачем ей тогда палка?

Раздалось шуршание — из зарослей солнцезвезда вылез жирный кролик и застыл в нескольких прыжках от нас. Мы тоже замерли. Краем глаза я заметила, что девочка поднялась и теперь стоит наготове, с палкой в руке, тоже не двигаясь. Кролик — добыча существенная, не чета мышам, но и добыть его труднее: на малых расстояниях они бегают быстрее волков, и ловить их надо с умом, чтоб не спугнуть на первом прыжке. Кролик сидел между мной и Аззуеном; тот сделал мне знак глазами, отдавая право напасть первой. Я уже подобрала задние ноги и приготовилась прыгать, но едва заметно дрогнула — и зверек пустился наутек. Прежде чем я опомнилась, девочка перескочила через поляну и, замахнувшись палкой, вонзила ее острый конец прямо в бежавшего на нее кролика. Тот, замерев на палке, дернулся, и Тали, схватив кролика за голову, свернула ему шею.

Я благоговейно застыла: такой прекрасной охоты я еще не видела, Тали была великолепно.

— Спасибо за помощь, волчица! — улыбнулась она широко, как никогда, обнажив чуть ли не все зубы.

Я раскрыла рот от удивления: ведь она права! Мы поймали кролика вместе! Может, нам под силу поймать кого-нибудь еще? В конце концов, если мне не дают научиться охоте со своей стаей, то, может, я сумею охотиться с девочкой? Я буду преследовать зверя и гнать его на Тали — и вдвоем мы сможем его убить. Тогда-то стая поймет, что я охотник! И вожаку ничего не останется, кроме как признать меня настоящей волчицей! У меня даже голова закружилась от восторга и облегчения: теперь я знаю, что делать! Я ликующе завизжала, вскочила на задние лапы и, положив передние на плечи девочки, принялась лизать ее в лицо.

— Прекрати, волчица! — отбивалась Тали, захлебываясь от смеха. — Кролика уроню!

— Пусть уронит, пусть! — Аззуен, не сводивший глаз с кролика, тоже захохотал. — Я еще не наелся!

Задышавшись от счастья, я опустилась на все четыре лапы, и мы с Аззуеном выжидательно посмотрели на девочку, надеясь получить свою долю кролика.

Однако девочка полезла в поясной мешочек и достала нам сушеного антилопьевого мяса. Уши у меня встали торчком так быстро, что даже темя заболело.

— Я отнесу кролика бабушке, — робко сказала Тали. — Свежее мясо ей полезно, а охотиться она уже не может.

Она выдала нам по длинной полоске антилопины, и мы с наслаждением запустили зубы в тягучую, ароматную, пахнущую костром мякоть. В конце концов, кролика я добуду и в другой раз, а жареное мясо перепадает не каждый день.

— Лучшая еда на свете! — блаженно протянул Аззуен, норовя дотянуться носом до мешочка Тали.

Я думала, девочка съест хоть кусочек кролика, но она, видимо, намеревалась отдать бабушке всю тушку. Тали положила кролика в сложенную оленью шкуру, которую несла на плече; кролик, к моему удивлению, не выпал, а остался внутри. Я принялась к шкуре, пытаюсь выяснить, как девочка это устроила. Тали засмеялась:

— Не трогай сумку, волчица, кролик — мой! Вяленого мяса и мышей тебе хватит!

— Я не собираюсь ничего воровать, — обиженно сказала я, забыв, что она меня не понимает.

— А я бы с удовольствием, — встрял Тлиттоо, подхватывая мелкую крошку мяса, упущенную Аззуеном; тот зарычал.

Все еще обиженная, я взглянула на девочку — и увидела морщинки в уголках глаз, как при смехе. Она не считает меня воровкой! Это игра! Я радостно твякнула и потянулась к Тали. Ухватив зубами то, что она назвала сумкой, я потянула его к себе, чуть не опрокинув девочку на спину. Она удивленно ахнула, обернулась и со смехом потащила сумку обратно, потом собралась с силами и дернула, утянув меня вперед; Аззуен удивленно твякнул, Тлиттоо кинулся за моим хвостом. Ни я, ни Тали еще не вошли в полный возраст, но сил у меня было больше. Я потащила сумку сильнее, перетягивая девочку вперед, и внезапно Тали ухнула,

как сова, и разжала руки — я упала, чуть не проехавшись мордой по земле. От неожиданности я раскрыла рот, и тут Тали выхватила у меня сумку. Вздернув ее над головой и по-прежнему ухая, она понеслась вперед, к реке.

Я устремилась за ней, Аззуен не отставал. Девочка свернула на широкую открытую тропу — я поколебалась, но побежала следом. У реки Тали вдруг остановилась, я тоже замерла, чтобы в нее не врезаться, Аззуен, оскользнувшись на глине, застыл позади меня. Тлиттоо кружил у нас над головой, не отводя от нас любопытного взгляда.

Я вдруг учуяла незнакомого человека и, мгновение помедлив, нырнула в густые можжевельниковые кусты, а Аззуен спрятался за березу. Девочка радостно вскрикнула и стремительно кинулась вперед, к высокому худощавому самцу. Тот обхватил ее руками.

— Я тебя искала! — воскликнула Тали.

— Рад, что нашла! — ответил самец, глядя ее по шерсти на голове.

Хотя незнакомец уже дорос до высоты взрослого, он еще не раздался в ширину и походил скорее на волка-однолетку; мех его был светлее, чем у девочки, но темнее Риссиного. Эти двое обменивались приветствиями совсем как волки одной стаи, встретившиеся после отлучки, и притом обращались друг с другом как спутники, как пара. Я удивилась, во мне шевельнулась ревность: я думала, девочка еще не такая взрослая...

— Очень трудно было улизнуть, — сказала Тали юноше. — Отец за мной следит и никуда не отпускает одну.

Молодой самец уставился на меня и застыл на месте.

— Тали, — прошептал он. — А кто там в кустах? Девочка обернулась:

— Это волчица... Волчица, выходи!

Я осторожно выбралась из кустов. Глаза юноши расширились, он приподнял зажатую в руке острую палку — явно от страха, а не из кровожадности, поэтому я не зарычала и вообще постаралась его не напугать. Девочка стукнула по палке.

— Брелан, ты что! Она мой друг!

— Нам нельзя с ними знаться! Сама помнишь, Халин говорил.

На севшего поблизости Тлиттоо люди не обратили внимания. Вот уж никогда не мечтала быть кем-то, кроме волка, но порой завидовала вороновой незаметности.

Девочка упрямо расправила плечи.

— Халин — идиот, не всякий волк опасен. Уж ты-то знаешь, кто я.

Пока я озадаченно пыталась вникнуть в ее слова, Аззуен решил, что пора вылезать из-за березы. Не бойся я испугать людей еще больше, я бы зарычала. Вечно он появляется некстати...

Юноша замер и несколько раз судорожно сглотнул, но когда Аззуен, раскрыв пасть и вывалив язык, шутливо припал к земле, молодой самец вытаращил глаза и уронил палку. Аззуен, когда захочет, бывает обаятельным, в этом ему не откажешь.

Тали подошла ко мне, молодой самец — Брелан, как назвала его девочка, — протянул ладонь и погладил Аззуена по голове. Тот в ответ лизнул его руку, и юноша открыл рот и растянул губы, то есть улыбнулся человеческой улыбкой.

— И совсем не грозный, — удивленно проговорил Брелан, глядя Аззуена по загривку. Аззуен перевернулся на спину и подставил юноше брюхо, словно более сильному волку.

— Ты что? — зашептала я. — Он ведь не вожак!

— Он должен чувствовать, что он главный, — завороченно пробормотал Аззуен. — Тогда он не будет считать меня врагом.

— Волчонок прав, — встрял Тлиттоо. — Если выказать повиновение, человек не будет бояться.

Затаив дыхание, я смотрела, как Аззуен завоевывает доверие юноши: через несколько минут оба уже сидели рядом на задних лапах и обменивались нежностями.

— А теперь выходи, можно, — каркнул Тлиттоо.

Из кустов показалась морда Марры. Я помотала головой: надо ж так увлечься людьми, чтобы не почуять волчицу из собственной стаи! Хорошо, что медведей рядом нет — их я,

наверное, тоже бы не заметила...

— Они такие же, как волки! — изумилась Марра. — Совсем не чужаки!

— Точно, — согласилась я. — И все же нам запрещено быть вместе. — Мне не очень хотелось рассказывать Аззуену и Марре о том, что я собиралась охотиться с девочкой.

— В том-то и трудность, — кивнула Марра. — А все-таки я не прочь подружиться с человеком. Может, пойти за этими двумя? Вдруг там есть еще другие, кто тоже любит волков?

— По-моему, и двоих пока хватит, — беспокойно отозвалась я. — Лучше в другой раз.

— Ну ладно, — разочарованно вздохнула Марра. — В другой так в другой...

— Нам пора, Тали, — проговорил юноша, с явной неохотой отрываясь от Аззуена. — Если задержимся, нас могут хватиться, а я еще хочу побыть с тобой.

Девочка кивнула.

— Прощай, волчица! — обернулась она ко мне напоследок.

Брелан, длинной рукой обхватив мою девочку, прижал ее к себе, и они пошли вдоль реки. Аззуен не отрывал сияющих глаз от юноши, который напоследок оглянулся на него через плечо, Марра провожала обоих людей мечтательным взглядом. Во мне проснулась ревность; было ясно, что поохотиться вдвоем с девочкой мне не дадут — Аззуена с Маррой влекло к человеку так же, как и меня. И пока мои собраты смотрели вслед удаляющимся людям, я впервые задумалась, во что же я умудрилась впутать нас, всех троих.

Глава 14

Новый способ ловли кроликов мы быстро освоили и теперь распространили его на индеек и ежей; он пригодился бы и для бобров, если найти на реке место, где девочка может твердо стоять в воде. Способ надежно срабатывал с мелким зверьем, при случае его можно было опробовать и на крупной добыче. В успехе я не сомневалась. У девочки, правда, могло бы не хватить сил остановить зверя в одиночку, но ведь есть еще Брелан и мы — а сообща мы справимся. По крайней мере должны, потому что Тревегг оказался прав: прошло уже пол-луны, а Рууко по-прежнему не подпускал меня к охоте, и я не сомневалась, что до зимнего путешествия он мне так и не даст себя проявить. Однако с каждым разом меня это заботило все меньше: я училась охотиться самостоятельно.

Я уже не прогоняла Аззуена и Марру, которые увязывались за мной к людям: вместе было легче ускользнуть из стаи, к нашим совместным отлучкам все привыкли. Волкам нашего возраста положено рыскать по территории стаи, и никому не казалось странным, что с каждым днем мы уходим все дальше. Олени и лоси разбрелись по равнине — значит, зимний переход не за горами, и вожакам нужно, чтоб мы привыкали к долгим путешествиям. Уннан пытался за нами следить и с каждым разом становился все злее, но ни перехитрить, ни пересилить нас троих не мог.

Приближалась зима, начались снегопады. Первый снег привел щенков в восторг, взрослым так и не удалось добиться от нас благоразумия. Мы то и дело взвивались в воздух, стараясь поймать летящие хлопья, и норовили поваляться даже в самых мелких кучках снега. Взрослые встретили холод с не меньшим удовольствием; Рууко с Веррной порой не отставали от нас, резвясь под снегопадом. Даже когда снежные бури и метели перестали поражать новизной, мне стоило большого труда думать о чем-то другом при виде падающих снежинок.

Снег шел и в тот день, когда мы застали девочку на нашей стороне реки. По пути к людской поляне мы с Аззуеном и Маррой прыгали под летящим снегом, ловя пастью холодные хлопья и заваливаясь в каждый сугроб. Мы хотели пересечь реку ниже того места, где залегла на отдых стая: Веррна заметила там оленей. Однако на подходе к реке я замешкалась, вдруг почуяв на нашей стороне недавний запах девочки: он явственно слышался в месте переправы и дальше среди деревьев, где мы только что бежали, а потом внезапно исчезал. Аззуен с Маррой, тоже сбитые с толку, кружили по глинистому берегу,

пытаюсь отыскать след Тали.

— Она пошла к старой женщине, о которой говорила, — раздался с ближайшей сосны голос Тлиттоо. Сосны, в отличие от берез и большинства дубов, не облетели перед зимой, среди густых колючих листьев ворону было где спрятаться.

Тлиттоо спорхнул на землю и повел головой из стороны в сторону, явно довольный собой.

— Я летел за ней следом, пока вы стайей заигрывали с лосями. За мной, щеночки! Я укажу путь быстрее, чем его учуют ваши мокрые носы!

Тлиттоо с довольным карканьем взмыл и исчез среди верхушек деревьев.

— Нам тебя не видно, как же за тобой идти? — крикнула я в отчаянии, однако ворона и след простыл.

— Я укажу путь, сестра!

Я удивленно обернулась — и встретила морда к морде с молодой волчицей из сна. Аззуен с Маррой все еще оглядывали верхушки деревьев в поисках Тлиттоо: волчицу они явно не видели, не чуяли и не слышали.

— Кто ты? — спросила я, чихнув от сгустившегося едко-можжевелевого запаха. Я старалась говорить шепотом, чтобы Аззуен с Маррой не подумали, что я спятила. — Почему ты ко мне приходишь?

— Ступай за мной, сегодня я тебе кое-что покажу. — В глазах волчицы мелькнул озорной огонек. — Я улила без спросу, но меня не сразу хватятся. Быть в том мире незначительной — тоже порой удобно.

Бесплотная волчица припустила вперед, я устремила за ней.

— Вожаки не всегда позволяют мне приходить, сегодня я тайком, — сказала она с вызовом. — Если я решила тебе помочь, меня не остановят.

Волчица двигалась быстро и без усилий, под ее лапами не шевельнулась ни одна снежинка, ни один листик с дерева. Я едва поспевала за ней со всех лап, позади неслись Аззуен с Маррой.

— Ты хоть знаешь, куда бежать? — задыхаясь от усилия, выговорил Аззуен. — Запаха нет!

Дыхания не хватало, я не ответила. Вскоре я почуяла аромат девочки, и как только я пошла по следу, волчица замедлила шаг.

— Оставляю тебя здесь, сестра. Постараюсь появляться чаще. — Она опустила голову. — Моя главная ошибка — я слишком часто делала что скажут. А мнению тех, кто над нами властен, не всегда можно доверять.

Я в удивлении остановилась.

— Как так?

— Вот он, запах! — проговорила Марра над самым ухом, я даже вздрогнула. — Как ты умудрилась не сбиться?

Бесплотная волчица кивнула и скрылась в кустах.

Марра с Аззуеном глядели нетерпеливо, и я повела их дальше. Девочка стояла там, где река встречается с лесом, в полчасе бега от равнины Высокой Травы.

— Я ждала, — промолвила Тали вместо приветствия. — Бабушка просила тебя привести...

— Я же говорил, что отыщу! — гордо заявил Тлиттоо, приземлившись у ног девочки. От лап до клюва его покрывал снег, как будто ворон вывалялся в сугробе.

Марра потянулась цапнуть его за хвост, и Тлиттоо предпочел упорхнуть. Я не ответила — меня занимала девочка: непривычно взволнованная, она беспокойно вертела в руке убитую индейку. Аззуен с надеждой принохивался к птице; Марра, глянув на индейку, перевела глаза на девочку.

— Если я отнесу ее к племени, — ответила Тали, неправильно истолковав взгляд Марры, — у меня ее просто отберут. А бабушка и так мало ест, ей нужно мясо.

Я устыдилась: ведь могла же догадаться и принести девочке того мяса, что мы

откладываем про запас! В следующий раз так и сделаю...

Тали повела нас вдоль реки, к самой границе нашей территории, и вдруг остановилась у пышного куста, тронув пальцами ароматные листья.

— Здесь поворот: куст растет у тропинки, что ведет к бабушкиному дому.

Тропа, на которую свернула девочка, оказалась широкой и утоптанной, как оленья, хотя оленями тут не пахло — лишь мелкой дичью, редкими лисами и людьми. Среди человеческих запахов выделялся аромат Тали и еще один человеческий, очень похожий; густо пахло Бреланом, и поверх всего явственно чувствовался поразительно знакомый запах.

— Верховные волки! — воскликнул Аззуен.

— Ими пахнет повсюду, — беспокойно проговорила Марра. — Тут не только Франдра и Яндру, еще и другие, много... Я не знала, что они заходят на нашу территорию...

— Я тоже, — кивнула я.

— В Долине сейчас верховных волков хоть отбавляй, — доложил Тлиттоо. — Я видел. Никогда столько не было.

Неизвестно, чем грозит присутствие множества верховных волков, но я чувствовала, что это явно не к добру. С того дня, как мы впервые выбрались за пределы поляны, на меня не наваливалось сразу столько запахов. Я и не заметила, как девочка замедлила шаг.

— А вот и бабушкина хижина, — сказала она с едва заметной робостью.

Я даже не сразу поняла, где кончается лес и начинается человеческое жилье: хижина стояла не на поляне, как виденные мной людские постройки, а словно вырастала из леса. Подобно постройкам в лагере, хижина была сложена из камней, скрепленных глиной, из отверстия в крыше поднимался дым. Логово выглядело уютным — не таким большим, как на людской поляне, но вполне вместительным для нескольких волков.

Девочка юркнула внутрь. Мы втроем предпочли не высовываться из частого кустарника, чтобы никто из людей нас не увидел, но затем меня словно что-то толкнуло.

— Ждите здесь, — бросила я Аззуену с Маррой и стала выбираться из укрытия.

— Там Брелан! — крикнул мне вслед Аззуен.

И вправду, к аромату девочки и незнакомому человеческому запаху примешивался сильный запах юноши — Брелан явно находился внутри хижины.

— Все равно ждите, — твердо повторила я. — Осторожность не повредит. Я скажу, когда можно входить.

Аззуен с Маррой поворчали, но подчинились, и я шагнула к хижине. Тлиттоо походил взад-вперед у моих ног, затем вспорхнул на крышу. Входить в жилище, где ждет незнакомая самка, не хотелось, поэтому я решила дождаться девочки и села, но тут же вскочила при звуке голоса из хижины: низкого, звучного и очень старого.

— Пусть твоя подруга входит, Тали. Пора познакомиться.

Девочка выглянула наружу — голова, отдельно от тела торчащая в отверстии для входа, выглядела забавно, однако при взгляде на серьезное лицо желание веселиться пропало. Девочка сделала знак войти, и меня вновь одолели сомнения, которых не было раньше, когда я приводила Аззуена и Марру поиграть с Тали и Бреланом: хижина старой самки выглядела как часть другого мира, и войти в нее значило бросить вызов всем волчьим законам.

— Моя главная ошибка — я слишком часто делала что скажут.

Я глубоко вдохнула и медленно подошла к девочке. Для начала всунув в хижину лишь кончик носа, я вдохнула запахи: девочка, Брелан, старая самка и сухие растения, как в девичьем логове на поляне. Запах костра и дыма. Медвежьей шкуры. Еда. Просунув в хижину голову, я увидела, что дым от костра уходит вверх сквозь дыру в крыше. Пусть нюх у людей и не тоньше, чем у деревьев, зато в изобретательности им не откажешь...

— Входи, Лунная Волчица, — прозвучал старый голос. — Будь моей гостьей.

Я осторожно вошла. Старая женщина, ростом еще ниже девочки, сидела в дальнем конце помещения; от нее пахло больными суставами и хрупкими костями. Будь она оленем или лосем, она стала бы добычей, подумала я и устыдилась: негоже так думать о женщине из

семьи Тали. От старой самки исходило дружелюбие. Ее укрывали медвежьи шкуры, и нижней частью тела она напоминала скорее медведицу, чем человека. В ее присутствии я почувствовала себя слишком юной, неловкой и глупой.

Я поглядела на Брелана. Подойти к нему раньше, чем к старой женщине, которая по статусу здесь явно главнее всех, было бы невежливо, но мне не хотелось делать вид, будто я его не увидела. Он стоял с острой палкой в руке и почему-то даже не пошевелился, словно мы никогда вместе не охотились.

Девочка легко коснулась плеча старой самки:

— Бабушка, это волчица. Женщина засмеялась:

— Может, придумаешь имя получше? На ней тот же лунный знак, что и на волчице из моих снов.

— Про себя я называю ее Серебряной Луной, — застенчиво сказала девочка.

— Очень хорошо. Не бойся, Серебряная Луна, — мягко проговорила женщина. — Подойди, мне приятно познакомиться с подругой Тали.

При всей неловкости, какую я ощущала, я не могла отказаться от такого церемонного приглашения. Я подошла ближе, склонилась перед старой женщиной и приветственно лизнула ее в морду, тем самым признавая ее право старшинства. При моем приближении Брелан явно напрягся, и девочка смирila его взглядом.

— Ты что? Ведешь себя так, будто волчицу раньше не видел! — прошипела она ему. — Что с тобой?

— Не терплю, когда хищник приближается к *криане*, если она беззащитна. Я все-таки ее страж.

Слово «криана» я слышала впервые. Брелан произнес его с тем же уважением, с каким мы упоминаем верховных волков, — и я задумалась, кем же приходится человеческому племени эта старая женщина.

Она мягко положила руку мне на голову, я вновь лизнула женщину и, отойдя, повернулась к Брелану. Такая бдительность — это уж чересчур...

За стеной хижины сопел и фыркал Аззуен, жаждущий добраться до Брелана, Марра тоже была где-то поблизости. Еще, чего доброго, влезут без приглашения...

— Быть главной — иногда невыносимо, — пробормотала я, ни к кому не обращаясь.

Я прикинулась маленькой и безобидной и взглянула на Брелана со всей добротой, на какую была способна, однако он будто застыл, а когда я припала на передние лапы, приглашая играть, он поднял заостренную палку.

— Брелан, ты в своем уме? — возмутилась девочка.

— Она наш друг, юноша, я просила ее прийти, — заявила старая женщина. — Когда мне понадобится твоя помощь, я скажу.

Брелан опустил палку, хотя глядел по-прежнему настороженно. В конце концов мне это надоело: шагнув вперед, я поднялась на задние лапы и нацелилась передними ему в живот. Брелан отступил, зацепившись за что-то ногой, и девочка с женщиной засмеялись.

— Будешь знать, юноша, — проговорила женщина.

— Ты должен доверять мне, Брелан, — сказала девочка. — Это часть меня.

Сопение за стеной хижины усилилось. Стоило мне только надеяться, что его никто не заметит, как сверху раздались другие звуки — Глиттоо, уцепившись когтями за края отверстия, свесился с крыши чуть ли не вниз головой. Я вздохнула. Что за жизнь — вечно находится кто-то, кому надо следить за каждым моим шагом...

— Подойди, волчица-избранница, — позвала старая женщина.

Я осторожно приблизилась к груде шкур и легла на брюхо, чтобы быть вровень с лицом крианы.

— Ты наверняка задумывалась, почему ты отличаешься от других, почему тебя так влечет к людям. Моя внучка тоже к тебе привязана.

Я взглянула на девочку — она, опустив глаза, разглядывала свои безволосые ноги, от холода покрытые шкурами. «Тали, — подумала я, — а не просто девочка. Она дала мне имя

— значит, и мне надо чаще вспоминать, как ее зовут».

— Твоему призванию есть причина, — продолжала старая женщина. — Попроси своих друзей войти.

Аззуену с Маррой не понадобилось приглашение: они, должно быть, сидели у самого порога, и стоило криане их позвать, тут же вошли внутрь и почтительно поздоровались с женщиной. Марра легла у огня и положила морду на лапы. Аззуен, поглядев на меня независимо, подошел к Брелану; тот наконец расслабился и даже опустил палку, чтобы погладить Аззуена по спине. По обыкновению людей обнажив зубы в улыбке, он присел возле волка, словно и не впадал в ярость минуту назад. Аззуен, растянувшись рядом, положил голову ему на ноги.

— Ты, должно быть, друг Брелана, — проговорила старая женщина, посмотрев на Аззуена, и перевела взгляд на Марру. — А ты подруга этих двоих. Добро пожаловать в мой дом.

Аззуен с Маррой в благоговейном восторге посмотрели на женщину; Марра, почтительно подойдя к ней, села у ее ног. Мы с Тали отошли чуть дальше, чтобы дать Марре вдохнуть запах крианы. Тлиттоо, отцепившись наконец от крыши, слетел вниз, к груде медвежьих шкур, и женщина насыпала ему горсть семян из кожаной сумки.

Криана надолго задержала на нас взгляд.

— Может быть, вам еще рано об этом знать, но у меня нет выбора. Я не вечна, а времени осталось слишком мало.

Она глубоко вздохнула, голос зазвучал сильно и уверенно.

— Слушайте же, юные волки. С моей внучкой и Бреланом вы встретились не случайно: волки и люди издавна предназначены к тому, чтобы быть вместе.

Я даже поперхнулась от удивления. После строгих запретов, после наставлений о трех непререкаемых законах вдруг услышать, что на деле все наоборот...

— Многие из моего народа уже не верят, что это правда, и я не удивлюсь, если волчье племя тоже считает иначе. Но такова истина, и она важнее, чем вы думаете. Когда люди перестают общаться с волками, стражами природы, они забывают о своей причастности к миру вокруг. Так случалось прежде. Люди начинают убивать и разрушать: ведь мы не понимаем, что навредить миру — значит навредить себе. Остановить человека, который без конца уничтожает других существ и рушит мир вокруг себя, способны только волки: лишь они могут напомнить людям о том, что мы — часть одного целого. Связь между нами существует издревле, с тех самых пор, как волки и люди стали жить в этих землях.

Аззуен заворчал, а Марра приподнялась, словно хотела возразить. У меня от растерянности гудела голова: слова крианы шли вразрез со всеми законами стаи, вразрез с самой целью волчьего существования. «Обещай нам, что вы будете сторониться людей», — некогда сказала праматерь Небо старому Индру, а когда волки нарушили заповедь, Древние нас чуть не уничтожили...

Я считала, что моя тяга к Тали противоестественна и порочна, а теперь мудрая старая женщина говорит, что нам всегда гнали о людях и даже о нашем собственном прошлом. И я должна ей верить?.. Однако больше всего мне хотелось, чтобы ее слова оказались правдой.

— Все очень непросто... — Криана тяжело вздохнула, словно беседа отнимала у нее много сил. Тали оторвалась от меня и села рядом с бабушкой, та погладила девочку по шерсти на голове. — Когда волки сходятся с людьми, может случиться непоправимое. Мой народ пытался подчинить себе волков, ваши родичи убивали людей, каждый раз сближение заканчивалось враждой. В том и состоит загадка, противоречие: мы созданы друг для друга, но не можем быть вместе. И для волков, и для людей это тяжелый опыт.

Я усиленно помотала головой. Непонятно — должны быть вместе и должны быть врозь... Я даже тихонько заскулила.

— Волки перестают быть волками, — повторил Аззуен давние слова Риссы. — И начинают убивать людей или сами становятся их жертвой.

Он задумчиво глядел на женщину, будто услышал от нее подтверждение прежних

мыслей.

— Да, — кивнула криана. Оказывается, она поняла его слова! Мы удивленно переглянулись. — Многим из людей невдомек, что другие существа тоже свободны: человека раздражает чужая независимость, он всех норовит себе подчинить. — Криана потянулась через Тали и положила руку на грудь Марры, вздымающуюся от волнения. — На какое-то время мы нашли способ связать людей с волками так, чтобы общение не закончилось враждой. Среди нас есть те, кого не пугает стихийная сила, присущая волкам: мы не стремимся вас подчинять и потому легче перенимаем ваши знания. К нам, созданным для общения с волками, еще в детстве приходят волки-крианы: я впервые встретила своего, когда была младше Тали. Он-то и научил меня вашей мудрости. Волки-крианы — это те, кто направляет вашу жизнь, вы их знаете.

Я вспомнила про запах верховных волков, окружавший логово старой женщины: должно быть, они и есть волки-крианы.

— Значит, мы не должны сторониться людей, — проговорила Марра почти шепотом.

— Я предупреждал, что злоковолки что-то скрывают! — каркнул Тлиттоо.

— Каждый раз во время полной луны мы с волками-крианами сходимся на Большой Разговор, — продолжила женщина. — Они не дают нам забыть, что мы часть этого мира. А мы рассказываем своему племени то, что от них услышали. Знание передается через многие поколения, каждый из людей-криан учит следующего, так и я выучила Тали. — Женщина, прикоснувшись ладонью к щеке девочки, заговорила тише: — Однако Большие Разговоры утратили силу, волки-крианы многое от нас скрывают. Мы не знаем, почему существует загадка-противоречие: почему волки должны быть с людьми, а люди неспособны ни жить с волками, ни обойтись без них. И неизвестно, почему Большой Разговор больше не приносит пользы. Волки-крианы что-то утаивают — считают, что мы не поймем. Однако я вижу, что все рушится. Уже много лет ни один криан-волк не приходил к людям, и за всю мою жизнь ни один не родился, хотя прежние старятся и мой народ не слушает ни их, ни меня. Я не знаю, что делать.

Старый голос задрожал, Тали взяла женщину за руку. Другую руку криана протянула ко мне.

— Когда ты, Серебряная Луна, пришла к Тали, я приняла это как знак перемен. Возможно, ты и займешь место криан-волков и вы с Тали будете направлять народ.

Я словно приросла к полу. Я не могла просто взять и отказаться от всего, что говорили мои сородичи: Рисса и Тревегг учили меня быть настоящей волчицей и никогда мне не лгали. А женщина, пусть и родня моей девочке, все же не из моей стаи, а из племени людей. Я даже застонала от бессилия.

Криана вновь протянула ко мне руку, Марра отступила в сторону, и я подошла.

— Я вижу, ты мне не веришь. Да и с чего бы? — Она на мгновение задумалась. — Тебе нужно прийти на Большой Разговор, через две ночи после полной луны. Тали тебя приведет. Только тебя, Серебряная Луна, без друзей: спрятать всех троих не удастся.

Она устало улыбнулась, и я лизнула ей руку в знак согласия.

— Вот и хорошо.

Криана обвела нас взглядом и улыбнулась шире:

— Не верю, что надежда иссякла. Вы вместе — значит, не все потеряно. — Она глубоко вздохнула. — Я устала, юные создания. Поговорим в другой раз.

Старая женщина закрыла глаза и почти слилась с волчьими шкурами, дыхание ее замедлилось. Тали и Брелан, наклонившись, коснулись губами ее щеки и выбрались из хижины. Мы с Аззуеном и Маррой, ткнувшись носами в ладонь женщины, последовали за ними, ступая как можно тише.

Пока мы разговаривали с крианой, снег прекратился, выглянувшее солнце пригрело землю. Тали с Бреланом повели нас на ближнее поле с высокой травой.

— Ты ей веришь? — спросила Марра, идя вместе со мной в нескольких шагах позади людей. — Тревегг с Риссой говорили совсем другое.

— Я не знаю, чему верить. Риссе с Тревеггом обманывать нас вроде незачем. Но и у старой женщины нет причин лгать.

Мне так хотелось, чтобы рассказ крианы оказался правдой — ведь тогда получится, что я могу быть с Тали!..

— Может, она просто ошибается, — осторожно предположила Марра. — Откуда ей знать про обещание Индру, про Древних, про долгую зиму?..

— Ты что, не понимаешь? — взволнованно перебил ее Аззуен, мы даже остановились. — Она наверняка права! Вот почему легенды бессмысленны! Неужто Долину закрыли от мира лишь для того, чтобы мы не подходили к людям? Когда волки стали дружить с людьми — почему праматерь Небо не истребила всех, как угрожала? А ведь Рисса не на шутку рассердилась, когда я об этом спросил. — Аззуена даже трясло от возбуждения. — Вся история мне казалась нелепой, и теперь я знаю почему. Верховные волки наверняка что-то утаивают.

Мы втроем стояли на тропинке, глядя вслед удаляющимся людям; я еще раз подробно вспоминала рассказ старой женщины. А вдруг она права, что тогда?

— В стае говорить об этом нельзя, — предупредила Марра. — Хотя бы до тех пор, пока не узнаем больше.

— Правильно, — согласилась я.

— Мы поможем тебе улизнуть на Большой Разговор, — пообещал Аззуен.

— А ты расскажешь нам, что удастся вызнать, — добавила Марра. — Тогда и решим, как действовать.

— Да, — кивнула я нехотя. Мне не хотелось впутывать Аззуена с Маррой в дела, которые могли привести к неприятностям. — Хорошо.

Тали с Бреланом нашли клочок поля, где с травы стоял снег и земля уже подсохла; мы подошли к ним. Тали села и протянула ко мне руки — когда я, стряхнув с себя тяжкие мысли, улеглась рядом, она положила голову мне на спину. Удивительно, как я соскучилась по своей девочке.

Аззуен с Бреланом растянулись на земле поблизости, Марра уютно свернулась между нами. Тлиттоо, задержавшийся в хижине позже всех, перепорхнул через поле и сел у моих ног.

— Я улетаю. Вернусь как смогу. Дождись меня.

— Ты куда? — Его присутствие стало уже привычным.

— Далеко, — отрезал он. — За край Долины. Не надейся без меня глупостей.

Ворон поднял крылья.

— Подожди! — возмутилась я.

— Я не обязан сидеть рядом с тобой только потому, что у тебя нет крыльев, — раздраженно каркнул Тлиттоо. — Не можешь летать — я тут ни при чем. Мне пора.

Тлиттоо вспорхнул и полетел к горам. Вскоре он превратился в мелкую точку, а затем и вовсе исчез. Я вздохнула. Угадывать, что за мысли бродят в его вороньем мозгу, было бесполезно.

Тали прижалась ко мне теснее. У меня чесался левый бок, но я не двинулась, чтобы ее не беспокоить: мне нравилось ощущать тепло ее тела, и удары сердца, и дыхание...

— Вот потому я и хожу через реку, волчица. То есть Серебряная Луна, — поправила она робко. Новое прозвище мне нравилось: оно значило почти то же, что мое имя. — Да, порой мне страшно, однако куда денешься: бабушка уже стара и не может ходить. А ведь она криана, духовный вождь нашего племени; когда вырасту, я займу ее место.

Я сочувственно ткнулась в девочку носом. Многие из волков тоже боятся переплывать реку, но охотник должен преследовать добычу, куда бы она ни бежала. Вот и Тали преодолевает страх, чтобы исполнить долг...

— Будь по-другому, я сейчас жила бы с ней, — доверительно продолжила она. — Халин, наш вождь, этого не хочет. Он говорит, бабушка глупая и не понимает жизни. Крианы всегда селились вместе с племенем, а теперь вожди их не терпят и утверждают, что

крианы не дают им вволю охотиться.

Пока девочка говорила, Брелан поднялся и беспокойно ходил по поляне, то и дело гневно вбивая в землю тупой конец палки, на которую опирался как на третью ногу.

— Халин боится, что криана угрожает его власти, — бросил юноша. — Так сказал отец после совета племени.

Брелан жил в другом племени, на западе нашей территории; путь до Тали отнимал у него полдня. Он хотел взять Тали в спутницы, а Тали говорила мне, что вождь прочит ее своему сыну. Может, потому Брелан и вышагивает так беспокойно...

Тали протянула руку и усадила его рядом с нами. Аззуен улегся на скрещенные ноги юноши, тот запустил пальцы в волчью шерсть, и сердце его забилося спокойнее. Теперь настал черед Марры подняться и ревниво мерить шагами поляну.

— Твой вождь не случайно уснул криану за реку, — продолжил Брелан. — Он не хочет, чтобы ты перенимала у бабушки знания и встречалась с волками-крианами.

— Все так, — кивнула Тали. — Не знаю, что и делать. Старый Канлин не запрещал ей жить в племени.

— В молодые годы она не обладала таким могуществом, как сейчас. И Канлин был сильнее Халина.

— Халин — вождь моего племени, Серебряная Луна, — пояснила мне Тали. — Он терпеть не может бабушкиных указаний, особенно когда она велит не убивать дичь — ведь он норовит уничтожить любое зверье. Она говорила, что надо уважать других существ, а он заявил, что она вредит племени, и отправил ее за реку. Коль она так любит волков, то пусть, мол, с ними и живет.

— А если он запретит тебе видаться с крианой? И участвовать в Большом Разговоре? Что тогда? — спросил Брелан.

О Большом Разговоре хотелось узнать подробнее, я даже заскулила от отчаяния: ведь я не умею разговаривать с людьми!..

— Он хочет, чтобы крианом стал его сын, а не я, — тревожно ответила Тали. При упоминании о сыне вождя Брелан застыл на месте. — Я иду на обман. Говорю, что ухожу за травами или шкурками мелких зверей, а сама спешу к бабушке.

Я беспокойно шевельнулась, пытаюсь придумать способ задать вопрос.

— Нас учат, Серебряная Луна, что любые существа, кроме человека, либо глупы, либо злобны, — повернулась ко мне Тали. — Медведи, львы и твои собратья считаются плохими, а те, кто пасется на равнине или питается лесными растениями, и вовсе ничего не значат. Нам говорят, что человек должен повелевать всеми, ведь он единственный подчинил себе огонь, сделал орудия и научился строить жилища. Так полагали не всегда. Бабушка еще помнит старые времена, когда крианы следили за тем, чтобы человек не нарушал законов природы и жил в согласии с миром. Однако вожди сейчас делают что захотят — и не любят, когда им противоречат.

— А многие из нашего народа отказываются уходить на зиму, — добавил Брелан, безотчетно зарываясь длинными пальцами в густеющий мех Аззуена. — Мой дядя не понимает, зачем куда-то идти, если так много сил потрачено на постройку жилищ. Он говорит, что, если бы крианы не запрещали охотиться сколько хочешь, не пришлось бы бродить с места на место. Мол, если долго жить одним лагерем и строить больше хижин, то можно стать сильнее других племен и вся добыча на равнине и за ее пределами будет наша.

Мне стало тревожно. Я так и не понимала, почему люди считают себя особенными, не такими, как все. Конечно, и мы не так уж ценим жизнь зверей, которых убиваем, и я соглашусь с дядей Брелана: добыча принадлежит любому, кто может ее поймать, — однако мы знаем, что у зверей есть жизнь. Нам, как и людям, тоже нужны логова, чтобы вырастить щенков, — но кто захочет провести всю жизнь в логове, если есть густая шерсть и силы для перехода?..

— Наверное, такова их расплата за то, что у них мелкие зубы и нет меха, — прошептала Марра, тоже смутившись. Она наконец прекратила ходить взад-вперед и легла

на сухой клочок земли в нескольких шагах от нас.

— Чем больше они берут добычи, тем больше хотят еще, — заметил Аззуен. — И все же непонятно, почему они не слушают криан. Рууко тоже не всегда согласен с верховными волками, но он им подчиняется.

Мне было нечего ответить собратьям и нечем утешить Тали, зарывшуюся лицом в мех у меня на спине. Я знала лишь то, что волк должен бороться за место в стае, почитать Луну и Солнце и ценить жизнь, дарованную Землей, и еще соблюдать законы охоты, заботиться о собратьях и отстаивать территорию. Как помочь Тали и что делать с загадкой-противоречием, о которой говорила криана, я не ведала. Мне оставалось лишь прижаться к ней и дать покой и тепло.

Марра тихо зарычала: ветром донесло незнакомый человеческий запах. Мы втроем, готовые драться, настороженно подняли головы.

— Что случилось, Серебряная Луна? — Почувствовав, как я напряглась, Тали села.

От человека пахло почти как от Брелана — должно быть, родственник. Однако после всего, что юноша рассказывал о своих соплеменниках, это не означало, что пришедший окажется другом. Поднявшись с травы, мы с Аззуеном и Маррой ждали.

Из леса, направляясь в нашу сторону, вышел молодой самец. Брелан встал, с готовностью сжимая в ладони острую палку, но сразу успокоился, издалека узнав пришельца, и поднял руку в обычном людском приветствии.

— Долго ты нас искал!

— Еще бы! Прячетесь в траве, как кролики, попробуй найди! — откликнулся подошедший самец и вдруг резко замер, увидев нас с Маррой и Аззуеном. Правда, палку он поднимать не стал. — Те самые волки, да?

Видимо, Брелан о нас рассказывал. Юноша подошел ближе.

— Я не совсем верил, брат, а теперь вижу, что все правда. — В его взгляде было больше удивления, чем страха. — Они с вами дружат.

— Или мы с ними, — улыбнулась Тали.

— Вы вместе охотитесь?

— Пока только на мелкое зверье, — кивнул Брелан. — Но теперь нас трое, можно попробовать и крупную дичь!

Я удивилась: он словно читал мои мысли! Я тоже мечтала охотиться на крупную добычу! Я оглядела нового юношу: не такой уж крупный, чтоб от него было много толку...

Тали заметила мой оценивающий взгляд.

— Миклан — младший брат Брелана, — объяснила она мне и повернулась к новому самцу: — Подойди познакомься, это Серебряная Луна.

Однако Миклан не отрывал глаз от Марры, которая подбиралась к нему тихо и осторожно, словно на запах добычи. Она уже видела, как мы с Аззуеном приветствовали своих людей, и сейчас припала брюхом к земле, признавая человека сильнее. Она едва дышала от желания понравиться юноше. Тот был младше, чем Брелан и даже Тали, еще совсем детеныш, и не так недоверчив, как старший брат. Его лицо тут же расплылось в улыбке, он положил руку на голову Марре. Я беспокойно заскулила: такой жест считается у нас властным и подчиняющим — однако Марра явно не возражала. Через минуту оба уже шутливо боролись, катаясь по траве: Марра игриво рычала, мальчик задыхался от хохота. Вскоре, наигравшись, они улеглись рядом; Марра, положив голову на вытянутые ноги Миклана и не уставая стучать хвостом по земле, взглянула на меня с гордостью. Аззуен устроился рядом с Бреланом, девочка запустила пальцы в мою шерсть. Наступали сумерки, навалилось утомление — от пережитого за день, от встречи со старой женщиной, от ее нелегкого рассказа, — но нам шестерым было уютно вместе.

И все же меня не оставляла тревога. Одновременно чувствовать, что я нашла свой дом — и что привычный мир на глазах рушится; впервые в жизни ощущать себя цельной — и разрываться на части... И пытаться разрешить загадку-противоречие, живя со стаей и тайком бегая к людям... Голова кружилась от мыслей... Я попыталась ни о чем не думать и просто

впитывать в себя тепло и спокойствие, исходящие от девочки.

Глава 15

Пригревало послеполуденное солнце, стая спала. Возле Риссы с Тревеггом, сон которых всегда был особенно чуток, улеглись Аззуен и Марра, готовые предупредить меня, если те проснутся. Солнце уже перевалило за середину неба, близилась ночь Большого Разговора. Я пообещала Тали и криане, что приду: нужно было наконец выяснить, кто такие верховные волки и зачем они общаются с людьми. Сегодня улизнуть будет труднее обычного: поблизости шло стадо антилоп, и Рисса хотела научить нас их выслеживать, — поэтому нам велели не разбегаться с поляны, чтобы в нужное время выйти вместе.

Бродя взад-вперед, будто в поисках удобного места для сна, я подобралась к двум дубам на самом краю прогалины, на всякий случай оглянулась и наконец шагнула за пределы поляны.

— Куда это ты собралась?

Уннан заступил мне путь. Оказывается, он только притворялся спящим, а на деле умудрился выбраться в лес и теперь меня поджидал.

— Уйди с дороги, — прорычала я. На вежливость времени не было.

Уннан окинул меня хитрым злобным взглядом.

— Ты же знаешь, я сильнее, — пригрозила я на всякий случай: в последней драке я легко его победила, одолею и на этот раз.

— А драться ты не станешь, — ухмыльнулся Уннан. — Побоишься шума. Так что твоя людская штрекка обойдется без тебя.

Штрекками звали самую недостойную дичь, убить которую ничего не стоит... Я потрясено уставилась на Уннана. Отговариваться было незачем: я не знала, сколько ему известно.

— И Аззуен с Маррой тоже не попадут к своим штреккам. Думаете, вы такие умные? Шляетесь к людям — только дай волю. А потом врете жожакам — мол, охотились. Охотитесь, а добыча где?

— Если ты такой умный, чего ж не доложил Рууко и Риссе? — спросила я как можно беззаботнее, хотя брюхо у меня свело от страха.

— Может, доложу, а может, и нет, — заявил Уннан. — Но сегодня ты никуда не пойдешь.

Я не успела и рта раскрыть, как Уннан громко тьякнул, волки как один подняли головы.

— Щенки! — окрикнула нас Рисса. — Рам не велено отлучаться, а вы?..

Уннан заискивающе улыбнулся:

— Каала собралась убежать — я и остановил. Нам ведь сказали не уходить...

— Прекрасно. — Кажется, Риссу больше разозлил угодливый тон Уннана, чем мое непослушание. — Каала, сейчас не время. Ложись рядом с Тревеггом и Аззуеном и жди часа охоты.

— Хорошо, — подчинилась я.

Рассеянно поприветствовав Тревегга, я задумалась, как улизнуть с поляны, и не заметила его пристального взгляда. Старый волк хотел было что-то сказать, но за нами наблюдала Рисса, и он вновь улегся.

— Спи, волчица, — шепнул Тревегг. — После поговорим.

Я положила голову на лапы, уверенная, что от волнения не смогу уснуть. Однако усталость взяла свое: лишь стоило мне закрыть глаза, как навалился сон.

Меня разбудило прикосновение руки. Распахнув глаза, я глянула в лицо Тали и растерянно моргнула. И тут же замерла от страха: остальные волки спят здесь же, а час охоты совсем близок, стая скоро проснется...

Как я не подумала, что Тали осмелится прийти на поляну! А если ее увидят?.. Даже

прогнать ее невозможно: малейшее поскуливание поднимет всех на ноги.

Она собралась было заговорить; я тут же прижалась носом к ее щеке и встала. Тревег во сне дернул ухом, на другом конце поляны Минн заворчал и перевернулся на другой бок. Я ткнулась лбом в руку Тали, девочка ухватила меня за загривок и повела. Каждый миг я ожидала тревоги — человеческий запах силен, странно, что его до сих пор не услышали.

Вдруг до меня дошло, что я сама не чувствую запаха Тали, хотя она шла со мной бок о бок. Я принялась — от нее пахло лесом, и сладким кленовым соком, и растениями, которые я помнила по ее логову на человеческой поляне. Я хотела спросить, как ей удалось скрыть запах, но прогалина с лежащим деревом была совсем рядом — и девочка потянула меня дальше, в глубь леса. Отойдя на безопасное расстояние, я остановилась, в ожидании объяснений вновь и вновь обнюхивая ее кожу.

— Это уйин, Серебряная Луна, — прошептала она. — Бабушка делает его из сока ветвистого дерева, ягод черной рябины и дюжины трав. Я пока не умею его составлять, надо долго учиться. Бабушка сказала, что если намазаться уйином, то волки меня не учуют. — Тали потеряла руки и наморщила нос. — Он клейкий.

Я лизнула ее руку — хотелось больше узнать про уйин: если он скрывает запах девочки даже от меня, почему бы его не использовать на охоте, чтобы добыча учуяла нас не раньше, чем мы нападём. Однако в смеси было слишком много растений и даже толченых насекомых — вряд ли я смогу их сама собрать, чтобы вывалиться. А пока я не могла оторваться от ладони девочки.

— Хватит, волчица, — сказала она, отталкивая мою морду. — Мне же надо, чтоб не пахло! Сегодня ночь Большого Разговора, бабушка велела тебя привести. Сказала, это очень важно.

Вылизав девочкины пальцы чуть ли не дочиста, я виновато ткнулась носом в ее ладонь: у Тали мужества вдвое больше моего, ведь я даже не решилась сбежать, когда меня остановили, а она сумела найти нашу поляну и не побоялась приблизиться ко мне в самой гуще стаи.

— Я мало что знаю о Большом Разговоре, — продолжала она говорить на ходу. — Мне туда рано, потому что я еще не женщина, но бабушка велела нам с тобой прийти. Я обрадовалась, когда она тебя позвала.

Судя по голосу, ей было одиноко. Я мягко ткнулась носом в ее ладонь.

За две луны, прошедшие с тех пор, как я вытащила Тали из реки, ее ноги выросли, теперь она шла легким свободным шагом. Конечно, с волком ей не сравняться, но все же через лес мы двигались на удивление быстро. Когда небо начало темнеть, Тали замедлила шаг. Стая, должно быть, уже просыпается, меня наверняка хватились... Ничего не поделаешь: девочка пришла ко мне за помощью, и она ее получит.

— Стой!.. Чуть не забыла.

Тали достала из сумки тыкву и сняла верхушку, в воздухе разнесся запах уйина. Она зачерпнула рукой клейкую массу и втерла ее в мою шерсть, почему-то не тронув подушечки лап, — наверное, не знала, что на лапах у нас самые сильные запаховые железы. Я потеряла передними лапами морду, где Тали оставила целую кляксу уйина, задними потопталась по каплям, упавшим на траву, чихнула и посмотрела на Тали. Она смешливо выдохнула и, закрыв тыкву, спрятала ее в сумку. Мы снова пошли вперед.

Час спустя Тали остановилась у неприметной с виду травянистой прогалины с рассыпанными по ней валунами — удобного места вроде тех, где можно собираться стаей. Сквозь просвет в деревьях виднелись горы, мерцающие в лунном свете. Тали, явно чего-то ожидая, присела на землю, я устроилась рядом с ней.

И тут я их учуяла — и, несмотря на рассказы старой женщины, едва поверила собственному носу: к нам толпой двигались верховные волки. Я узнала Франдру и Яндру, остальные были незнакомы. Кто бы подумал, что в Долине столько верховных волков... Я поскулила, давая знак Тали, и двинулась прочь с поляны. Девочка за мной не пошла; тогда я взяла ее зубами за руку и мягко потянула.

— Они идут, Серебряная Луна? — поняла она. — Нужно спрятаться, пока нас не увидели.

Оглянувшись, она выбрала высокий валун и хотела было за ним укрыться, но я видела, что ветер дует от него в сторону верховных волков: хоть уйин и должен был сделать нас незаметными, рисковать не хотелось. Я потянула Тали на другую сторону прогалины и нашла два высоких валуна, стоящих бок о бок; у одного откололся край, открыв небольшой уступ, а между валунами виднелась трещина, способная вместить нас обеих. Я вспрыгнула на уступ, Тали взобралась следом, подтянувшись на сильных руках, и мы юркнули в трещину. Девочка плотно жалась ко мне, ощущать себя втиснутой меж двух камней было неуютно, но я не шевелилась, стараясь дышать медленнее.

Верховные волки, не скрываясь, вышли на поляну. Шесть пар — среди них Франдра и Яндру — и одинокий древний самец, собравшись на залитой лунным светом траве, обменялись тихими, неслышными мне словами и подошли каждый к своему валуну. При виде Яндру и Франдры Тали вцепилась в мою шерсть.

— За мной часто следят, — прошептала она. — Вон те двое. Которые приходят к моей бабушке.

Я даже не успела толком удивиться — послышался запах людей, и вскоре они вышли на прогалину, в одиночку или подвое. Хотя я и помнила слова крианы, все же я чуть не задохнулась от возмущения: верховные волки встречаются с людьми? Те самые верховные волки, что призваны блюсти закон и не приближаться к человеку? Когда я спасла Тали, Франдра и Яндру пытались мне угрожать — а теперь они здесь? Если б я не увидела этого своими глазами, ни за что бы не поверила!

Люди приветствовали верховных волков так же, как друг друга приветствуют волки одной стаи. Люди, среди которых бабушка Тали была старшей по возрасту, держались с одинаковым достоинством, от них пахло силой и мудростью. Рядом с ними беззвучно шла волчица из моего сна.

Вскоре люди разошлись каждый к своей паре верховных волков, бабушка Тали встала рядом с Франдрой и Яндру. Я вдруг заметила, что валуны не разбросаны по земле в беспорядке, как мне казалось раньше, а образуют большой круг, и теперь верховные волки и люди стояли кольцом вокруг поляны, устремив взгляды в центр.

Молодая волчица из сна ткнулась носом в ладонь старой женщины и пробежала через круг, направляясь к нашей скале. Вспрыгнув на уступ, она торопливо лизнула меня в макушку и уселась выше нас, сверху валуна. Я не смела сказать ни слова — ведь меня могли услышать, — лишь взглянула на нее, вывернув голову назад. Бесплотная волчица мне улыбнулась.

«Гляди и молчи, Каала Мелкие Зубки».

Я так и не осмелилась заговорить и повернулась обратно к окруженной камнями прогалине.

Все глаза, волчьи и человеческие, были устремлены на старую криану.

С ее плеч ниспадала шкура неведомого мне существа, плотная и с густым мехом. Из складок шкуры женщина извлекла лезвие — не каменное, как наконечник на острой палке у Тали, а более легкое и скругленное. Клык длиннозуба! Я содрогнулась: к длиннозубу, особенно за клыком, я и приблизиться бы не посмела... Высоко воздев клык, насаженный на ольховую рукоять, криана прошла в центр каменного круга и повернулась к востоку. Лунный свет одевал ее сиянием, клык длиннозуба казался лучом, простертым в небо.

Голосом чистым и ясным, каким зрелая волчица звала бы стаю на охоту, женщина стала произносить слова в плавном ритме, которого я никогда не слышала в людской речи, и ее голос то взлетал, то понижался, подобно волчьему вою перед охотой. Такие звуки порой издавала Тали во время наших прогулок, но голос женщины лился более уверенно и властно:

Взываю к Солнцу:

Да будет с нами животворное тепло, Дух пламени, Огонь и

сила, Свет и жар,
Что заставляет травы и зверей
Тянуться
К Небу.

Я даже не сразу поняла слова — женщина говорила на древнем наречии, самом старом из земных языков, от которого происходят все языки мира. Рууко с Риссой велели нам его выучить, чтобы понимать других существ. Я, правда, не думала, что люди его тоже знают. Интересно, можно ли на нем говорить с Тали...

Медленно, словно каждое движение причиняло боль, в середину круга выступил древний самец из верховных волков. Повернувшись к западу, он заговорил голосом, похожим на шелест высохших прутьев под ногами:

Взываю к Луне,
Подруге ночи,
Спутнице звезд,
Чья сила таится под мягкостью,
Чья мощь обретается в покорстве,
Чей прохладный свет
Указывает дорогу
К Небу.

— Вот для чего ведется Большой Разговор, — прошептала Тали, устраиваясь поудобнее. — Я понимаю не так уж много, но я учусь.

Старая женщина заговорила снова — взывая к Земле, дарительнице крова и жизни. Я начала догадываться. Большой Разговор — ритуал, подобный нашему обряду принятия детенышей или охотничьим танцам, и люди воспринимают его так же всерьез, как мы свои церемонии. Когда женщина простерла нож к северу, Тали прижалась ко мне теснее.

Затем вновь настал черед старого волка:

Небо, жилище ветров,
Начало всего живого,
Первый Отец, первая Мать,
В твоей власти дарить
Свет и тьму,
Жизнь и смерть
Солнцу, Луне и Земле.

Женщина опустила нож и склонилась к старому волку, опершись на его широкую спину. Тот прижался к ней, и на мгновение они словно слились в единое существо.

— Волки-хранители! — воззвала женщина. — Мы возрождаем обещание, данное вам предками наших предков: обещание ограждать людей от гордыни, мир — от разрушения, зверей — от ненужной гибели по вине человека. Нынче ночью мы принимаем вашу мудрость, чтобы нести ее своему народу.

Старый волк склонил голову и заговорил:

— Примите ответную клятву, в память древней клятвы нашего первоотца Индру. Обещаем не наносить урона вашему племени, обещаем учить вас мудрости и помогать блюсти Равновесие. Именем Индру — обещаем.

После этого люди, каждый со своей парой верховных волков, легли на землю. Луна сияла ярче обычного, тонкий свет, исходящий от женщины и старого волка, струился на остальных, воздух едва не вибрировал от напряжения.

— Отойдем. Мне пора.

Положив лапу на грудь Тали, я прижала девочку к земле — дать понять, что ей нужно остаться. Сама же, выбравшись из трещины, на всякий случай оглянулась на верховных волков — не заметит ли кто — и сползла на землю по задней поверхности валуна. Спуск оказался крутым, я сорвалась и съехала вниз, больно ударившись задом.

Пытаясь все же выглядеть достойно, я обнюхалась с бесплотной волчицей.

— Мне пора, — повторила она, — иначе на мое отсутствие обратят внимание. События развиваются стремительно; я надеялась, что все грянет не раньше, чем ты проживешь под новой шкурой хотя бы год и станешь способна себя защитить.

— А что должно произойти?

— Тихо, — велела волчица. — Меня не услышат, а вот тебя могут заметить. Теперь ты знаешь: волки должны быть с людьми, потому что иначе люди все разрушат.

— Так говорила нам старая женщина, — прошептала я. — Она сказала, мы созданы друг для друга, но не можем быть вместе: любое сближение заканчивается враждой. Но в наших легендах все по-другому!

— Волчьи легенды лгут, — взглянула на меня бесплотная волчица. — Женщина-криана говорит правду.

Воздух застрял у меня в горле. Из-за желания быть с Тали я мечтала, чтобы все так и оказалось, — и все же не могла поверить. Все, чему нас учили, — ложь? Рууко, Рисса и мудрый Тревегг ошибались?.. Однако даже сейчас, стоя нос к носу с волчицей, я слышала разговор людей и верховных волков — и была вынуждена верить собственным ушам.

— Я не знала об этом, когда моя стая охотилась с людьми. Я, как и ты, встретила человека и стала ходить с ним на охоту. На мясе, что мы добывали вместе с людьми, стая окрепла, однако между людьми и волками зародилась вражда. Волки-хранители во всем обвинили меня: мол, я пошла общаться с людьми, не зная, чем это грозит, и теперь Древние нас накажут за раздор. Хранители объявили, что знают способ поладить с человеческим родом и что только мой уход спасет стаю. Так меня изгнали. — В тоне волчицы послышалась горечь. — С тех пор много лет все шло без помех, и я начала верить, что хранители правы, что разлад возник из-за меня, что я в ответе за вражду между волком и человеком. А теперь все рушится, и я подозреваю, что напрасно верила хранителям. Вот почему я к тебе прихожу.

Я взглянула на нее. Интересно, чего она от меня ждет?

— Волкам и людям грозит новая битва, и на этот раз запасных путей не будет.

— Зачем волкам драться? — прошептала я. — Ведь тогда мы нарушим закон!

— Любые законы могут нарушиться, а легенды — забыться. Спокойствие в Долине всегда было хрупким. Волки-хранители слишком многое от нас таили, их скрытность и стала причиной бед.

Внезапно разозлившись, я вздернула подбородок. Уж ей ли говорить о скрытности? Сколько я мучилась оттого, что считала влечение к Тали дурным и опасным! А волчица все это время знала правду!

— Почему ты раньше не говорила? — требовательно спросила я. — Просто появлялась и исчезала, а ведь могла же сказать!

Волчица с рыком оскалила зубы.

— Где тебе судить, чего стоит «просто появляться»? Мне запрещено приносить сюда знание из другого мира. Я могу лишь указывать путь, чтобы помочь тебе разобраться самой! Ты знаешь больше, чем знала я, — мне не было известно ровно ничего! — Бесплотная волчица оглянулась. — Я задержалась слишком надолго и наговорила слишком много. Тебе нужно услышать речи верховных волков. Узнай, насколько волки и люди близки к войне, и отыщи способ их остановить.

— Каким образом?

— Вам с девочкой придется поразмыслить. Найти не найденное мной решение — найти прежде, чем волки и люди сойдутся в битве. Если разразится бой, все будет кончено.

Мне не верилось: она и впрямь ждет, что у меня отыщется способ все уладить?

— Как мне искать пути, что делать? — воскликнула я.

— Мне пора. Ты знаешь больше, чем знала я. Умей этим распорядиться.

Прежде чем я раскрыла рот, волчица бесшумно скользнула между деревьями и исчезла. Меня охватило нестерпимое желание свернуться в комок и залечь здесь же, у камня, чтобы уснуть и забыть все виденное и слышанное. Однако меня ждала Тали, и к тому же, если бесплотная волчица права и в Долине зреет раздор, нужно послушать разговоры верховных волков.

Я влезла обратно в расщелину и с дрожью прильнула к Тали. Если бы я умела с ней разговаривать! Как мне хотелось рассказать ей все, что я узнала от волчицы!.. Я легла еще ближе, она прижала меня к груди.

Люди и волки тем временем поднялись, два или три человека помогли старой женщине взобраться на высокий валун. Прямая и сильная, хоть и старая, она повернулась к верховным волкам и, воздев руки, замерла в молчании, ожидая, пока к ней обратятся взоры всех волков и людей.

— Для многих из вас не тайна, что Большого Разговора уже недостаточно. В Долине царит несогласие. Что вам об этом известно?

Старый волк выступил вперед, и к нему обратились все взгляды, хоть он и не стал взбираться на валун.

— Мы тоже такое слыхали, — ответил он шелестящим голосом. — С каждым Большим Разговором становится только хуже. Есть волки, что не верят в легенды. Есть люди, что мыслят истребить всех волков. Мы видим, Ниали, — обернулся он к старой женщине, — что ваш народ перестает чтить криан, вам не под силу влиять на людское мнение.

— Это правда, Зориндру. — Голос Ниали зазвучал резче. — Мы уже не так властны над племенем. Но и ваше могущество меркнет, волки все меньше вам повинуются.

Вперед вышла женщина — гораздо моложе Ниали, однако старше моей девочки. Будь она волчицей, ей впору было бы возглавить стаю: хватило бы и юных сил, и зрелой уверенности. Я не удивилась бы, увидев на ней встопорщенный мех, — настолько она была разозлена.

— Ниали права. Мне рассказывали, что волки убили двоих людей — юношу из племени Лин и ребенка из семьи Альн. Племя Альн теперь требует, чтобы я как криана предъявила им тело мертвого волка: они жаждут мести и готовы убить всех волков до одного. Пока что мне удавалось их сдерживать, но, если вы не остановите волков, я за свое племя не отвечаю.

— Согласен, — кивнул Зориндру. — Если людей и вправду убил волк, а не какой-нибудь медведь или длиннозуб, и если волка не дразнили и не вынудили напасть, мы найдем его и уничтожим вместе со стаей.

Сердце забило где-то в горле: неужели взаправду бывают волки-человекоубийцы? И какое страшное наказание... Тали еще крепче вцепилась в мою шерсть. Интересно, насколько хорошо она понимает древнее наречие.

— Это не все, — раздался молодой голос: юноша чуть старше Тали говорил робко, словно древнее наречие было ему в новинку. — Ха Вен, новый вождь племени Вен, поклялся очистить Долину от волков. Его женщина лишилась ребенка, что рос у нее во чреве, и Ха Вен говорит, будто причиной тому волк, которого она увидела, собирая семена.

Бабушка Тали кивнула:

— Джилин тоже винит волков: считает, что его меньший сын сломал ногу из-за того, что ступил на волчью тропу. И еще он говорит, что людям незачем заботиться о делах Земли и Неба: мол, вся пища в Долине и на всей Земле принадлежит людям, и если другие существа на нее посягнут — их надо убивать. Кто-нибудь еще слышал подобные речи?

— Да, — тут же вставил юноша, затем потупился под взглядом более старших криан и судорожно сглотнул. — Ха Вен сказал, что жизнь племени наладится тогда, когда мы уьем всех волков и ножезубых львов.

— У нас в племени считают так же, — положив руку на плечо юноше, произнесла еще одна женщина негромким чистым голосом. — Я пыталась отговорить — все тщетно.

— Мы только и делаем, что уговариваем людей не верить в такую чушь, — сказала бабушка Тали, — но если толки о нападениях волков не прекратятся, люди рано или поздно начнут убивать, и остановить их нам не удастся.

На мгновение воцарилась тишина. Сердце Тали ускорило бег, мое тоже забилося быстрее. Бесплотная волчица оказалась права: назревает раздор, и что мне делать — неизвестно.

— Мы слышим и понимаем тебя, — произнес Зориндру. — Мы истребим семьи всех волков, кто нападал на людей без повода. А тем, кто верен нашим законам, мы напомним об ответственности. Ступайте с миром, — кивнул он людям.

Старая женщина хотела что-то добавить — она явно ждала от верховного волка большего, и по осанке было видно, что она разгневана, — однако промолчала и лишь протянула руки тем, кто помогал ей сойти с валуна.

— Ступайте с миром, волки-хранители.

Старая криана вышла из каменного круга, за ней последовали остальные люди.

— Мне нужно проводить бабушку, — прошептала Тали. Прежде чем я успела ее остановить, она спустилась с валуна и скрылась в лесу. Я было двинулась вслед, но увидела, как Франдра с Яндру смотрят в мою сторону. Еще не хватало, чтоб меня здесь застали... Я сползла по задней стороне валуна и направилась к дому, усиленно раздумывая над услышанным. Что же, во имя луны, мне делать...

На поляне у лежачего дерева меня ждал Тревегг.

— Ты пропустила охоту на антилоп, Рууко злится.

— Я охотилась на мелкую дичь, — ответила я, стараясь не встречаться с ним глазами. — Вы что-нибудь поймали?

Пододошедший Аззуен встал рядом со мной.

— Нет. — Тревегг надолго замолчал, не отводя от меня взгляда, и наконец тихо вымолвил: — Я никому не сказал о ваших отлучках к людям.

Я даже подпрыгнула от неожиданности, Аззуен удивленно взвизгнул.

— Наверное, мне стоило все прекратить сразу, как только я заметил, что вы с друзьями к ним зачастили. Но мир меняется, верховные волки не все нам говорят. Я надеялся, что хоть ты сможешь что-то выяснить. Ты отличаешься от всех — я это понял в тот день, когда ты, не прожив еще полной луны, воспротивилась Рууко.

— Я не отличаюсь, — проговорила я. — Я не хочу никаких перемен. Я просто хочу быть ближе к людям.

— Это и есть желание перемен, — мягко произнес Тревегг. — Ты слышала легенды... Знаешь ли ты, что брат Рууко был изгнан за то, что общался с людьми?

— Да, — кивнула я.

— Вот и хорошо. Тогда вожаком стаи был мой брат, Хиилн должен был ему наследовать. Они с Риссой выбрали друг друга в спутники — лучшей пары для продолжения рода нельзя было и представить. — В голосе Тревегга слышалась печаль. — Но когда Хиилн заявил, что не отречется от людей, я вынужден был следовать закону Долины: по моему совету брат изгнал Хиилна, хотя его сердце этого не вынесло. Сейчас я не уверен, что поступил правильно. Потому-то предпочел не вмешиваться, когда ты стала уходить к людям.

Тревегг помолчал.

— Есть легенда, которую рассказывают только вожакам, — медленно произнес он. — Я о ней узнал, когда собирался возглавить стаю. Из нее ясно, Каала, почему вожак тебя ненавидит, и мне стоило рассказать о ней раньше, как только Рууко не пустил тебя на первую охоту. Издревле говорилось, что из-за волчонка с полумесяцем на груди пошатнется заповедь, придет конец прежнему роду волков и возникнет раздор, который либо спасет, либо уничтожит стаю. Твоя мать скрыла от всех, кто твой отец.

Если он был из тех, кого тянуло к людям, то пророчество могло относиться к тебе.

— Я не легенда, — еле выговорила я. Тревегг посмотрел на меня долгим взглядом.

— Может, и так, — сказал он ласково. — У других волков тоже бывает знак

полумесяца. Однако сейчас Рууко насторожен, а в Долине беспокойно. Будь осмотрительна, Каала.

Я тихонько заскулила. Столько всего надо обдумать...

— Время покажет, — вдруг добавил Тревегг. — Может, это тебя не касается и ты всего лишь непослушный щенок. — Он лизнул меня в макушку. — Ступай объяснись с вожаком. И больше не пропускай охоту.

Я благодарно лизнула Тревегга в морду и пошла извиняться перед Рууко.

Глава 16

Мы с Аззуеном и Маррой тащили по куску оленьего мяса на вершину холма, называемого Волкоубийца. Наш первый олень был старым и искалеченным, это правда, но мясо у него было таким же вкусным, как любое другое. Насчет Миклана я ошиблась: для своего роста он был силен, и именно его удар оказался первым. У людей есть специальные вторые палки для бросания острых палок, и Миклан владел ими мастерски. Вшестером нам легко удалось взять оленя, и я порадовалась, что мы успели вовремя: лосей на Великой Равнине почти не осталось, и Рууко сказал, что если в ближайшие ночи ничего не добудем, то надо готовиться к зимнему переходу. А зимой и видаться с девочкой, и тем более охотиться вместе с людьми сложнее. К тому же совместная охота отвлекала от мыслей о Большом Разговоре: вызнать там удалось многое, но даже Аззуен не мог понять, что теперь делать. Я лишь надеялась, что неприятности грянут не раньше, чем мы что-нибудь придумаем.

Мы с Аззуеном и Маррой обсудили, куда деть нашу долю оленины. Часть мы спрятали, однако объяснений со стаей все равно не избежать.

— Волки заметят по дыханию, — сказала Марра. — Одно дело, когда от тебя пахнет кроликами или даже дикобразом: их мы можем поймать и сами. Но не оленя же! Если узнают про оленя, нас изведут расспросами.

Марра лучше всех нас чувствовала отношения в стае, к ней стоило прислушаться.

— Скажем, что мы нашли его уже мертвого, — предложила я.

— Олень слишком свежий, а от нас пахнет охотой, — заметил Аззуен. — Они поймут, что мы обманываем.

И вправду: запах людей остается только на поверхности тела, его легко смыть или перебить другим — не то что запах охоты на крупную дичь, который идет изнутри.

— Что же говорить стае? Неужели отказаться от мяса? — бессильно спросила я.

— Не поможет, — медленно проговорила Марра. — Они все равно поймут, что мы охотились на крупную дичь, и спросят, почему ничего не принесли остальным.

— Надо что-то придумать. — Аззуен не сомневался, что выход существует. Он дернул ухом и полуприкрыл глаза; было почти слышно, как работает мозг, я даже позавидовала. Долго ждать нам с Маррой не пришлось: глаза Аззуена тут же осветились догадкой.

Час спустя мы осторожно взбирались на холм Волко-убийцу — относительно невысокий, но крутой, странно торчащий посреди леса в получасе бега от нашего лежачего дерева. Кто-то говорил, будто раньше Волко-убийца был крупным вулканом, от которого теперь остался лишь мелкий неровный бугор. Другие считали, что в давние времена его сделали люди или верховные волки. Волко-убийцей холм зовут оттого, что если неосторожно по нему взбежать, то рухнешь с крутых уступов и разобьешься об острые камни. Мысль Аззуена была проста: мы скажем, что загнали оленя на холм и оттеснили к обрыву, а потом ободрали мясо с разбившейся туши. Для исполнения задуманного оставалось лишь повалиться под старыми тисами, которые растут только на Волко-убийце: запах ядовитых деревьев знаком любому волку и стая не будет нас расспрашивать. Мы надеялись.

— Может, не стоило тащить мясо вверх? — пробормотала я на полпути к вершине: подниматься по крутому склону, не выпуская мясо из зубов, было нелегко.

— Оно должно пахнуть так, словно побывало на вершине, — тяжело дыша, отозвался Аззуен. — Уже недалеко.

— Бегайте побольше, — ухмыльнулась Марра. — А то ослабли совсем.

Я остановилась перевести дух и подыскать подходящий ответ — и вдруг услышала запах волков Скалистой Вершины. Вместе с Аззуеном и Маррой, почуявшими запах в тот же миг, мы прислушались к едва различимому гулу — волки явно разговаривали, хотя слов было не разобрать.

— Что им делать на нашей территории? — недоуменно спросил Аззуен, кладя мясо на землю.

— А самое главное — где они? — Марра оглянулась.

— Наверное, на другой стороне, — предположил Аззуен.

— Не меньше четырех. — Марра вскинула нос к ветру, затем опустила обратно к земле. — По-моему, там Торелл. Остальных, кажется, не знаю.

Различив узнаваемый, болезненный запах Торелла, я не столько возмущилась, сколько испугалась: его волки, судя по всему, находились на наших землях уже дня два. Ветер с их запахом упирался в холм и не долетал до стаи.

— Надо сообщить Рууко и Риссе, — с сомнением произнес Аззуен.

— Нельзя, — заметила Марра. — Стая придет сюда их искать, обнаружит наш след и проследит его до людского лагеря. Уничтожить след мы не успеем.

Марра была права. Но долг перед стаей требовал рассказать вожакам о волках Скалистой Вершины.

— Давайте визнаем, что замышляют Скалистые, — предложила я. — Если они уходят с наших земель и угрозы стае нет — то, может, и не надо ничего говорить. А если думают остаться — то будет что рассказать вожакам, и заодно успеем замаскировать след.

— Тогда выйдет, что мы добыли ценные сведения для стаи, — задумчиво промолвила Марра.

— И скажем, что слышали Скалистых на обратном пути от холма, — добавил Аззуен. — На каком-нибудь месте, где стая не почует, что наш след тянется к людям.

Аззуен с Маррой смотрели на меня так, будто ждали решения, а мне страшно не хватало Тлиттоо; того не было уже целых пол-луны — исчез с того дня, как мы навещали хижину крианы. Не то чтобы я соскучилась по ехидным шуточкам, но он хотя бы не считал меня существом, знающим, что делать.

— Рууко с Риссой не должны догадаться, что мы лжем, — решительно сказала я. Раз уж я втянула Аззуена с Маррой в историю, надо позаботиться, чтобы из-за меня их не выгнали из стаи. — Выясним, что замышляют Скалистые.

Марра и Аззуен согласно кивнули, и мы принялись закапывать мясо — неглубоко, чтобы легко было отыскать на обратном пути.

— Марра, веди нас на запах, а ты, Аззуен, прислушивайся, нет ли опасности, — велела я. Мы должны быть осторожны, а чуткий нюх Марры и тонкий слух Аззуена — как раз то, что надо.

Волков Скалистой Вершины мы обнаружили по другую сторону холма. Нависающий выступ, под которым они прятались, давал хорошую защиту от непогоды и помогал скрыть запах. Не переменись ветер, когда мы взбирались на холм, — нам бы их не учуять. Марра повела нас с подветренной стороны, чтобы волки не заметили, и велела залечь наверху, чуть правее их убежища — на остром выступе, усыпанном обломками камней. Я вновь припомнила рассказы о волках, сорвавшихся с Волко-убийцы, и крепче уперлась лапами в холм. Сердце билось так сильно, что Скалистые должны были услышать. Я вытянула шею и заглянула в их убежище.

Кроме Торелла — злобного самца в ужасных шрамах, угрожавшего нам у Ольховой Переправы, — там лежали еще трое: два незнакомых волка и Сеела, волчица Торелла.

— Теперь или никогда, — говорил худощавый и сильный молодой волк. — От наших земель нет толку: охотиться не на кого, спрятаться негде. Если их не убить, мы вымрем.

— Тут надо осторожно и по-умному, — мрачно отозвался Торелл. — Это тебе не у Мышеедов земли отбирать. Нас меньше, и мы слабее.

— Он про нашу стаю? — прошептал Аззуен. Я гневно на него глянула и оскалилась, приказывая молчать; Аззуен виновато прижал уши.

— Они слабаки, я их не боюсь, — заявила волчица.

— Не глупи, Сеела, — бросил Торелл. — Без осторожности пропадем. А если не по-умному, нас убьют верховные. Они между собой в соре, да полагаться на это нельзя. Если стая Древесной Тропы и стая Озера Ветров нас не поддержат, не стоит и пробовать.

Услышать мы услышали, да только понимания не добавилось. Что за раздоры верховных волков? И для чего нужна помощь сразу двух стай? Скалистые давно уже покушались на нашу территорию — должно быть, и напасть теперь хотят тоже на нас. Чтобы лучше слышать, я склонилась вперед, не заметив под ногами мелких камешков; несколько штук сорвалось вниз, и Скалистые подняли головы.

Внезапно переменявшийся ветер донес им наш запах; Торелл, вздернувший нос к ветру, с неожиданной быстротой рванулся к нашему месту — и Марра, не успевшая поднять морду от следов, которые она изучала, вмиг оказалась прижатой к земле. Она пыталась отбиться, но Торелл придавил ее всем телом, и она затихла.

— В таких местах — и без взрослых? — оскалился Торелл. — Волкам Быстрой Реки плевать на своих щенков?

Мы с Аззуеном бросились было с холма, но остальные Скалистые уже неслись на помощь вожаку. Я кинулась обратно на холм, Аззуен не отставал. Прыгнув на Торелла, мы сбили его с Марры ровно в тот миг, когда волки уже подбирались к вершине, — и пустились бежать.

Мы неслись с холма, стараясь не полететь кувырком. Мелькнула мысль об оленьем мясе, но я прогнала ее обратно. Благополучно спустившись, мы бросились к полю, где некогда паслись лошади: там, у кромки леса, наша стая готовилась к последней предзимней охоте. Бежать по ровной земле было легче, и я надеялась, что Скалистые прекратят погоню — в конце концов, они ведь на нашей территории! Однако они не отступались.

— Зачем нас преследовать? — задыхаясь, спросила я.

— Чтоб мы не рассказали Рууко, что слышали, — мрачно бросила Марра.

У меня внутри похолодело. Если Марра права, Скалистые нас убьют, как только догонят. Мы неслись изо всех сил — даже оленя загоняли не так быстро. Марра летела впереди, в нескольких прыжках передо мной. Скалистые мощны и сильны, тяжелый костяк позволяет нападать на крупных зверей, но волкам Быстрой Реки они уступают в скорости, и даже полувзрослые щенки вроде нас могут их обогнать на небольших расстояниях. К тому же мы мчались по своей земле, где нам знаком каждый кустик. И все же один из Скалистых, тот самый худощавый самец, от нас не отставал; судя по запаху, он был молод — наверное, двухлетка. Я держалась позади Аззуена: сейчас его лапы окрепли и бежит он быстро, однако уступает нам с Маррой, и мне не хотелось оставлять его последним. Лес сделался гуще; олений запах, по которому мы шли, исчез, стало труднее находить дорогу. Теперь нас с Маррой и Аззуеном разделяли деревья, кусты и камни.

Молодой самец уже настигал меня, легко перескакивая через валуны.

А потом прыгнул, схватил за задние лапы и повалил на землю. Он был раза в полтора тяжелее, но я не раздумывая вцепилась ему зубами в переднюю лапу — в ранимое место, не защищенное мускулами, где лапа переходит в грудь. Самец взвыл от боли и неожиданности. Вокруг слышался топот ног — то ли приближались Скалистые, то ли бежали Аззуен с Маррой.

— Это наша территория! — прорычала я. — Вам тут делать нечего!

Молодой волк удивленно взглянул и рассмеялся:

— Переходи к нам в стаю! Что тебе Быстрая Река? Рууко тебя все равно не ценит, твой друг-ворон рассказал. А мне нужна сильная спутница. Меня зовут Пелл. Запомнишь?

Я замерла, глядя на него в замешательстве, хотя топот слышался где-то рядом.

Внезапно из-за деревьев выскочил Аззуен и рыча бросился на Пелла. Он вернулся за мной! Пелл явно не ожидал нападения, и Аззуену удалось сбить его с ног.

— Беги, Каала! — крикнул Аззуен, вновь обернулся к Пеллу и зарычал. Таким свирепым я его еще не видела.

Запах Сеелы слышался уже близко, и я бросилась бежать. Мы устремились вслед за Маррой, упорно несущейся впереди Торелла и его волков, срезали путь между деревьями, поравнялись с Маррой и дальше помчались втроем на равнину Высокой Травы, чтобы встретить свою стаю.

Волки Скалистой Вершины, хоть и не такие быстроногие, все же были выносливее, и я успела порадоваться, что бежать оставалось недалеко. Я учуяла стаю, рассыпанную вдоль кромки леса, и на краю равнины чуть не врезалась в Уннана, который явно нас поджидал. Он раскрыл было пасть, но при виде Скалистых, несшихся за нами по пятам, просто молча удрал. От усталости я не могла вымолвить ни слова, и даже Марра задыхалась, но все же она собралась с силами и предостерегающе тявкнула.

Иллин с Минном добежали до нас первыми: они кружили вокруг лосей, забредших сюда с Великой Равнины. Тореллу и прочим Скалистым, видимо, не пришло в голову вынюхивать нашу стаю — а может, их это не заботило, — но при виде пары не вполне взрослых волков они засмеялись, и Торелл, презрительно ухмыльнувшись, вместе с Пеллом наскочил на Иллин и Минна. Однолетки оказались в меньшинстве, мы кинулись им на помощь. Двумя вздохами позже к нам подоспели Рууко, Рисса, Веррна и Тревегг, в тот же миг на равнину выскочили Сеела и четвертый волк из Скалистых. Столкнувшись, обе стаи замерли друг против друга. Четверо Скал истых держались уверенно, хотя перед лицом шести взрослых волков готовы были и отступить.

На нас с Аззуеном и Маррой налипла грязь с травинками и листьями, после приключения со Скалистыми шерсть запылилась — в пылу погони мы этого даже не заметили. Рууко обвел нас взглядом и, оскалившись, рыкнул, в солнечном свете его шкура казалась дымящейся. Гневная Рисса яростно зарычала, встопорщив белый мех на спине.

— Вы зашли на территорию Быстрой Реки и осмелились угрожать нашим щенкам! — обвинительно произнесла она.

— Если они так ценны, что ж вы за ними не приглядываете? — прорычала в ответ Сеела.

Рууко с Риссой, ожидая ответа Торелла, на нее даже не глянули. Пока трое вожаков не сводили друг с друга глаз, Сеела с Пеллом и четвертым Скалистым встали позади Торелла, готовые драться. Наконец Торелл позволил шерсти на спине немного улежаться.

— Мы не собирались их трогать, — процедил он. — У нас с вами есть дела поважнее. Мы шли кое-что обсудить, а щенки принялись нас выслеживать.

— Он лжет, — прошептал Аззуен так, что слышала только я. Марра тоже взглянула на меня, и я, как ни опасалась Скалистых волков, все же не могла промолчать.

— Он лжет, — громко заявила я. Все разом обернулись ко мне, и я чуть прижала уши. — Они собирались на нас напасть. И сидели на нашей территории. Они хотят объединиться со стаями Древесной Тропы и Озера Ветров, чтобы затеять против нас битву. Мы сами слышали.

Я неловко переступила с ноги на ногу под пристальными взглядами волков.

— Это правда, — спокойно подтвердил стоящий рядом Аззуен. — Мы втроем слышали их разговоры.

Марра подтверждающе зарычала, и Рууко холодно посмотрел на Торелла. Пелл пытался поймать мой взгляд.

— Достаточная причина, Торелл, чтобы убить вас на месте, — произнес Рууко. — Отпустить — значит ждать, что вы нападете на нас спящих.

— Только попробуй приблизиться, недомерок, — рявкнул четвертый из Скалистых. Он явно не отличался умом — потому, видимо, при своих размерах и не выбился в вожаки.

— Заткнись, Аррун, — бросил Торелл. — Твои щенки, Рууко, ничего не поняли. Мы

собираемся нападать, только не на вас. — Он помедлил. — На людей.

Стая замерла в молчании — даже стало слышно, как лоси жуют траву в двадцати прыжках от нас. Слова Торелла отдавали безумием, словно он заявил, что сорвет с неба волчью звезду и убьет ее как кролика. Невероятно, какой тупицей я оказалась: даже после всего, что я услышала на Большом Разговоре от верховных волков и от бесплотной волчицы, я не верила, будто волки всерьез задумают напасть на людей. Проще было представить, что добыча отрастит клыки и отправится на охоту.

Рисса обрела голос первой.

— Ты обезумел, Торелл? — проговорила она тихо. — Убийство человека сурово карается. Верховные волки уничтожат Скалистую стаю и всех, в ком течет твоя кровь.

— Верховные слабеют, решимость у них не та, — заявил Торелл. — Даже если они и знают, что творится в Долине, — им плевать. Вам-то, поди, и невдомек, что люди объявили войну волчьему роду. А, Рууко? — Тот обменялся взглядом с Риссой и промолчал. — Я так и думал. Ты понятия не имеешь, что творится в твоих землях. На том берегу люди убивают всех волков, какие попадутся на глаза, и каждого длиннозуба и медведя, и каждую лисицу — всех, кого считают соперниками по охоте. Если людей не убить, они убьют нас самих.

— Я о таком слышала, — впервые за все время заговорила Веррна. — Только мне не верилось, что это правда. Поручишься ли, Торелл, что твои разведчики не присочиняют?

— Это правда, я сам видел, — кивнул он Веррне в знак приветствия. — Люди нас ненавидят. Все.

Аззуен пытался поймать мой взгляд, явно желая, чтобы я рассказала стае о наших людях: уж они-то не хотели нашей гибели! Однако рассказать — значит признать, что мы нарушили закон стаи. Я не могла на такое пойти.

— К нам присоединятся стаи Древесной Тропы и Озера Ветров, — продолжал тем временем Торелл. — Мышееды — вряд ли, впрочем, они все равно слабые. Ты, Рууко, нужен нам как союзник. Ты должен быть с нами.

— Не в моих правилах нарушать закон. Ты безумец. — Рууко беспокойно прошелся. — И все же, если такова правда, надо что-то предпринять. Я поговорю с вожаками Древесной Тропы и Озера Ветров. И с волками своей стаи. И дам тебе знать.

— От тебя, Рууко, уже ничего не зависит, — вставила Сеела. — Стоит другим волкам проведать, что творится в Долине, как они сразу к нам примкнут. Так что либо ты с нами, либо ты нам враг. Другого не дано.

— Не тебе решать за всю Долину, — поставила ее на место Рисса. — И не тебе соваться с угрозами. Торелл прав: мы сильные союзники. Врагами нас считать невыгодно.

Рууко глубоко вздохнул.

— Я не нарушу закон, пока не буду уверен, что другого пути нет. На этот раз, Торелл, я тебя отпущу. Но не вздумай еще раз трогать мою стаю.

Торелл, державший хвост торчком, явно силился подавить рык.

— У тебя всего ночь на размышление, Рууко, — мрачно проговорил он. — Завтрашней ночью луна пойдет на убыль, и люди двух племен соберутся на равнине Высокой Травы для охотничьей церемонии: юнцы станут доказывать свою взрослость, пытаясь добыть лося. Они будут слишком захвачены ритуалом — и потому уязвимы. Тогда-то мы и нападём. Если ты не с нами, придется считать, что ты на их стороне.

С этими словами Торелл кивнул своим, и трое взрослых волков направились к лесу. Пелл чуть помедлил, пытаясь привлечь мое внимание, — я не поднимала глаз, чтобы не встретиться с ним взглядом. Аззуен издал низкий рык, Пелл в ответ озабоченно зарычал и потрусил за остальными.

Глава 17

— Я не собираюсь терпеть убийство волков! Закон, не закон, какая разница! — взорвалась Веррна, как только Скалистые ушли.

— Тихо, — приказал Рууко. И тут же вздохнул: — Не хотел объявлять решение на глазах у Торелла. Но не дело, когда люди убивают волков, и я не позволю Скалистым сражаться вместо нас.

Я заскулила. Мне не верилось, что стая решится на войну с людьми: Рууко даже брезговал их едой! Тревегг выступил вперед:

— Биться с людьми будет ошибкой, Рууко, и ты это знаешь.

Рууко почему-то не рассердился.

— Правильно, — кивнул он. — Что мы ни сделаем — все будет ошибкой. И если битва нам выгоднее других ошибок, надо на нее идти. Нельзя сидеть и ждать, пока на нас нападут.

— Торелл любит поговорить и слушает лишь себя, — фыркнула Рисса. — Я не собираюсь за ним бежать только потому, что он так захотел. Надо поговорить с вожаками Древесной Тропы и Озера Ветров — и вызнать, что им известно. И лишь потом решать.

— Если есть другой путь, мы его не упустим, — ответил Рууко. — В законе не говорится, что мы должны в бездействии ждать, пока нас перебьют. Мне не сильно верится, что верховным волкам так уж близки наши заботы. Я даже не верю, что они по-прежнему за нами следят и убьют нас за попытку отстоять свою жизнь. Если надо сражаться — будем сражаться. — Рууко взглянул на Тревегга и Риссу: — Я хочу, чтобы стая меня поддержала.

Рисса с Тревеггом нехотя кивнули.

— Если есть другой выход, мы должны его испробовать, — добавил Тревегг. — Если ты согласен, то я на твоей стороне.

— Пока возможно, надо избегать битвы, — поддержала его Рисса. — Но если придется драться — будем драться.

— Нельзя! — выпалила я неожиданно для себя. — Драться нельзя!

Все головы повернулись ко мне, и под взглядами стаи я на мгновение растерялась. Аззуен прижался ко мне, чтобы поддержать.

— А почему, интересно, нельзя? — осведомился Рууко.

Голос разума приказывал мне молчать и убеждал поискать способы повлиять на стаю так, чтобы не навлечь на себя беду. Однако охотничий ритуал совершится уже следующей ночью, и Торелл твердо намерен напасть. Я обязана предотвратить битву. Под удар попадет племя Тали, а девочка слишком молода: хоть она и умеет обращаться с острой палкой, с волком ей не совладать, она погибнет. И погибнет моя стая — так сказали верховные волки.

— Я слышала речи верховных волков. Они встречались с людьми далеко отсюда, в каменном круге. Верховные волки знают, что назревает сражение, и намерены истребить любую стаю, которая нападет на людей.

— Когда ты об этом слышала? — спросила Рисса.

— В полнолуние.

— В ночь антилопией охоты, — произнес Рууко пугающе спокойным голосом. — А как ты подслушала верховных волков? Прежде всего — как ты там оказалась?

Я попробовала измыслить подходящую ложь и бессильно обернулась к Аззуену — он всегда умудрялся придумать удачный предлог. Но не успел он заговорить, как вмешался Уннан:

— А она бежит к людям! С того самого дня, как убила Реела. Когда взбунтовался табун. Она то и дело к ним шляется и даже охотится с человеческой девчонкой! А еще таскает с собой Аззуена и Марру.

У Рууко отвисла челюсть, он сощурил глаза. Рисса беспокойно заскулила.

— Уннан, ты ведь знаешь, что мне лучше не врать! — пригрозил Рууко.

— Я и не вру! — не отступал Уннан. — Я все время за ней слежу. А тебе не говорил только потому, что боялся Каалы — она бы меня загрызла. — Он опустил уши и поджал хвост, чтобы казаться слабым и беспомощным. Вот же низкохвост несчастный...

— Она чуть не ушла к людям еще в тот раз, когда мы водили щенков посмотреть на человека, — сказала Веррна. — Рисса тогда запретила об этом говорить.

Рисса, смерив взглядом Веррну, объяснила:

— Ты был настроен против Каалы, и я решила оставить тебя в неведении. Но теперь, — она повернулась ко мне, — говори правду, Каала. Ты ходила к людям?

Я лихорадочно соображала. Скажу «да» — и меня изгонят из стаи. Скажу «нет» — стая никогда не поверит, что я вправду слышала верховных волков. И тогда Торелл устроит битву против людей и Тали погибнет. А если в битву ввяжется Рууко, то погибнет и моя стая. Я глянула на Аззуена с Маррой, на Тревегга с Иллин... Я не хочу, чтоб они умирали. Не хочу, чтоб Тали, Брелан или его брат погибли в драке. К тому же бесплотная волчица сказала, что нам нельзя вступать в бой.

Аззуен беспокойно поскуливал рядом, Марра не отводила глаз. Взгляды всей стаи устремились на меня, каждый нос был готов различить малейшую ложь в моих словах. Меня переполнил ужас. Предотвратить битву могла только правда.

Я глубоко вздохнула и проглотила комок в горле.

— Да. Я спасла человеческую девочку, когда она тонула в реке, и потом часто к ней ходила. — Я умолчала об Аззуене и Марре. — Потому-то я знаю, что не все люди нас ненавидят. Им не все равно, какие мы. С ними можно охотиться! — Мне показалось, что если упомянуть про пользу от людей, то стая отнесется к ним лучше. — Люди очень похожи на волков.

Настала долгая тишина. Наконец Рууко заговорил, тщательно сдерживая гнев:

— Мне случалось видеть на нашей территории человеческую девочку. В последнее время все чаще.

— Она собирает растения, — тихо добавила Рисса. — И добывает мелкую дичь.

— Ты водила с собой других щенков? — требовательно спросил Рууко.

Я промолчала. Нечего тянуть Аззуена с Маррой в те же беды.

— Мы тоже ходили к людям, — принял вызов Аззуен. — И вместе охотились. Потому и добывали так много кроликов и барсуков. Мы даже поймали оленя, — он гордо вскинул голову, — и спрятали мясо на Волкоубийце. Там-то мы и подслушали Скалистых волков.

Марра тихо заскулила, толкнув его бедром. Аззуен посмотрел на нее удивленно.

— Стало быть, ты не только нарушаешь закон Долины, но и подстрекаешь других к неповиновению. Я даже слышу от тебя человеческий запах. — Рууко встряхнулся. — Я знал, что надо убить тебя в детстве, нечего мне было слушать верховных волков. Именно так гласят легенды: в тебе течет кровь человеколюбцев, а я оставил тебя жить. И нынешние беды, и грозящая нам битва — только последствия.

— Мы всего лишь охотились вместе.

— «Всего лишь»?! Ты преступила закон Долины и нарушила Равновесие! Если б не ты, люди не осмелели бы так сильно, нам не грозило бы сражение!

Я повернулась к Риссе, надеясь на помощь.

— Мы просто охотились, — повторила я. — И только с молодыми. Они не опасны, мы не хотели неприятностей!

Рисса покачала головой:

— Мне жаль, Каала, но закон Долины ясен. — Она глянула на Рууко: — Избавиться от всех троих? Пример подавала Каала, остальные только за ней тянулись.

Аззуен раскрыл было пасть, чтобы возразить, и я свирепо на него глянула.

— Возможно, — ответил Рууко, медленно поворачиваясь ко мне. В глазах его горел не только гнев, но и что-то похожее на торжество. — Ты больше не принадлежишь стае. Прочь из Долины, тебе закрыт путь в наши земли!

Твоя приязнь к людям довела нас до беды: ты сблизила людей с волками, из-за этого нам предстоит сражение.

— Нет! — к своему удивлению, воскликнула я. — Я не допущу битвы! Я скажу верховным волкам, что вы убиваете людей, и они вас уймут!

Рууко, зарывав, ударил меня всем телом, вжал в землю — и отпустил только тогда, когда я заскулила.

— Вожак стаи — я! Верховные волки понятия не имеют, что тут творится, и время их,

судя по всему, прошло! — Заслышав такое кошунство, Рисса с Тревеггом беспокойно глянули на Рууко. — Если узнаю, что ты к ним сунулась, — выслежу твою девчонку и убью! Найду, где она спит, и перегрызу горло!

Тело откликнулось раньше, чем мозг успел сообразить, — я прыгнула на вожака, вслед неслись удивленные взвизгивания Аззуена с Маррой и беспокойное рычание Риссы. В здравом уме я бы ни за что не кинулась на Рууко — сильного и опытного, к тому же разъяренного. Однако я умудрилась застать его врасплох и успела повалить на спину.

Рыча и кусаясь, мы перекатывались один через другого — злобно, безумно, бешено: никакие прежние схватки с Борллой и Уннаном не походили на нынешний бой. Вмешиваться никто не собирался: я бросила вызов полноправному вожаку стаи, и битва должна идти один на один. Я еще толком не выросла и поэтому дралась отчаянно, кусаясь и отталкивая Рууко лапами, собирая по крохам все силы, лишь бы не дать ему меня одолеть. Но вожак, уклоняясь от каждого укуса, тут же ударял меня головой, и любая попытка прижать его к земле заканчивалась тем, что меня распластывали брюхом вверх. Лапы двигались медленнее, чем я бы хотела, мышцы не успевали выполнять то, что командовал мозг. Я считала себя взрослой и сильной, но куда мне было до Рууко! И все же стоило мне подумать о том, чтобы сдаться, я вспоминала его угрозу Тали и продолжала бой.

Все кончилось очень скоро. Мои силы иссякли намного раньше, чем Рууко почувствовал усталость. Он вгрызся острыми зубами мне в плечо, я взвизгнула и отползла было прочь, однако он не дал мне уйти и снова прижал к земле, сомкнув челюсти на моем горле.

— Убей я тебя сейчас — мне никто не поставит этого в вину, — прорычал он тихо.

Я дрожала, пытаюсь совладать с голосом, но сил не было: я глядела снизу вверх на Рууко и не могла отделаться от воспоминаний о том дне, когда он так же готов был меня загрызть.

— Уходи, — сказал он, убирая с меня лапы. — Вернешься на земли Быстрой Реки — убью. Ты больше не принадлежишь стае.

Я вдруг отчетливо осознала, что наделала, меня начало трясти. Опустив уши и поджав хвост, я поползла назад к Рууко — тот зарычал, оскалив острые зубы, и я вновь попятилась. Сжавшись, чтобы сделаться совсем уж маленькой, я шагнула было к нему — ведь я еще совсем щенок, меня можно оставить! — но он снова меня прогнал.

— Ты не принадлежишь стае!

Я посмотрела на Риссу — та отвернула голову. Я обвела взглядом злобно рычащую Веррну, мерзко ухмыляющегося Уннана, оглянулась на беспокойно скулящих Аззуена и Марру, на понурого мрачного Тревегга — одни не хотят, другие не могут помочь... Иллин дернулась было вмешаться, но Рууко остановил ее яростным взглядом, и она отступила.

Я опустила голову.

— Прочь! — прорычал Рууко, отгоняя меня дальше по тропе. На этот раз я не посмела шагнуть обратно к стае. Оставалось лишь уйти в лес.

Глава 18

Аззуен с Маррой двинулись было за мной вслед, однако Веррна и Минн подмяли их под себя, распластав по земле. Тревегг спорил с Рууко, Иллин что-то шептала Риссе. Я ничего не видела и не слышала. Голову словно забило песком и сухими листьями, в ушах зудели тысячи мошек, язык не помещался в пасти. Было трудно дышать, я не чувствовала ни травы под лапами, ни кустов, за которые цеплялась боками, пока продиралась сквозь лес. Я знала, что надо придумывать способы обезопасить Тали и Аззуена с Маррой на тот случай, если Рууко все-таки решит сражаться, — но сил хватало только на то, чтобы идти. Схватка с Рууко настолько меня вымотала, что я с трудом добралась до реки и там рухнула в грязь.

Не знаю, сколько я пролежала, слушая плеск воды и чувствуя кожей зябкий влажный воздух, который забирался под шерсть. Если Рууко застанет меня на территории стаи, мне не

избежать смерти. И пусть. Я готова была лежать вечно, пока Равновесие не примет меня к себе, в мягкую плоть земли.

Заслышав тяжелую поступь верховных волков, я подняла голову.

— Раз так — пойдем, — сказал Яндру.

Подняться я не могла и лишь глядела на них снизу, изредка мигая.

— Что-то легко ты сдаешься, — презрительно бросила Франдра. А я так рассчитывала на сочувствие... — Всего один бой — и валяешься тут, как дохлая мышь.

Ответить было нечего, и я промолчала, положив голову на лапы.

— А чего ты ждала, когда кинулась драться с вожаком? — спросил Яндру голосом не добрее, чем у Франдры.

— Он угрожал Тали. — Мой голос прозвучал словно издалека. — Сказал, что ее убьет. Надо было что-то делать.

— Ну сделала, и что? — Яндру расправил гигантские плечи. — Из стаи Быстрой Реки тебя выгнали, кто ты теперь? Зачем было, спрашивается, отвоевывать в детстве право на жизнь? И бежать сейчас от верной смерти?

— Если я не волчица Быстрой Реки, то не знаю, кто я. — Во мне начал закипать гнев.

Франдра усмехнулась.

— А лучший способ узнать — валяться тут и себя жалеть. Когда надоест — скажешь.

Уязвленная, я поднялась, чтобы встретиться с ней морда к морде, однако Франдра с Яндру тем временем повернули к лесу. Мои лапы стали двигаться сами собой, и я поковыляла вслед за верховными волками.

— Вы куда?

Мне никто не ответил. Ноги у меня были куда короче, поспеть за волками я могла только бегом. Ночь выдалась слишком трудной, все тело болело, голова шла кругом — мысли будто вязли в глине. Франдра с Яндру, не замечая моих мучений, вскоре замедлили шаг и наконец остановились рядом с заброшенной лисьей норой у больших камней. Я поняла, что мы недалеко от той окруженной камнями поляны, где волки встречались с людьми для Большого Разговора.

— Останемся здесь до вечера. — Яндру окинул меня взглядом.

— Мне надо к Тали, — еле слышно проговорила я. — Надо вернуться.

Меня трясло от усталости, каждое слово давалось с трудом.

— Мы должны уйти из Долины, — бросил Яндру. — Чем скорее, тем лучше.

Да, это было бы правильно. Ведь Рууко грозился меня убить.

В голове все путалось. Мне нужно к Тали. А верховные волки куда-то меня ведут. Куда?

Отчаяние и усталость, навалившиеся после бегства от Скалистых и драки с вожаком, закончившейся изгнанием из стаи, пересилили волю, и я провалилась в сон раньше, чем успела рухнуть на траву.

Открыв глаза, я наткнулась на беспокойный взгляд верховных волков.

— Вот и хорошо, — коротко кивнула Франдра. — Поднимайся и пойдем. Пора.

— И не шуми, — добавил Яндру. — Здесь поблизости еще верховные волки. Нас не должны заметить, иначе придется туго.

Я заставила себя проснуться окончательно. Сумерки уже переходили в ночь; я даже не заметила, что проспала целый день.

Я встала. Плечи и задние лапы онемели и отказывались расправляться, болели даже складки между подушечками лап. Однако долгий сон и прохладный вечерний воздух вернули мне силу, а мысль о том, что мои друзья в опасности, заставила встряхнуться. Я вновь ощутила себя собой — словно вчерашняя волчица была лишь медленной и растерянной моей тенью. Теперь я злилась из-за того, что дала верховным волкам меня увести: прошел целый день, а я не добралась до Тали и не смогла выяснить, решит ли Рууко биться с людьми. Так растеряться, что чуть ли не предать всех, кто мне дорог! Только потому, что была истерзана и напугана!

Франдра и Яндру, уже ставшие на тропу, оглянулись.

— Не отставай! — приказал Яндру.

— Я не пойду, мне надо забрать Тали. Верховные волки поглядели недоуменно: им и в голову не пришло, что я могу не подчиниться.

— Глупости, — заявила Франдра, направляясь дальше. Я осталась на месте. Яндру зарычал и подтолкнул меня мордой. Я уперлась лапами в землю. «Если ему надо, пусть тащит в зубах, — подумала я мрачно, — а по доброй воле я с места не двинусь».

Вдруг я заметила, что волки стараются не шуметь: Яндру ведь говорил, что рядом верховные волки, которые могут услышать. И я не отступала.

— Без своей девочки никуда не пойду. И без Аззуена с Маррой.

Если Рууко ввяжется в бой, моим друзьям тоже придется уходить из Долины.

Яндру раздраженно фыркнул.

— Некогда тут спорить! — бросил он. — Поздно, они все равно что погибли.

У меня словно высосали воздух из легких.

— Как так? — воскликнула я, забыв, что надо говорить тихо. Волки зарычали, и я виновато прижала уши, но не опустила глаз, продолжая требовательно смотреть на Яндру. — Что значит «все равно что погибли»?

— Некогда обсуждать! — рыкнула Франдра. — Надо убраться из Долины! Если другие верховные нас застанут, мы не сможем тебе помочь.

— Почему?

Яндру нетерпеливо зарычал и шагнул ко мне, оскалив зубы: он явно намерился утащить меня силой. Я отступила.

— Щеночек!!!

Мы все чуть не подпрыгнули. С той стороны, где осталась прогалина с лежащим деревом, летел Тлиттоо, едва заметный среди деревьев. Он резко спикировал и, затормозив в последний миг, приземлился у моих ног, с размаху стукнувшись оземь.

— Зачем ты сбежала, еле тебя нашел! — Грудь его вздымалась от усилий.

— Где ты был?

— Далеко, — задыхаясь, ответил он. — Искал ответы.

От радости, что ворон прилетел, я чуть не завывала. Понятно, что от верховных волков он меня не защитит, и все равно — он меня нашел, не оставил одну!

Я вновь обернулась к Франдре и Яндру:

— Так почему они все равно что погибли? Однако ответил мне Тлиттоо:

— Если будет хоть мелкая стычка, погибнут все волки и люди в Долине! — Ворон устремил блестящие глаза на верховных волков и обвиняюще замахал крыльями. Быстрый полет его, видимо, не столько утомил, сколько разгорячил. — Вы скрывали правду! Вы не все говорили малым волкам и человечьим крианам! Вам плевать на здешних волков, даже если они перемерут! — Тлиттоо повернулся ко мне. — Есть и другие места, волчица!

— То есть как? — не поняла я. — Конечно, есть другие места...

— Другие места вроде нашей Долины! — нетерпеливо каркнул он. — С другими волками, которых пасут другие верховолки. Я летал за Широкой Долину и за те луга, что позади нее. Так мне велела человечья криана. Верховолкам плевать, выживешь ты или нет, волчица. Ты только подумай: в других долинах живут другие волки! Твою стаю, всех волков, всех людей могут перебить как бесполезную дичь и просто заменить другими! Это правда! Я сам видел! И еще мне рассказывали тамошние братья-вороны!

Я все пыталась понять, при чем тут другие долины, и чуть не вздрогнула от голоса Яндру.

— Это правда, — подтвердил он, холодно глядя на Тлиттоо. — В Широкой Долине просто поставили опыт — решили посмотреть, как уживутся волки с людьми. Такое делается не только здесь. Людей и волков связывает загадка-противоречие, и если вы не знаете о загадке, вы не поймете смысл опыта.

— Загадка в том, что волки и люди созданы друг для друга, но не могут быть вместе, —

перебила я, раздраженная его высокомерием. С чего он взял, что я тупица и ничего не пойму? — Волки призваны напоминать людям о законах природы, чтобы человек их не нарушал. Однако люди боятся подпускать нас слишком близко, и мы начинаем враждовать. В том-то и противоречие. Потому вы и встречаетесь с человеческими крианами каждое полнолуние — чтобы сблизиться с людьми и при этом не вызвать раздора. Так нам сказала женщина-криана. И я вас видела.

Я не стала упоминать бесплотную волчицу. Если верховные волки не раскрывают свои тайны, я тоже не обязана все рассказывать.

Франдра сощурила глаза.

— Тебе нельзя было слушать Большой Разговор! Легенды мы держим в тайне — и тому есть причины! — На один страшный миг мне показалось, что она меня растерзает. Помолчав, волчица вздохнула. — Ты понимаешь не так много, как тебе кажется. И криана тоже. Противоречие состоит в том, что если мы не с людьми — Древние нас убьют. А если мы будем с людьми и начнется раздор — Древние все равно нас убьют. Мы, верховные волки, имеем дело с Большим Разговором, с людьми и с противоречием намного дольше, чем твой мелкий щенячий мозг в состоянии представить.

Тлиттоо поднял на волчицу крылья.

— А теперь Большой Разговор уже не действует! — прокаркал он. — Верховолки вымирают!

— Может, мы вымираем, а может, и нет, — рыкнул Яндру. — Нам нужны волки, которых мы оставим после себя, если сгинем. Вот почему, Каала, ты должна уйти из Долины. С самого твоего рождения мы считали тебя той волчицей, от которой пойдет нужный род. Совет верховных волков против, но стань ты полноправным членом стаи, как тебе было велено, Совет мог бы согласиться. А теперь они выберут другого.

Я вспомнила слова старой женщины, сказанные в день нашей первой встречи.

— Вы хотите, чтобы я общалась с людьми, как вы, — почти прошептала я. — И чтобы Тали была моей крианой.

Я оглянулась в безумной надежде, что они спрятали девочку где-то поблизости.

Франдра и Яндру обменялись неловкими взглядами. Тлиттоо, подойдя к ним, издал странное шипение, какого я никогда не слышала от воронов.

— Нет, — ответил Яндру. — Теперь уже поздно. Кровь Тали осквернена жестокостью ее племени, девочку мы спасти не успеем. Нам не пристало спасать даже тебя. Совет верховных волков решил, что люди и волки Широкой Долины не оправдали надежд. Если они сойдутся в бою — а всем ясно, что боя не избежать, — то Совет истребит всех живущих в Долине. Иначе война разольется дальше, и наступит конец волчьему роду. Ты, Каала, слишком близка к людям, чтобы стать хранителем, однако дети твоих детей могли бы нам наследовать, случись такая необходимость. Поэтому либо ты пойдешь с нами, либо погибнешь сразу же, как только волк нападет на человека.

— А как же моя стая? — спросила я. — И Тали, и ее племя?

— Что тебе до них? — беззаботно отозвалась Франдра. — Будущее волчьего рода намного важнее, чем любой волк, стая или племя. Начнем заново где-нибудь в другом месте.

Бездушие верховных волков меня поразило.

— Я предупреждал, щеночек, — каркнул Тлиттоо.

— Я с вами не пойду, — заявила я.

— Тогда мы потащим тебя за хвост, — огрызнулся Яндру, двинувшись ко мне. Я знала, что в беге мне с ним не сравняться, но на всякий случай отступила. Тлиттоо взъерошил крылья, готовый то ли улететь, то ли напасть — кто его знает.

— Так нечестно! — крикнула я, уже не заботясь о тишине. — Вы мне лгали! Вы лгали всем в Долине! Вы велели волкам не подходить к людям — и не сказали почему! Скрыли, что на самом деле волки и люди должны быть вместе! — Верховные волки явно закипали яростью, но я не обращала внимания. — Легенды умалчивают о противоречии, а оно-то важнее всего! Теперь вы готовы истребить всех людей вместе с волками только за то, что мы

следовали легендам? Только за то, что легенды врут?

— Она права, — раздался вдруг старческий голос, похожий на шелест сухих ветвей и шорох песка.

Франдра и Яндру обернулись. У большого валуна сидел Зориндру — верховный волк, возглавлявший Большой Разговор. Рядом, положив руку ему на спину, стояла бабушка Тали. Интересно, давно ли они здесь...

— Неужто вы вправду уверены, что кроха вам подчинится? — обратился старый волк к Франдре и Яндру. — Неужто думаете, будто мне непонятны ваши замыслы?

Он говорил очень спокойно, почти не поднимая шерсть на загривке, но Франдре и Яндру этого хватило — они опустили уши и стали похожи на нашкодивших щенков, получивших взбучку. Я едва удержалась от смеха.

Мне захотелось подбежать к женщине, но я слишком благоговела перед старым волком и потому не двинулась с места. Тлитоо не страдал такой застенчивостью и тут же порхнул на плечо женщине, а оттуда перепрыгнул на спину Зориндру и снова яростно зашипел, глядя на Франдру и Яндру.

— Мы с Ниали посоветовались... — Старый волк кивнул в сторону женщины. — Думаю, пора поведать малым волкам — и людям — часть причин, руководящих нашими поступками.

Он распахнул в улыбке могучие челюсти и стряхнул Тлитоо со своей шкуры. Ворон вспорхнул на ближайший камень, по-прежнему не спуская блестящих глаз с Франдры и Яндру.

— Но ведь это тайны верховных волков! — запротестовала Франдра.

— И давно пора ими поделиться! — бросила старая женщина без всякого страха перед верховными волками. Я вспомнила, что она понимает наш обычный язык так же, как древнее наречие. — Вы слишком долго секретничали. Зориндру сказал, вы намерены всех перебить, и я желаю знать причины.

— Людям и малым волкам такого не уразуметь, — презрительно заявила Франдра. — Мы приняли на себя бремя заповеди только потому, что вы для него слишком слабы. Мы ничего не обязаны вам рассказывать.

— Не согласен, — спокойно сказал Зориндру. Франдра раскрыла было пасть, чтобы возразить, но Зориндру не успел даже рыкнуть, лишь чуть подал голос, — и волчица осеклась.

— Я пока еще возглавляю Совет верховных волков, — промолвил Зориндру. — Если Каала вынуждена уйти из Долины, она вправе знать истину. Всего я тебе не открою, детка: многие тайны верховных волков должны остаться тайной. Однако что могу — скажу.

Я опустила уши и поджала хвост перед старым волком. Женщина протянула мне руку, я подошла. Опершись на меня, она села на плоский камень, а я опустилась на землю рядом. Старый Зориндру устроился поблизости и заговорил своим шелестящим голосом:

— Ваши легенды порой правдивы, порой нет. Индру со стаяй в самом деле сумел повлиять на людей, а когда Древние были готовы уничтожить человеческий и волчий род — он дал обещание. Однако не о том, чтобы сторониться человека: Индру обещал, что он сам и его потомки навсегда станут хранителями людей.

Я молча посмотрела на старого волка. Мне хотелось ему верить. И слова древнего Индру о том, что волкам пристало охранять людей, были мне понятны. Если Зориндру говорит правду, то, выходит, Яндру и Франдра тоже не лгали...

— Но из этого ничего не вышло, да? — спросила я наконец.

— Да. Разразилась вражда, и волки забыли обещание. — Глаза Зориндру сделались печальными. Он встряхнулся и продолжил: — Когда волки нарушили клятву, Древние наслали на них трехлетнюю зиму, чтобы погубить волчий и человеческий род. И тогда молодая волчица по имени Лидда вновь соединила волков и людей, и долгая зима кончилась.

Я уже знала, что Лидда — та самая волчица, что приходила ко мне: бесплотная волчица из моего сна.

— А наши легенды говорят, будто зима началась из-за того, что Лидда подружилась с людьми, — сказала я старому волку.

— Нет, наоборот. Когда Лидда свела вместе волков и людей, Древние поверили, что мы можем жить без вражды, и дали нам еще один шанс — последний.

— И все же случилась война, — проговорила я, вспомнив рассказ волчицы.

— Случилась бы. Нам удалось ее не допустить. Мы знали, что если разгорится вражда, то Древние вновь нашьют на нас долгую зиму, — значит, волки должны хранить людей, не сходясь с ними близко. Тогда-то и возник Совет верховных волков и появился Большой Разговор, чтобы волки могли исполнить обещание Индру без риска вызвать вражду.

— А что случилось с Лиддой? — спросила я. У меня даже брюхо свело от волнения: не солжет ли Зориндру?

— Нам пришлось выслать ее из Долины, — ответил старый волк, подтверждая рассказ бесплотной волчицы. — Иначе стало бы только хуже: ей не хватило бы сил исполнить требуемое.

Тлиттоо издевательски каркнул. Зориндру, должно быть, заметил мое недовольство и склонился ко мне.

— Лидда думала лишь о своем человеке и его благе, — тихо произнес он. — Мудрым не оставалось выбора, кроме как отослать ее прочь. Так было лучше для всего волчьего рода.

— А теперь верховолки вымирают! — не отступался Тлиттоо.

Зориндру склонил голову:

— Поколение за поколением мы пытались найти волков, способных занять наше место. Одним позволяли иметь щенков, другим нет. Долины, острова, горные вершины — где только мы не пробовали добиться толку, и раз за разом все кончалось неудачей. Здесь, в Широкой Долине, мы как никогда приблизились к успеху. Ты нас удивила, Каала. Обычно тех, кто рожден без дозволения, убивают — как убили твоего брата и сестер. Однако, узнав от Франдры и Яндру о твоём рождении и полумесяце у тебя на груди, многие из нас решили, что ты и есть та волчица, от которой пойдет род волков, способных хранить людей. Вот почему тебя решили увести за пределы Долины.

— Ты знаешь, кто мой отец. — Я в этом несколько не сомневалась. Скорее уж поверю, что луна ночью не всходит на небо.

— Этого я тебе не скажу, — твердо заявил старый волк. — Скажу лишь, что в тебе мы нашли давно ожидаемое — то, что чаяли еще со времен Лидды. Однако Совет верховных волков против: они считают, что ты любишь людей слишком сильно и передашь эту тягу своим детям.

Тлиттоо заговорил так тихо и мягко, как никогда прежде:

Ложь. Не все сказал.

У Совета тайн не счесть.

Что будет дальше?

Яндру с Франдрой явно взъярились. Я думала, Зориндру тоже разозлится, однако старый волк поглядел на ворона задумчиво и печально:

— Тайны останутся тайнами, ворон. Если ты их узнаешь, ни в каких лесах мира ни одно дерево не укроет тебя от опасности.

— Каала, — начала Франдра самым примирительным тоном, — поверь, тебе лучше уйти из Долины. Положись на нас, мы ведь спасли тебе жизнь, когда ты была совсем щенком. Мы печемся о твоём же благе.

Я старалась не встречаться с ней глазами. Лидда ушла из Долины. Сделала, что ей велено... Я взглянула на старого волка и тихо проговорила:

— Я никуда не пойду. Если меня заставят, я перестану есть и умру от голода. — Я собралась с силами. — Может, мне удастся остановить битву.

Кажется, в глазах старого волка мелькнула улыбка — слишком мимолетная, чтобы

разглядеть.

— Тогда я буду говорить на Совете, — промолвил он. Я удивленно заморгала, Яндру от изумления не сдержал рыка.

— Ты попросишь Совет остановить битву? — в надежде спросила я.

— Такое не в моих силах, — покачал головой старый волк. — Как только зубы вонзятся в плоть, выбора не останется. Однако если битвы не будет, Совет может сохранить жизнь волкам и людям Широкой Долины.

— Слишком поздно! — бросила Франдра. — Они должны уйти с нами немедленно! Мы что, зря столько старались?

— У Каалы есть право выбора, — резко возразила бабушка Тали.

Яндру с Франдрой зарычали и шагнули к ней, но женщина не двинулась с места.

— Верно. — Зориндру смерил взглядом обоих волков, и те, прижав уши, отступили на место.

Старый волк тихо склонил ко мне морду:

— Послушай, кроха. Я не смогу ни за что поручиться. Я глава Совета, однако не в моих силах заставить других принять мое мнение. Совет волен истребить волков Широкой Долины, даже если битвы не будет. Я могу увести тебя из Долины вместе с друзьями, Аззуеном и Маррой, чтобы тебе не было одиноко. Я отведу тебя к матери, — добавил он, не сводя с меня глаз. — Мне под силу ее отыскать.

Я удивленно вскинула глаза, сердце забилось сильнее. Мать! Не было дня, чтоб я не думала о ней, не мечтала о встрече! Я обещала ее найти! Если Зориндру отведет меня к матери — что мне Рууко и Скалистые, что мне знак роммы и битва! Я встречусь с матерью — а может, даже с отцом, — и больше никогда не буду одна!

А моя стая погибнет. Даже если не грянет битва. И умрет Тали. И Брелан с Микланом...

— Нет, — сказала я. — Я не дам убивать мою стаю и людей. Я заставлю Рууко отменить бой.

— Хорошо. Я собираю Совет. — Старый волк направился к поляне среди камней. — Ступайте за мной! — велел он Яндру и Франдре. Те приняли приказание возмущенно, Франдра даже пробормотала что-то под нос, однако оба волка, прижав уши, двинулись вслед за Зориндру, негодуя оглядываясь на меня через плечо.

Их хвосты еще не исчезли за деревьями, а Тлиттоо уже пронзительно закаркал:

— Чего ждешь, волчица? Ты толстая, в клюве тебя не донести!

Я мгновение помедлила — неужели оставить старую женщину одну среди леса?..

— Ступай, детка, — кивнула Ниали. — Мне эти леса знакомы с тех времен, когда не родилась еще и прабабка твоей прабабки. Я доберусь туда, где ты будешь.

Опершись рукой о мою спину, она встала с камня, и я устремилась назад, к территории стаи.

Не успела я пробежать и минуты, как звук шагов по сухой листве заставил меня насторожиться. На тропу впереди выступили Аззуен с Маррой.

— Неужели ты всерьез поверила, что мы тебя бросим? — заявил Аззуен.

Сначала я пыталась уговорить их уйти, спастись из Долины — и ждать, когда я приведу наших людей. Бесполезно.

— От битвы зависит и наша жизнь, — настаивала Марра. — Мы останемся и попробуем не допустить схватки.

— И не бросим Брелана и Миклана на верную смерть, — добавил Аззуен.

— Мы так решили, не теряй времени, — заключила Марра.

Я уже набрала воздуха для следующей порции доводов, как вдруг обнаружила, что не хочу больше спорить. Я положила голову на спину Аззуену, коснулась лапой плеча Марры — и последние сомнения растаяли.

— Нам сюда, — скомандовал Аззуен.

Глава 19

Прошло полночи, когда мы наконец добрались до равнины Высокой Травы и притаились за деревьями на том же склоне, откуда следили за нападением стаи на медведицу так много лун назад. Трава, давшая название равнине, уже начала подсыхать, хотя после осенних ливней оставалась по-прежнему высокой. Густой лес скрывал нас от непрошенных взглядов, зато мы видели всех: слева затаилась стая во главе с настороженным Рууко, который пристально следил за происходящим; справа, на участке голой земли, самки и дети человеческого племени — и среди них Тали — что-то произносили нараспев под сложный, завораживающий ритм, который выстукивали палками на выдолбленных кусках бревен. Прямо перед нами, в центре равнины, два десятка самцов окружили двойным кольцом группу лосей: в малом кругу, удаленном от лосей не больше чем на полдюжины прыжков, стояли шестеро юношей, второй круг образовывали взрослые, среди них Брелан и сын вождя, возглавляющего племя Тали, — тот самый, за которого прочили мою девочку.

— Мы опоздали, — прошептала Марра.

Позади людей в высокой траве пряталась стая Скалистых и какие-то незнакомые волки: судя по стойкому сосновому запаху — стая Древесной Тропы. Они наблюдали за людьми, словно те были добычей.

Человечье племя — занятое ритуалом, как и сказал Торелл, — явно не подозревало о волках. Десяток мужчин держали в руках пустые тыквы, покачивая ими взад-вперед; в тыквах что-то с грохотом пересыпалось, треск сливался с ритмом палочек, которыми женщины били в полые бревна, — и лоси, замороженные звуком, не сходили с места. Даже я на время замерла, захваченная ритмом, пока не встряхнулась, сбрасывая наваждение.

— Испытание на взрослость, — объяснил Аззуен. — Нам Тревегг сказал еще до ухода.

— Вы спрашивали Тревегга? — Я встревожилась, не выдали ли они себя, и тут же вздохнула: беспокоиться уже поздно. — А лоси при чем?

Я вдруг разглядела, что внутри круга стоят только самки. Интересно, где самцы?..

— Юноши должны показать силу, — ответил Аззуен. — Это как наша первая охота: молодой самец считается взрослым, когда самостоятельно одолеет лося. Пока сегодня все не убьют по лосю, никто с равнины не уйдет. Все будут сосредоточены на добыче. Вот почему Торелл выбрал этот день.

— Как они умудряются не заметить Скалистых? И нашу стаю? — удивилась Марра.

Действительно. Спрятаться в высокой траве нетрудно, но стоило людям оглядеться — они бы заметили колыхание травы там, где волки уже начали красться в стороны, образовывая полукруг позади человеческих самцов. Однако никто не обращал внимания.

Грохот тыкв и стук палочек усилился.

— Людей, наверное, отвлекает ритм, как и лосей, — сказала я. Может, мы еще успеем добраться до Рууко, чтобы тот остановил Торелла?.. Я глянула на Тали. — А почему самки в стороне?

Марра фыркнула.

— Тревегг рассказывал, что люди больше не позволяют самкам охотиться. Не понимаю, ведь тогда охотников в племени вдвое меньше. Но Тревегг говорит, у людей так принято. Вон он идет, — кивнула Марра в сторону нашей стаи. — По-моему, он знал, что мы собираемся сбежать.

Я оторвала взгляд от лосей и человеческих самцов. Тень Тревегга едва виднелась в траве, он осторожно пробирался в нашу сторону. Интересно, сказал ли он вожаку, что мы здесь... Действовать придется быстро...

— В первую очередь уведем наших людей, — решила я. — А потом надо сделать так, чтобы Рууко не дал Скалистым напасть.

— Брелана и Миклана не увести, они стоят прямо под носом у Скалистых, — напряженно проговорила Марра и покосилась на меня: — Лучше забирай девочку, она ближе всех. И уходи.

— Нет. Надо спасти всех.

С нашего места равнина открывалась почти полностью, однако сколько волков подбирается к людям, было не видно.

— Пойду вон к тому камню, — кивнула я в сторону валуна, торчавшего на возвышении среди деревьев.

— Только осторожно, — предупредил Аззуен. — Смотри, чтоб Скалистые не заметили. И быстрее, у нас мало времени.

— Ладно. — Я закатила глаза. Вечно Аззуен всего опасается.

Камень стоял недалеко, но пробираться к нему пришлось на брюхе, стелясь под низкими кустами. Я собиралась влезть на плоскую верхушку, с которой наверняка хороший обзор. А чтобы никто не заметил, надо просто не вставать в полный рост.

Я уже почти добралась до вершины, когда небо надо мной затмилось и кто-то схватил меня за загривок, поднял над землей и кинул в груды древесной коры и песка. Я даже не успела взвизгнуть.

Огромная лапа закрыла мне морду.

— Ни звука, — прошипела Франдра. — Вставай и идем. Я не двинулась с места. Волчица вновь схватила меня за загривок и потащила по песку, листьям и мелким камешкам. Я упиралась лапами, пытаюсь вырваться, но свалилась на бок: от верховной волчицы так просто не отобьешься. В нескольких прыжках от валуна, где поджидал Яндру, волчица меня выпустила. Рот был забит песком и листьями, пришлось отплевываться. Встав на ноги, я взглянула на верховных волков и почувствовала, как невольно прижимаются уши и опускается хвост. Уж сейчас-то вежливость явно была не к месту...

— Что за идиотский щенок! — грозно прошептал Яндру. — Мы же тебе велели идти с нами, ты чуть все не испортила. Хватит глупить. Ступай вперед, и чтоб ни звука!

— Я сказала, что с вами не пойду! — прошептала я в ответ, стряхивая мусор с шеи. — Зориндру обещал поговорить с Советом.

— Он и сейчас с ними говорит, только послушает ли его Совет, Зориндру и сам не знает, — огрызнулся Яндру. — Никто не поручится, что волков Долины оставят в живых, даже если ты не допустишь битвы. А битва уже начинается. Так что разницы никакой.

— Весь Совет здесь, — прорывалась Франдра. — Даже те верховные волки, что живут не в нашей Долине. Их полсотни, равнина окружена, и как только начнется битва, всех людей и волков убьют. Каждого. Так что незачем терять время.

— Битва еще не началась, — упрямо сказала я. — И неизвестно, начнется ли.

— Ясно, что начнется! — Яндру даже заговорил в полный голос. — Идешь ты своими лапами или мы тебя тащим в зубах — мне плевать, но ты уходишь с нами.

Я оскалилась, вздыбила шерсть на спине — и зарычала.

Верховные волки на миг оцепенели от удивления. Потом Яндру захохотал.

— Я прослежу, чтоб по пути никто не встретился, — бросил он Франдре. — А ты тащи эту ненормальную. Хочет она того или нет.

Он вздернул перед нами хвост и исчез в кустах. Я гневно поглядела на Франдру и вновь зарычала.

— Давай иди, — отмахнулась она устало. — Еще таскать тебя.

И тут ей на голову обрушились черные крылья и острые когти, Тлиттоо вцепился в мягкую кожу между ушами. Франдра, взыв от боли, замотала головой, и тут же серый комок вылетел из кустов и Аззуен вцепился Франдре в левый бок. Я кинулась вперед, и вместе мы умудрились повалить волчицу на землю. Почти так же, как крупную дичь.

— Говорил ведь — осторожно, — ухмыльнулся запыхавшийся Аззуен. Я даже не поняла, что делать: то ли рычать, то ли благодарить.

— Не стойте на месте, вперед! — прокаркал Тлиттоо. — Я займусь злоковолчицей!

И в тот же миг мы услышали голос Марры.

— Каала! — завопила она. — Скалистые начинают битву!

Мы с Аззуеном нырнули в густой подлесок, чтобы Франдре было труднее нас догнать.

Сзади неслось бессильное рычание и торжествующее карканье. Тяжело дыша, мы припали к земле рядом с Маррой. Тревегг как раз добрался до вершины холма.

— Скалистые с Древесными собираются нападать, — протараторила Марра. — Надо уводить наших людей.

— Нет, — вставил Тревегг, ложась рядом. — Слишком опасно. Не суйтесь в драку, Рууко еще не решил, будет ли биться. Твои слова, Каала, заставили его призадуматься — даже если он этого не признал, когда ты посягнула на его главенство. Я говорил с ним после твоего ухода. Рисса не хочет битвы, а Рууко против нее не пойдет. Я пришел сказать, что в сегодняшнем сражении мы не участвуем. Рууко даже позволит тебе вернуться в стаю.

— Не важно, — бросил Аззуен.

— Почему? — удивился Тревегг.

— Скажи ему, щеночек! — каркнул Тлиттоо, приземляясь рядом. Из его клюва и когтей торчали пучки волчьей шерсти.

— Сказать мне что?

— Не важно, бьетесь вы или нет, — встрял Тлиттоо раньше меня. — Если бьется хоть один волк — гибнут все. И волки, и люди.

— Ворон, ты несешь чепуху! — вспыхнул старый волк. — А нам и без того некогда.

— Это не чепуха, — вступилась я, пока ворон не успел обидеться и раскаркаться. — Это правда.

— У тебя, дряхловолк, не мозги, а мерзлая глина! — бросил Тлиттоо и улетел.

— Слова ворона — правда? — спросил старый волк.

— Да, — кивнула я. И рассказала Тревеггу о мнении Совета верховных волков и о том, что за нами сейчас наблюдают, и даже показала верховных волков, окруживших равнину: они прятались за деревьями и выжидали настороженно, как на охоте. Я говорила быстро, то и дело взглядывая вниз, где Торелл со стаей мало-помалу подбиралась к своей добыче. Тревегг, слушая, все больше мрачнел, особенно когда увидел верховных волков, готовых нас растерзать.

— Всех волков и людей в Долине, — задумчиво повторил он, шурясь, чтобы сосчитать верховных. — Даже тех, кто не станет биться?

Я кивнула.

— Пойду скажу Рууко, — озабоченно пробормотал он. — Надо остановить Торелла.

И, прежде чем я успела ответить, Тревегг начал спускаться с холма, стараясь держаться скрытно.

— Что теперь? — спросила Марра. — Миклана я заберу в любом случае. Правда, незамеченной к ним не подойдешь, спрятаться негде.

— Не знаю, — рассеянно ответила я, наблюдая, как Тревегг подползает к Рууко.

Скалистые осторожно подбиралась к цели, стараясь никого не спугнуть, чтобы не нарушить задуманной внезапности. Я же опасалась, что Яндру с Франдрой вновь неслышно появятся сзади и утащат меня силой. Времени оставалось считанные мгновения.

— Может, твоя девочка все расскажет другим? — предположила Марра. — Если ты поговоришь с ней на древнем наречии — может, она поймет и уведет Брелана и Миклана с поля?

Вряд ли это подействует, подумала я. Даже если людей предупредить, они все равно будут драться.

— Вот, привел! — каркнул Тлиттоо. Я и не заметила, куда он делся после разговора с Тревеггом. Оказывается, слетал к человеческим самкам, и теперь передо мной стояла запыхавшаяся и растерянная Тали.

— Волчица! — воскликнула она, сжимая меня в объятиях так, что чуть кости не захрустели. — Ворон не отставал до тех пор, пока я за ним не пошла, вернее не побежала!

Волосы Тали, обычно гладкие, были встрепаны, будто их долго дергали в разные стороны. Представляю себе, каким способом Тлиттоо убеждал ее прийти...

— Смотри, человечица! — Тлиттоо кивнул в сторону поля. Тали его не поняла и

присела на землю рядом со мной.

— Что случилось, Серебряная Луна?

Тлитоо нетерпеливо каркнул и дернул Тали за волосы, заставляя повернуться к полю.

— Прекрати! — рыкнула я. — Не трогай девочку!

— Ей не больно! Ну, не очень. Пусть увидит, что там творится. Может, скажет своим людям.

Тали ахнула — значит, заметила волков, следящих за людскими самцами. Луна светила ярко, и с холма девочка наверняка разглядела темные тени Скалистых волков.

— Надо предупредить Халина! — воскликнула она.

— Нельзя, — сказала я на древнем наречии в надежде, что Тали поймет. — Слишком опасно.

— Приведи Брелана и Миклана! — встрял Аззуен без всякого древнего наречия. Все равно безуспешно: Тали уже поднималась на ноги.

— Ей нельзя идти! — забеспокоилась Марра. — Если она насторожит людей, волки только скорее кинутся! Не надо было ее приводить! — обвинительно взглянула она на Тлитоо, забывая о том, что сама же это и предложила.

Волки Скалистой Вершины и Древесной Тропы уже окружили людей. Лоси, заметив их, начали беспокоиться. Во мне росла тревога: до нападения оставалось всего ничего. Я опрокинула Тали на землю и села сверху, чтобы не пустить ее к племени.

— Нужно идти к Рууко, — сказал Аззуен. — Мы должны помочь Тревеггу остановить битву.

— Надо забрать наших людей, — резко твякнула Марра. — Подбежать к ним, отделить от других, будто они добыча, и увести от сражения. Уж такое-то нам под силу. Как только волки бросятся в драку, надо бежать к людям. Твоя девочка, Каала, подождет здесь, а ты поможешь нам привести Миклана и Брелана.

Недальновидность Марры меня порой бесила. Аззуен кинулся ей возражать:

— А если они не придут? А если вдруг лоси взбунтуются? — Он содрогнулся при воспоминании о взбесившихся конях, чуть было нас не затоптавших. — Тогда точно забот не оберешься. Надо звать на помощь стаю.

— Я иду туда, где Миклан, — заявила Марра, глаза ее лихорадочно горели. — Заставлю его уйти из Долины вместе со мной. А вы двое делайте что хотите!

— Подожди! — остановила я ее. Аззуен подал мне идею. — Я не брошу Миклана и Брелана: мы вместе охотились и теперь почти что одна стая. Но я не брошу и волков Быстрой Реки: они нас выкормили и научили быть волками. Не годится спасать себя и своих людей за счет стаи и человеческого племени. — Я глубоко вздохнула. — Лоси уже встревожены. Что, если они и вправду обезумеют? Тогда Скалистые не смогут напасть на людей, не начнется битва и у верховных волков не будет причины всех истреблять.

— Лосиное безумие... — произнес Аззуен чуть ли не благоговейно.

Марра просияла.

— Мы выиграем время!

— Скорее решайтесь! — каркнул Тлитоо. В этот самый миг Торелл велел нападать.

Тали оттолкнула меня в сторону, вскочила и побежала вниз, предупредить свое племя.

Тянуть было незачем. Я завывала, ко мне присоединились Аззуен и Марра. Торелл повернул к нам оскаленную морду, и даже отсюда я поняла, что он зарычал. Человеческие самцы начали озираться, кто-то крикнул и указал на волков. Мужчины, стоявшие во внешнем круге, обернулись, нацелив на ближайших волков острые палки. Я надеялась, что такого предостережения хватит и волки отступят, но не тут-то было. Люди их только разозлили, и волки двинулись нападать.

— Вперед! — крикнула я, и мы с Аззуеном и Маррой помчались с холма прямо к лосям.

— Ты сумасшедшая, сама знаешь, — выдохнул Аззуен.

Я улыбнулась на бегу. Хорошо, что мы наконец-то занимаемся делом, даже если оно

приведет нас к гибели...

Вблизи лоси казались огромными, и во мне зашевелился страх, но я прогнала его прочь. Захоти я сейчас повернуть назад — все равно уже поздно. Марра, легконогая и бесстрашная, летела к центру круга, мы с Аззуеном мчались за ней. Проскочив мимо пары однолеток Древесной Тропы и скользнув под ногами у старого человеческого самца, мы врезались в лосиное стадо.

Лоси бросились врассыпную, тут же заматались люди и волки. На миг я застыла в ужасе, вспомнив конские копыта и смерть Реела, однако сразу встряхнулась: с тех пор я много раз охотилась с людьми и даже добыла оленя, а еще загоняла лося на давней охоте стаи, так что все удастся.

— Получается! — радостно прокричала Марра, проносясь мимо. Она, кажется, и вовсе не чувствовала страха. — Сюда!

Аззуен с Маррой углядели проход между мечущимися лосями и бросились в него; я отпрыгнула от тяжелого копыта и кинулась следом за ними. С разбегу мы выскочили на пустое место позади круга и, задыхаясь, остановились посмотреть, что же мы наделали. Напуганные лоси беспорядочно носились по полю; волки с людьми, озабоченные только тем, чтобы не попасть им под копыта, и не думали друг на друга нападать. Я едва верила собственным глазам. У нас все получилось!

— Пойдем за Бреланом и Микланом! — забеспокоилась Марра. — Если Скалистые все-таки затеют битву, надо будет уходить из Долины, тогда встретимся у Ольховой Переправы.

Не дожидаясь моего ответа, Марра помчалась к тому месту, где до этого видела Миклана, Аззуен понесся следом. Я видела, как Тали спускается по холму, и побежала было туда, на всякий случай поглядывая в сторону лосей. Их поведение настораживало: за ними ведь гоняются люди с оружием и рычащие волки — лосям давно пора убежать с глаз долой. А они все толпятся посреди равнины.

И тут с другого конца поля донесся треск ломающихся веток: кто-то выходил из леса прямо туда, где собралась стая Быстрой Реки. Я ожидала увидеть верховных волков, идущих всех убивать, — однако то были не волки.

Невозможно, подумала я. Такого не бывает. Лоси-самцы не ходят толпой. Лоси не охотятся!..

И все же то были лоси, явно настроенные на драку. Семеро самцов под предводительством Ранора и его брата Йонора, угрожающе склонив головы, с грозным ревом вылетели из леса — злобные, яростные, готовые растерзать тех, кто посягал на их самок. Я в ужасе оглянулась на спугнутое нами стадо: мы-то думали, что безумие схлынет так же легко, как у коней, однако лосихи все продолжали метаться, а теперь, при виде несущихся к ним самцов, кинулись на тех, кто им угрожал.

— С конями было по-другому! — крикнула я. — Почему?

— Лоси — не просто дичь, — каркнул над головой Тлиттоо. Он порхнул вниз, уселся под ногами и повертел головой. — Похоже, они научились охотиться!

Рисса предупреждающе твякнула, волки Быстрой Реки рассыпались в стороны перед разъяренными лосями. Рууко, рыча, вместе с Иллин и Минном кинулся на Ранора и тех четверых, что неслись к взбесившимся самкам. Рисса с Веррной дожидались Тревегга — старик, спускаясь от нас, оказался на пути еще двух лосей. Предупрежденный Риссой, он ускорил бег, но поскользнулся в грязи и повредил лапу, а когда, прихрамывая, двинулся дальше, двое лосей свернули, явно намерившись его затоптать.

На одного бросилась Веррна. Молодой самец, меньше всех ростом, под натиском крупной волчицы смешался и повернул прочь. Вторым был Йонор, и отступать он не собирался. Наклонив голову, он несся на Тревегга — тому явно не хватало времени уйти с дороги, и я побежала к нему.

Рисса, зарывав, прыгнула на Йонора. Обычно волки не целят в голову лосям, опасаясь рогов, но Риссе, чтобы отвлечь Йонора от старого волка, ничего другого не оставалось. Лось резко двинул головой, с торжествующим ревом поддел Риссу чудовищными рогами и кинул

на землю так, что волчица взвыла от боли.

Летя к Риссе со всех ног, я услышала позади неистовый вой Рууко, к нам уже мчалась Веррна, и я знала, что стая вот-вот будет здесь, — но времени не оставалось, я была ближе всех к Йонору. Лось, глянув на меня, пренебрежительно фыркнул, считая меня слишком мелкой помехой; он чуть ли не ухмылялся, уже поднимаясь на задние ноги, чтобы передними растоптать Риссу. При мысли о грозных рогах у меня перехватило горло, однако я отогнала страх и попыталась сосредоточиться, вспоминая охоту с Тали: направление прыжка, угол атаки... С огромным лосем одной силой не справиться, тут надо умом и хитростью; нападением сзади его не осадить — значит, остается одно. Я перевела дух, сжалась перед прыжком — и стремительно рванулась вперед, целя зубами в нос Йонору. Вцепившись ему в морду, я повисла на нем всей тяжестью, пока он вскидывался и бил копытами воздух, пытаясь сбросить меня на землю. Я моталась взад-вперед, не разжимая зубов, а он размахивал мной, как сухим осенним листом, — я вот-вот ждала, что разорвется шея или отвалятся лапы. Никогда в жизни мне не было так больно.

— Серебряная Луна! — разлетелся над полем голос Тали. Я чуть не забыла о ней, кинувшись на помощь Риссе с Тревеггом. Даже болтаясь из стороны в сторону, я различила ее шаги и порадовалась, что она бежит мне на помощь, но ей все равно не успеть — слишком далеко... Краем глаза я заметила, как Веррна вцепляется в круп Йонору, как легконогая Иллин несется к нам со всех ног, лишь чуть опережая Рууко. Силы иссякали, хватка уже ослабла, долго я так не провишу... Захлопали черные крылья — Тлиттоо бил в голову Йонору, пытаясь его отвлечь, но меня это не спасало, висеть становилось все тяжелее.

Внезапно Йонор всхрипнул и споткнулся — и Веррна, Рууко и Иллин, не теряя ни мгновения, налетели и свалили его на землю. Я откатилась, чтобы меня не раздавило тяжестью, и стая тут же загрызла лося насмерть.

Я отползла в сторону. Запыхавшаяся Тали стояла в добрых десяти прыжках от нас, ее острая палка торчала из шеи Йонора. Одним ударом, даже таким мощным, лося не убить, но палка Тали остановила Йонора, остальное довершила стая. Девочка крепко сжимала в руке вторую палку, которой метают острые палки, и глядела на лося горящим взглядом охотника.

Тревегг был уже на ногах, Рисса не поднималась. Рууко, подойдя к ней, принялся вылизывать ее мех, волчица подняла к нему морду. Она задыхалась, словно ей не хватало воздуха; из раны, оставленной рогами Йонора, лилась кровь. Тали, мгновение поколебавшись, осторожно подошла и опустилась на колени рядом с Риссой. Рууко тут же встопорщил загривок.

— Я хочу ей помочь, волк, — тихо сказала девочка дрогнувшим голосом. — Если она не сможет дышать, то умрет. Так хрипел мой двоюродный брат, когда сломал ребро, и я убрала помеху для дыхания. А потом пришла бабушка и вправила ему кости.

— Разреши ей, Рууко, — посоветовал Тревегг. Рууко помедлил. Рисса тяжело хрипела, силясь вдохнуть, и в конце концов вожак, склонив голову, отступил.

Из сумки, висевшей на спине, и из мешочка на шее Тали достала нужные травы и смешала их в ладони, потом из водяной сумки, которую носила на плече, плеснула на них водой и протянула смесь Риссе.

— Съешь, волчица, — проговорила Тали. — Травы помогут тебе дышать.

— Ей можно довериться, — кивнула я волчице, подталкивая к ней руку девочки. — Она из нашей стаи.

Тали осторожно положила смесь в пасть Риссе, чуть — вздрогнув, когда пальцы коснулись острых волчьих зубов. Я теснее прижалась к девочке. Остатки трав Рисса слизнула с ладони, через минуту хрип исчез, она задышала свободнее.

— Ребра то ли ушиблены, то ли сломаны, — сказала Тали, не сводя глаз с волчицы. — Дома я сумею помочь больше, но пока пусть она будет осторожнее.

Подняв голову, девочка встретилась взглядом с Рууко. Тот зарычал было, оскалившись, затем опустил морду и подошел к Риссе, чтобы помочь ей встать.

— Скажи ей спасибо, — бросил вожак.

— Каала, а с чего ты решила взбудоражить лосей? — спросила Рисса, слегка пошатываясь на ногах. — Я видела тебя посреди стада.

— Надо было предотвратить битву, — ответила я и наскоро объяснила про решение верховных волков. Глаза Рууко полыхнули гневом.

— Верховные волки нас, выходит, обманывали? И собирались убить?

— Надо остановить Торелла, чтоб не затеял бой, а то лоси уже успокоились. — Тревегг, зализывая больную лапу, посмотрел на меня и усмехнулся. — Взбудоражить лосей — я бы на такое не пошел. Зато время мы все-таки выиграли.

— Что толку? Торелл не остановится, — слабо проговорила Рисса. Взглянув на поле, она вдруг ахнула. — И Ранор тоже...

Я подняла голову. Хотя лоси-самцы начинали нападать все вместе, порядка среди них было меньше, чем в волчьей стае. Страсть соперничества оказалась сильнее ненависти к людям и волкам, и теперь лоси явно забыли, зачем пришли на поле. Они метались по сторонам, споря из-за самок, иные начали драться между собой, кто-то уже уводил отвоеванных самок прочь с равнины. Волки и люди, каждый в своей стае, оглядывали раненых собратьев и уже не собирались воевать. Нам, кажется, все-таки удалось остановить битву, хотя бы временно.

Однако, проследив взгляд Риссы, я поняла, что ошибаюсь.

Ранор, стоя над поверженным братом, смотрел на острую палку Тали, торчавшую из шеи Йонора. От палки его взгляд скользнул к девочке, которая ощупывала ребра Риссы и накладывала травяную смесь на кровоточащую рану. Огромный зверь склонил голову, увенчанную грозными рогами, и из его глотки вырвался низкий рокочущий рев, словно он вызывал на бой самца-соперника.

— Ко мне! — приказал он лосям.

Головы подняли только двое самцов — оба молодые и неопытные.

— Человечье отродье погубило моего брата! — взывал Ранор. — У людей даже детеныши умеют убивать! Истребим сосунков, не дадим им вырасти и уничтожить наш род!

Он зашипел сквозь зубы и устремился к группе человеческих детей, которые, отделившись от взрослых, прятались в высокой траве. К Ранору, то и дело грозно склоняя голову, с ревом помчались молодые самцы.

Увидев, куда они бегут, Тали ахнула и шагнула в сторону людей, но тут же оглянулась на Риссу — волчица, тяжело дыша, еле стояла на ногах.

— Я не могу ее бросить, — прошептала девочка.

Я тронула носом ее руку и побежала к людским детенышам. Вернее, попыталась: шея и спина разламывались от боли, бежать я могла лишь вполсилы. Лоси точно успеют раньше меня... Я оглянулась за помощью — и увидела Аззуена с Маррой, которые вместе с Бреланом и Микланом стояли неподалеку от детенышей спиной к лосям, наблюдая за Тореллом и его волками, которые кружили на одном месте и, по-видимому, ссорились.

— Спасайте детенышей! — прокричала я. Дыхания не хватало, голос сорвался. Битва с Йонором ослабила меня больше, чем я думала. Из-за лосиного рева и людского гомона стая меня не услышала, и рядом даже не было Тлиттоо, чтобы поднять переполох.

— Щенки в опасности! — разнесся рокочущий голос Веррны.

От неожиданности я даже споткнулась. Веррна бежала к детенышам; Аззуен, обернувшись на ее клич, ткнулся головой Брелану в бедро — тот, увидев, куда направляется Ранор с двумя самцами, что-то прокричал людям, и несколько мужчин понеслись через поле к малышам, хотя опередить лосей они явно не успевали.

— Убьем людей! — крикнул Ранор. — Сколько можно бояться охотников! Равнины наши, пора их вернуть!

Молодые лоси помчались еще быстрее. Позади меня раздался мягкий топот, со мной поравнялась Иллин.

— Скажи мне, что делать! Скажи, как охотятся с людьми!

— Откройся им, — задыхаясь, проговорила я на бегу. — Найди того, кого сумеешь

понять, и попробуй охотиться с ним как с волком своей стаи. Они такие же, как мы.

Иллин кивнула и побежала дальше, меня нагнала Веррна.

— Пока есть ум и зубы, я буду драться как привыкла, — фыркнула она. — А вот убивать щенков я не позволю. Даже человеческих.

Она рванула дальше, не отставая от Иллин.

Бежать я больше не могла: силы иссякли, болью свело все тело, я едва ковыляла вперед. Оставалось только смотреть и надеяться.

Марра с Аззуеном и Брелан с Микланом мчались наперерез двум молодым лосям, спешившим на помощь Ранору. Я не смогла ничего прокричать, но люди с волками и без меня знали, что делать. Все четверо летели вперед так, будто годами бегали в одной стае, — слитно, единым движением, как вода по речным валунам. Аззуен с Маррой зашли с боков, гоня молодых лосей на Брелана и Миклана, которые с криком потрясали острыми палками. Лоси со злобным фырканием свернули в сторону и попытались наскочить еще раз — волки с людьми вновь отогнали их прочь. Лоси, потеряв терпение, устремились в другой конец равнины; Аззуен с Маррой гнали их до тех пор, пока не стало ясно, что лоси больше не вернутся.

Оставался Ранор. Огромный лось яростно взревел и ускорил бег, но в двух прыжках от малышей на него налетели Иллин и Веррна. Веррна ликующе взвыла, и в тот же миг человеческий самец — бежавший, должно быть, с той же скоростью, что и волки, иначе ему не успеть, — метнул в лося острую палку. Наконечник скользнул по лосиному бедру, и Ранор, остановленный двойным нападением, удивленно отшатнулся, однако тут же грозно наклонил голову и попытался напасть снова.

Иллин с Веррной и молодой самец оказались вместе, морда к морде. Веррна, мгновение помедлив, встряхнулась и отошла; Иллин вытянула шею и, раскрыв рот, вдохнула человеческий запах — и тут же лизнула мужчине руку. Все произошло так быстро, что я чуть было не решила, будто мне показалось. И в тот же миг Иллин с человеческим самцом побежали навстречу Ранору.

Я почти доковыляла до места, когда лось резко свернул, уклоняясь от Иллин с Веррной, и обернулся через плечо.

— Ко мне! — вновь воззвал он к двум молодым лосям. — Неужто трусили? Тем, кто всего боится, никогда не добыть лосих. Вперед, на бой, и я отдам вам своих самок!

Самцы, фыркнув, вновь повернули к Ранору, и втроем они начали продвигаться в сторону человеческих детей; на пути у них стояли лишь Иллин и молодой мужчина, однако туда уже подбегала Веррна, и через миг к ним присоединились Аззуен с Маррой и Брелан с Микланом. Люди потрясали острыми палками и тяжелыми камнями, волки скалились и рычали, над ними носился Тлиттоо с тремя воронами.

Молодые лоси дрогнули и пустились бежать.

Ранор было помедлил, но, заметив толпу людей, бегущую по равнине на выручку к детям, понуро мотнул головой.

— Вам, волкам, я сегодняшний день еще припомню, — прошипел он сквозь зубы. — Такое не забывается.

Еще раз мотнув головой, он пустился вслед за остальными лосями, прочь с равнины.

Глава 20

Волки Быстрой Реки не собирались ждать, когда люди подбегут ближе: возбужденная толпа непредсказуема. Веррна с Иллин резво потрусили прочь; Аззуен прижался к бедру Брелана, Марра ткнулась носом в ладонь Миклану — и оба волка помчались вслед за взрослыми. Я подумала было, что люди за ними погонятся, несмотря на то что волки спасли их детей, однако люди просто опасно смотрели вслед.

Битва, впрочем, была еще не кончена.

Со мной поравнялись Рууко и Минн, остальные собрались вокруг нас. Я увидела, как к

нам медленно приближается Рисса вместе с Тали, за ними Тревегг и Уннан. Иллин не отводила взгляда от мужчины, вместе с которым прогоняла Ранора. Веррна безмятежно потянулась и зевнула, явно довольная собой.

— Жаль, что нельзя догнать Ранора и показать ему, что бывает с наглецами, нападающими на волков Быстрой Реки, — протянула она, глядя вслед удаляющемуся лосю. Тлиттоо порхал над Ранором, то и дело дергая его за хвост. — Зато, кажется, Торелл не прочь с нами пообщаться.

Это было мягко сказано. Торелл и шестеро Скалистых со всех лап мчались к нам, чуть не дымясь от ярости, за ними едва поспевали волки Древесной Тропы. Я не спускала глаз с людей — вдруг они решат, что такое скопление волков грозит опасностью.

Торелл и Сеела подлетели к нам первыми, стоя остановилась рядом. Пелла среди них не было, я почему-то огорчилась.

— Еще не конец, — прорычал Торелл. — Ваши щенки загубили нам охоту, но мы свое наверстаем. И вы нас не остановите, иначе, клянусь, Рууко, я убью всех волков твоей стаи.

— Уймись, — ответил Рууко. — Все кончилось, потому что не должно было начинаться. Уходи с равнины и оставь в покое людей. Иначе будешь иметь дело с волками Быстрой Реки.

Торелл удивился: он явно не думал, что Рууко примет вызов.

— Из-за вас ранен мой лучший охотник! — прорычал Торелл. — Неизвестно, встанет ли он на ноги!

Я поглядела ему за спину — и сердце на миг замерло. На земле лежал Пелл, живой, но неспособный подняться.

— Всему виной лишь твои гордость и глупость, — ответил Рууко. — Ты потерял охотника, а я чуть не потерял спутницу. Я больше не позволю угрожать моей стае. Уходи с равнины, пока я разрешил: моего терпения хватит ненадолго.

Со всех сторон раздалось рычание: волки Быстрой Реки подтверждали слова вожака.

— Не уйдешь — напросишься на драку, — пригрозила Веррна.

— И заодно на драку с Древесной Тропой, — выступил вперед Соннен, вожак Древесных волков. — Зря мы тебя слушали, Торелл: ты втянул нас в беду и заставил мою стаю рисковать. Если нападешь на волков Быстрой Реки, будешь драться и с нами. Без Скалистых волков в Долине уж точно будет лучше.

Торелл бессильно зарычал. Сеела шагнула было вперед, однако Веррна заступила ей дорогу, и мы стали плотной стеной, оттесняя Скалистых назад, где выстроились волки Древесной Тропы. На мгновение мне почудилось, что обезумевшие Торелл с Сеелой ползут в драку даже при таком немыслимом перевесе, но им хватило ума остановиться. Вырвавшись из круга, Скалистые волки помчались прочь, и не подумав о раненом Пелле — что никак не заставило меня уважать их больше. Соннен склонил голову перед Рууко и вместе со стаей полетел вслед за Тореллом, чтобы тот не вздумал вернуться.

Сразу после ухода Скалистых бабушка Тали, наконец добравшаяся до равнины Высокой Травы, уверенно подошла к Пеллу и махнула рукой девочке. Тали подбежала, и обе самки, достав свои травы, склонились над раненым.

Я взглянула вокруг. Верховные волки, прятаясь по краям равнины, один за другим поднимались с мест, откуда следили за происходящим, и молча отступали в заросли.

Шея и спина болели так, что я чуть не падала. Я даже застонала.

Рууко мягко положил голову мне на плечо. Он не поблагодарил, не сказал, что был не прав, — просто на миг коснулся меня мордой. От растерянности я опустила голову, потом благодарно лизнула его в щеку и проводила взглядом, когда он отошел к Риссе. Затем, пытаясь не замечать боль во всем теле, я направилась к границе равнины — туда, где поле переходило в лес.

Оставалось исполнить еще кое-что.

Когда мы прогоняли Скалистых прочь с равнины, я видела, как на нас смотрел Зориндру. Теперь он вышел из леса еще до того, как я успела подойти, с ним были Франдра и

Яндру. Мы встретились на небольшой поляне сразу за деревьями, и верховные волки молча смотрели на меня, ожидая моих слов. Битва не состоялась, Скалистых выгнали с равнины — и все же я знала, что верховные волки могут нас уничтожить. Тлиттоо, приземлившись прямо передо мной, на миг прижал голову к моей груди. Я глубоко вздохнула, чувствуя, как застонало от боли каждое ребро, и уважительно склонила голову.

— Битвы не было, — сказала я Зориндру.

— И что? — неопределенным тоном спросил старый волк.

— Битвы не было, — повторила я. — Ты сказал, что если начнется сражение, то вы нас убьете. Всех. А сражения не было. Значит, волков и людей убивать незачем.

— Битва не случилась лишь потому, что ты взбудоражила лосей, — фыркнула Франдра. — Откуда нам знать — может, при первом же случае снова завяжется бой.

Тлиттоо выдернул из травы паука и кинул в волчицу.

Я оглянулась на людей и волков, рассыпанных по равнине. Старая криана оставила раненого Пелла и теперь шла к нам. Тали, склонившись над волком, что-то делала с его лапой, ей помогал маленький мальчик, присевший рядом. Волчица Древесной Тропы лизнула мальчика в макушку, тот рассмеялся. Соннен не сводил почтительного взгляда с моей Тали. По всему полю волки, собираясь группами, проверяли, не ранен ли кто из стаи, а люди оглядывали своих стариков и детей с заботой и любовью не меньшими, чем у любого волка.

— Вы никогда не пытались дать нам волю и посмотреть, что будет, — сказала я. — Верховные волки изгнали Лидду, не позволив ей остановить вражду. Может, ей удалось бы — вам-то откуда знать? — Я вздернула подбородок и приподняла хвост. — По крайней мере дайте нам попробовать.

Трое верховных волков не сводили с меня глаз. Старая криана подошла и положила руку мне на спину.

— Что скажешь, Зориндру? — проговорила она.

— Решение принимаю не я один, Ниали, — вздохнул старый волк. — Совет считает, что битва рано или поздно произойдет. Однако мне дали отсрочку. Каала, у тебя есть возможность показать, что мир в Долине может длиться хотя бы год. — Он надолго задержал на мне взгляд, мне даже стало неловко. — Мое предложение остается в силе, кроха. Я отведу тебя к матери. Можешь взять собратьев и троих ваших людей. Мне надо, чтобы ты осталась в живых.

— Вражда неизбежна, Каала, — тихо проговорил Яндру. — Что ты ни делай, сколько усилий ни трать — как только волк сближается с человеком, возникает раздор. Пойдем с нами. Твои дети станут хранителями и спасут волчий род.

— Нет! — вдруг воскликнула старая женщина. — Ты не прав!

— Что ты сказала? — рыкнула Франдра.

— Она сказала, что вы не правы, — услужливо подхватил ворон, явно ища подходящий предмет, чтобы запустить им в волчицу.

— Взгляните туда. — Старая женщина повела рукой в сторону поля. — Вы только и знаете, что держаться подальше от людей и следить за нами так же, как следят за добычей. Как вы можете нас охранять, если вы прячетесь? — Она склонилась и настойчиво зашептала мне в ухо: — Послушай, Серебряная Луна! Ты чувствуешь то, чего никогда не поймут волки-крианы: хранить людей издалека, сходясь лишь раз в месяц на Большой Разговор, нельзя! Как ты сблизилась с Тали, так две стаи должны слиться в одну!

— Тогда уж точно подерутся! — взорвалась Франдра. — Люди снова научатся лишнему! И начнут убивать еще лучше! И захотят подчинить себе всех — как во времена Индру и Лидды!

— Значит, общение с людьми должно сделать волков лучше, — медленно проговорил Зориндру, задумчиво глядя на старую женщину. — Стоит попробовать. Но помни, Каала: если решишь остаться с людьми, обратного хода не будет. Люди переймут от волков столько, что, если вы расстанетесь, люди разрушат весь мир. Раз начав, нельзя отступить,

чего бы это ни стоило тебе и твоим собратьям.

А волков тебе еще придется убеждать — ведь судьба твоей стаи навечно свяжется с судьбами людей.

Меня даже затрясло. Требовать от меня такой ответственности, когда мне не исполнилось и года... Решать за всех волков? Отказаться от матери — может, даже навсегда?..

— Что же, кроха? — склонился ко мне Зориндру. — Как ты решишь?

Я оглянулась на поле. Тали залечивала раны Пелла, Брелан с Аззуеном стояли неподалеку. Миклан лежал рядом с Маррой, глядя ее по спине и временами оглядывая — не ранена ли. Иллин подошла к молодому самцу, с которым она отгоняла Ранора, и ткнулась мордой ему в живот. Тревег осторожно подполз к старой человеческой самке, та полезла в мешочек на поясе и дала волку жареного мяса. Двое людских малышей кинулись бороться с однолетком из стаи Древесной Тропы, и Соннен, смеясь, не отводил от них взгляда. Стая, подумала я. Стая, отдыхающая после битвы или охоты.

А стая должна быть нераздельной, даже в трудные времена.

Тали помогла Пеллу встать на ноги и обернулась к нам. Старая криана вновь положила руку мне на спину.

— Я остаюсь, — проговорила я. — Мы остаемся с людьми.

— Хорошо, — кивнул Зориндру. — Дадим этот шанс волкам Широкой Долины.

Я благодарно лизнула его в морду и склонилась перед верховными волками и старой женщиной. Затем, встряхнувшись, побежала на равнину, где меня ждали волки и люди моей стаи.

Эпилог

Лидда стояла у кромки деревьев, на границе между мирами — живым и бесплотным, — и смотрела, как волчица-подросток с белым полумесяцем на груди приближается к группе людей и волков. Дел предстоит еще много, подумала Лидда, бросая взгляд за плечо, в сторону бесплотного мира. Ее скоро хватят — а может, и накажут. И все же она не отрывала взгляда от равнины. Когда над Широкой Долиной поднялось солнце, освещая волков и людей, вновь сошедшихся вместе, с души Лидды будто свалилась давняя тяжесть. И волчица тихонько, совсем незаметно, завалила хвостом.

От автора

Три женщины, без которых эта книга никогда не была бы создана, — Памела Беркман, Харриет Ромер и моя мама Джин Херст. Благодаря им я стала писать, и они поддерживали меня во всех испытаниях, связанных с работой над первой книгой. Мой отец, Джо Херст, еще в юности научил меня тому, что главное в жизни — найти любимое дело, и подкрепил это своим примером, будучи врачом, фотографом и человеком обширных знаний. Моим родителям я обязана также бесконечной поддержкой и жизненным примером честности и мужества.

Мой брат Эд и сестра Марти служили мне образцом для подражания в детстве, вдохновляли и поддерживали меня в зрелом возрасте и никогда не сомневались, что я напишу удачную книгу. Моим дедушкам и бабушкам не суждено было дожить до встречи с волками, но их любовь помогла мне стать человеком, которому по плечу писательство.

Сама не понимаю, как мне удалось найти Молли Глик. Ее увлеченность волками, вдумчивые советы, необычайная сообразительность и ум стали истинной находкой и принесли мне немало восторга. Мне вторично повезло, когда волки попали в издательство «Саймон энд Шустер», к изумительной Керри Колен, чьи глубокие замечания и мудрые советы подняли книгу уровнем выше. Спасибо Виктории Мейер, Ребекке Дэвис и Ли

Василевски, сотрудникам издательства и прекрасным специалистам по рекламе и маркетингу; Марселле Бергер и всему отделу издательства, занимающемуся зарубежными правами; Стивену Ллано и Тому Питониаку, внимательным редакторам; а также Джессике Регел из агентства «Джин Наггар», занимавшейся правами на аудиопroduкцию.

Мне очень повезло поработать с группой людей, изменивших мою жизнь и заставивших осознать тот факт, что мы пришли на Землю для того, чтобы чего-то достичь. Огромное спасибо моим милым друзьям — Полу Фостеру, Дэвиду Греко, Ксении Лисаневич и Джоанне Вонделинг. Дженнифер Бендери, Колин Бронду, Элисон Бруннер, Пол Козн, Джессика Эгберт, Линн Хонрадо, Оушен Хауэлл, Эрин Джоу, Тамара Келлер, Брюс Лундквист, Дебра Наситка, Дженнифер Н., Марианна Райков, Карен Уорнер, Дженнифер Уитни, Джесс Уайли, Акеми Ямагучи, Мэри Зук заслуживают глубокой благодарности за участие в этом удивительном путешествии. Всем и каждому в волшебном мире «Джосси басс» — спасибо за создание места для грез о будущем.

Спасибо Бонни Акимото, Элисон Бруннер и Черил Гринуэй за дружбу и поддержку. Я бесконечно благодарна вам, друзья, кто вдохновлял меня — и периодически вытаскивал из квартиры на улицу: Брюс Беллингем, Диана Бодифорд, Лора Козн, Эмили Фелт, Диана Гордон, Рик Гуттиэрес, Нина Крейден, Лесли Иура, Джейн Левиков, Кейти Левин, Донна Райан, Меран Саки, Карл Шапиро, Лиан Шейер, Старла Сирено, Кейт Суини, Тигрис, Эрик Трэшер, Бернадетт Уолтер, Джефф Уайнекен. Особая благодарность и признательность за поддержку в трудный момент — Элисон, Бонни, Черил, Джоанне, Пэм и моей семье.

Спасибо мастеру Норману Лину, учившему меня уверенности, мужеству и стойкости, а также моим друзьям по клубу тэквондо в Сан-Франциско: без всего, чему вы меня научили, мне не удалось бы преодолеть трудности, связанные с написанием первого романа.

Спасибо Сьюзен Холт за удивительные разговоры о волках и коэволюции, за путешествие по Франции ради встречи с древним пещерным искусством, а также за хаски. И огромное спасибо Джоан Ирвин, спасшей меня от хаски.

Мне повезло с замечательными учителями, которые давали много ценных советов во время написания и публикации моей первой книги. Спасибо вам, Алан Шрейдер, Кэрол Браун, Дебра Хантер, Фрэнсис Хессельбейн, Линн Лукоу, Мюррей Дропкин, Дебби Ноткин, Шерил Фуллертон и Хизер Флоренс.

Мне посчастливилось работать с прекрасными исследователями и авторами в общественной и государственной сфере, и я благодарна им за опыт сотрудничества. Каждая книга, над которой я работала вместе с вами, становилась для меня примером самого лучшего, что есть в мире.

Меня неизменно удивляло и повергало в робость великодушные исследователей, занимающихся волками и собаками, и специалистов по эволюции, которые щедро дарили мне свое время и знания. Норм Бишоп, Луиджи Боитани и Эми Кей Кербер, специалисты по волкам, любезно прочли ранний вариант рукописи и поделились ценными соображениями. Реймонд Коппингер, Темпл Грандин, Пол Такон и Элизабет Маршалл Томас консультировали меня там, где дело касалось эволюции волков, собак и людей.

Рик Макинтайр, Дуглас Смит, Боб Ландис и Джесс Эдберг поделились рассказами о волках и советами. Мнение Конни Миллар и большая беседа о палеоэкологии и климате оказались поистине неоценимыми. При работе над «Законом волков» я прочла не меньше миллиона книг, нашедших отражение в романе. Особенно полезны оказались работы таких авторов, как Луиджи Боитани, Стивен Будьянски, Реймонд и Лорна Коппингер, Джаред Даймонд, Темпл Грандин, Бернд Хайнрих, Барри Лопес, Дэвид Меч, Майкл Поллан, Дуглас Смит и Элизабет Маршалл Томас, а также исследования Роберта Уэйна и Д. К. Беляева. Благодарю Международный центр по исследованию волков, Защитников живой природы, Йеллоустонскую ассоциацию, организации «Волчий рай» и «Волчий парк», а также Центр по спасению и исследованию диких животных за информацию и исследования о волках. Спасибо Жин Клотт и чудесным людям в Комбареле, Фон-де-Гом, и музею в Лез-Эзи. Спасибо Джеймсу Хопкину и Бернадетт Уолтер за помощь с географией Широкой Долины.

Отдельной благодарности достойны Сэм Блейк и Даниель Йохансен из волчьего приюта «Помощь волкам», а также Данте, Команч, Леди Шайенн и Мотзи за согласие со мной позировать и, кроме того, Лори Чун за волшебные фото с волками и Джерри Бауэр за великолепную фотоохоту и потрясающие снимки.

Мне всегда с трудом верится, что можно взаправду прийти в библиотеку и прочитать любую книгу, какую захочешь. Библиотекам — моя отдельная благодарность.

Значительная часть этой книги была написана в разных кафе Сан-Франциско и Беркли. Спасибо вам, Майкл и все в «Итс э гринд» на Полк-стрит, Аликс и Голанц в «Ройал граунд», Филип и компания в «Крип хаус». И огромная благодарность всем владельцам кафе, позволяющим писателям часами сидеть и стучать по клавиатуре ноутбука. Для тех, кто тоже пишет в кафе: не забывайте заказывать еду, делить стол с другими посетителями и давать щедрые чаевые.

Над первыми главами книги я работала в сотрудничестве с писательским сообществом «Сквой вэлли», и опыт работы с писателями существенно повлиял на мое мировоззрение. Отдельной благодарности заслуживают Сандс Холл, Джеймс Хьюстон и Дженет Фитч, не поскупившиеся на ценные советы. Я благодарна также Донне Левин и соученикам по «Калифорния райтин проджект».

И наконец огромное спасибо всем более или менее прирученным волкам, помогавшим мне в собирании материала, — вам, Эмми, Джуд, Найк, Талисман и Айс, Кума, Хоши, Скуби, Руфус, Сенга и Тесс, Флэш, Фи и Мингус, Шекспир, Нони, Джинджер и Карамель. Особая благодарность котяткам Доминик и Блоссом, которые ясно показали мне, кто кого приручил.

Всякое сходство между волками в книге и знакомыми мне людьми является случайным. Как будто.